

UNIVERSITAS
PETROPOLITANA
MDCCXXIV

Die slawische Phraseologie und Phraseographie: phraseologische Neologismen in slawischen Sprachen

Kollektivmonografie

Славянская фразеология и фразеография: фразеологические неологизмы в славянских языках

Коллективная монография

Отв. ред.

Харри Вальтер (Германия)

Валерий Михайлович Мокиенко (Россия)

Редакционная коллегия:

Т.В. Володина (Белоруссия), И.В. Кузнецова (Россия),

С.А. Савченко (Россия-Тайвань)

Грайфсвальд – Санкт-Петербург 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214
«Человек и общество в зеркале новой русской
фразеологии»

Rezensenten/рецензенты:

Prof. Dr. Ludmila Stepanova (Olomouc)

Prof. Dr. Ewa Komorowska (Szczecin)

Vladimir Arifulin (Greifswald)

Impressum:

Harry Walter, Valerij M. Mokienko (Hrsg.)

Die slawische Phraseologie und Phraseographie: phraseologische
Neologismen in slawischen Sprachen. Kollektivmonografie.

Славянская фразеология и фразеография: фразеологические
неологизмы в славянских языках. Коллективная монография.

Greifswald: Universität Greifswald, 2021. – 171 S.

ISBN: 978-3-86006-484-9.

Слово о Festschriftном Юбиляре

В Германии существует старая добрая университетская традиция: любого профессора – каких бы он научных и педагогических высот ни достиг – в 65-летнем возрасте торжественно и с любовью провожают на так называемый *Ruhestand*. Это коротенькое, как и все немецкие слова, словечко, можно, конечно, передать не менее кратким русским фразеологизмом заслуженный отдых. Тем не менее *Ruhestand* и заслуженный отдых, как кажется, – не совсем эквиваленты. Скорее, как говорят в Одессе, – это две большие разницы. Ибо *Ruhestand* предполагает философский созерцательный покой, вольтеррианское душевное равновесие, размышление о смысле еще далеко не прожитой жизни и вкушение ее трудовых плодов. Залуженный же отдых – это нечто вроде таймаута, взятого уходящим на пенсию человеком. Причем если немецкий *Ruhestand* очерчен очень чётко хронологическими рамками, пределом которых и является Festschriftное 65-летие, то русский заслуженный отдых, как правило, таких временных пределов не имеет: на заслуженный отдых у нас могут отправить (а иногда и просто послать) и тридцатилетнего здоровяка, и столетнего старца. Мне посчастливилось знать таких уважаемых и почитаемых университетских профессоров в России, которые и после 90-летнего юбилея так и не уходили на отдых, хотя его, несомненно, заслуживали...

Но не будем сравнивать немецкий концепт с русским и определять их плюсы и минусы. Ведь сегодня нас интересует именно вольтеррианский немецкий *Ruhestand* профессора Харри Вальтера – председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, члена президиума МАПРЯЛ, автора почти тысячи научных трудов,

инициатора многих международных конференций. А главное – одного из самых любимых преподавателей студентов Института славистики старейшего университета Германии, который он когда-то давно окончил и с которым он прошёл всю свою научную и педагогическую жизнь...

Признаюсь: я, как и многие фразеологии-слависты из разных стран мира, с торжественной определённой, свойственной немецкому менталитету, ждал славной даты – Festschriftного Рубикона нашего друга и почитаемого коллеги профессора Харри Вальтера – 6 апреля 2021 года, когда ровно 65 лет тому назад наш славный Ruhestandный Юбиляр имел счастье к нашему общему удовольствию появиться на свет. Именно к этой славной дате мы, фразеологи, готовили целый каскад радостных встреч, конференций, круглых столов и выездных семинаров. Готовили, ибо по-славянски хотели не давать никакого Ruhestanda человеку, которому такое покойное состояние, как мы хорошо знаем, абсолютно не свойственно...

И вдруг... Наши планы по-немецки точно и чётко отправить нашего Харри Вальтера в Ruhestand начали шаг за шагом терять свои добрые старые традиционные очертания. Немецкое правительство, боясь своевременного ухода проф. Х. Вальтера на заслуженный отдых, вдруг продлило хронологические рамки его пенсии. Он, конечно же, мог бы 6 апреля 2021 года с гордо поднятой головой уйти на свой заслуженный Ruhestand. Для этого он даже в этот день щедро угостил своих коллег по Институту славистики, намекая имплицитно на добрую старую традицию. Но – *Dura lex, sed lex...* Законопослушность – одна из неизбежно традиционных черт характера каждого немецкого профессора. Да и любовь к студентам и к своему Институту победила. И теперь Харри Вальтер как законопослушный универсант продолжает тянуть свою почётную университетскую ляжку ещё один семестр...

Да, дорогой наш Харри Вальтер, как сказал бы и в этом случае

Александр Блок, «Покой нам только снится...»... Придётся потерпеть, тем более, что, как стало известно, немецкое правительство границы ухода на пенсию собирается отодвинуть до 90-летнего возраста. Но, даже если нашему Festschriftному Юбиляру и удастся рано или поздно вырваться на Ruhestandную волю, мы, фразеологии, ему покоя не обещаем...

Идея же **Festschriftного** юбилея, однако, для нас, авторов этой коллективной монографии, посвящённой именно **65-летию** Х. Вальтера, оказалась, как мы видим, хронологически размытой. Ведь если проф. Х. Вальтер не ушел на свой законный Ruhestand, то вроде бы (если быть по-немецки пунктуальным) и 65-летия не было. А значит – и **Festschrift** повисает в пространстве, как воздушный замок... Нам, авторам этой книги, пришлось долго ломать голову, ища выхода из этой Буридановой ситуации...

Помогла, как всегда, библейская мудрость. Мы вспомнили завет Иисуса Христа своим ученикам: «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Марк, 2, 23-27). Пусть нашего якобы Юбиляра ещё и не отправили на его заслуженный якобы Ruhestand, но наша Суббота уже была – мы ведь провели запланированную нами международную мартовскую конференцию в Санкт-Петербурге в 2020 году несмотря на карантин, собрали авторские тексты для нашей коллективной монографии на любимую тему Харри Вальтера – «**Славянская фразеология и фразеография: фразеологические неологизмы в славянских языках**», даже включили (для конспирации!!!) его же собственный доклад в эту книгу, а три бессменных редактора нашего ежегодного Петербургского фразеосериала – Т. В. Володина, И. В. Кузнецова и А. В. Савченко – денно и ночью трудились над её усовершенствованием в трудное карантинное время.

Да: **Суббота** была-таки! И была вóвремя, как и полагается по Священному Писанию. Но и **Человек** есть – тоже как в Священном Писании!!! Правда, уже несколько (хотя не столь уж и много) переваливший за свой **65**-летний **Festschrift**овый рубеж. А раз так, и раз всё-таки наша уже готовая, ожидаемая авторами **Festschrift**-Суббота предназначена для этого Человека, то мы выпускаем её в свет неканонически раньше, чем теперь в Германии определяется конкретный узаконенный срок ухода Человека на заповедный *Ruhestand*...

Решив для себя и авторов этой книги главный вопрос – о предпочтительности Человека над Субботой, мы, однако, создали для себя и другую, не менее сложную проблему. Ведь если Человек (а тем более такой Человек, как Харри Вальтер, которому ничто человеческое не чуждо) важнее Субботы и его юбилей какой-то не традиционно **Festschrift**овский, то предврать нетрадиционный **Festschrift** традиционным развёрнутым изложением его биографии и детальной классификацией его научных трудов было бы алогичным. Тем более, что автор этих строк уже неоднократно такое жизнеописание профессора Х. Вальтера и анализ его творчества представлял всем вальтерианцам – достаточно назвать лишь несколько юбилейных:

1. Харри Вальтер: учитель, ученый, человек // Слово в словаре и дискурсе. Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО Издательство «Эллис», 2006. – С. 5-15.
2. К пятидесятилетию Харри Вальтера // *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*. Redakcja naukowa Wojciech Chlebda. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2007. – С. 15–43.
3. О нашем юбиляре // Фразеология и языковая динамика. Сборник научных трудов, посвященных 55-летию профессора Харри Вальтера, почетного доктора Санкт-Петербургского университета. Материалы

XXXIX Международной филологической конференции (15 – 19 марта 2010 года). – Greifswald – Санкт-Петербург, 2011. – С. 5-23.

4. Профессор Харри Вальтер – учёный и Человек // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. Отв. редактор: В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург). Редакторы: Т. В. Володина (Минск, Беларусь), И. В. Кузнецова (Чебоксары, Россия), А. В. Савченко (Санкт-Петербург, Россия). – Санкт-Петербург – Грайфсвальд 2016. – С. 7-36.

И вот, размышляя в бессонные ночи о нетрадиционности традиционного и традиционности нетрадиционного, мы, авторы этой Книги, единодушно пришли к новаторской – в духе тематики этой монографии – идее. А именно: вместо сухих научных пересказов направлений исследовательской деятельности [почти]Юбиляра – выразить ему в своих простых человеческих здравицах простые человеческие чувства!!! И эта идея так понравилась всем участникам прошлогодней мартовской конференции и всему мировому фразеологическому сообществу, что на нас, издателей Книги, обрушился целый всемирный потоп здравец. Потоп, полноводность которого превысила размеры нашей традиционной монографии.

Поэтому, по зрелому размышлению, мы решили принять Соломоново решение. Выборку (разумеется, субъективную) таких человеческих здравец мы и представим здесь как своеобразный **Vorwort** к этой коллективной монографии. А полноводный комплект здравец профессору Харри Вальтеру мы поднесём ему в специальном Здравочном альбоме точно в тот день, когда он официально, по всей строгости немецкого законодательства, получит наконец свой заслуженный *Ruhestand*...

Тем не менее, даже из этого исключения из традиционных и нетрадиционных правил авторы монографии попросили-таки нас сделать исключение. Как заинтересованные читатели и почитатели научной

славистической сокровищницы будущего Юбиляра, они попросили нашу редколлегию поместить в Книгу и **полную библиографию печатных трудов проф. Х. Вальтера**. Выполняя столь традиционно нетрадиционную просьбу, мы так и делаем, помещая эту Библиографию после нашего предисловия и здравниц – перед основной частью монографии.

Хорошо зная, как умеют фразеологии нетрадиционно мыслить и действовать, мы надеемся, что читатели этой Книги получат от нее такое же удовольствие, как и авторы и редакторы, которых во время работы над нею не оставлял беспокойный дух Юбиляра и воспламеняли самые добрые чувства к Человеку, которому она посвящена.

В. М. Мокиенко

Здравицы друзей проф. Харри Вальтера

По случаю его Юбилея

(Избранное)

Lieber Harry!

Nun bist Du, mein lieber Freund, auch 65 geworden, und natürlich möchte ich Dir aus dem fernen Amerika alles Gute und Liebe zu Deinem Geburtstag wünschen. Du hast in Deinem Leben so viele Menschen mit Deiner Frohnatur und Deinem Wissen bereichert – Deine Familie, Freundinnen und Freunde, Studentinnen und Studenten, Kolleginnen und Kollegen sowie Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler in aller Welt. Ich werde es nie vergessen, daß ich Dich zusammen mit unserem lieben Freund Valerii Mokienko vor einigen Jahren in Greifswald besuchen konnte und sogar einen Vortrag an Deiner Universität halten durfte. Wir drei Freunde haben dieses Treffen genossen und erkannt, daß wir mit Freude und Enthusiasmus der fröhlichen Wissenschaft dienen. Wir schätzen uns gegenseitig, wir helfen einander und wir sind begeistert, wenn einer von uns wieder ein neues Buch herausgebracht hat. Ja, Harry, und Du beschenkst uns am laufenden Band mit Deinen gewichtigen phraseologischen und parömiologischen Werken. Man kommt aus dem Staunen betreffs Deiner Produktivität gar nicht heraus, und eigentlich müßtest Du mindestens so alt sein wie Valerie und ich. Wie sonst hast Du ein so gewaltiges Lebenswerk schaffen können!

Alle Deine Bücher stehen hier bei mir in Vermont, und es ist immer wieder eine Freude, sie zur Hand zu nehmen oder ein Paket mit Deinem neuesten Buch zu erhalten. Das geschah zuletzt im März, als ich Dein Buch Deutsche Sprichwörter und Redensarten. Historisch-etymologische Skizzen mit europäischen Äquivalenten (Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2021) als einmaliges Geschenk bekam. Kurz darauf schrieb ich Dir am 14. März 2021 folgende enthusiastische Zeilen, die ich hier wiederhole, um in aller Öffentlichkeit zu bekunden, was für ein toller „Prachtkerl“ Du für uns alle bist:

Mein lieber, unglaublicher Harry!

Vor zwei Tagen ist Dein Jahrhundertwerk (!) – dieses Wort habe ich noch nie benutzt – hier eingetroffen, und ich habe schon zahlreiche Stunden damit verbracht. Unglaublich, was Du mit diesem Wälzer geleistet hast! Ich staune, bin begeistert, und kann das Buch nicht aus den Händen legen!

Wie und wann hast Du das geschafft. Mit Dir kann niemand mithalten. Sämtliche Sprichwortforscher (Professoren und Studenten) müssen sich dieses Buch anschaffen. Es ist bereits ein Standardwerk mit seinen etymologischen, semantischen, historischen Erklärungen und dem unglaublichen Reichtum an fremdsprachlichen Entsprechungen. Eine kolossale Leistung, lieber Harry!

Ich danke Dir für Deine so liebe Widmung auf der Titelseite und habe mich auch gefreut, daß Du mich zum „Sprichwort-Papst“ (S. 9) erhebst. Wenn das wirklich (?) so ist, so bist Du mein ebenbürtiger Nebenpapst. Aber natürlich gehört Valerii als Dritter ebenso dazu, so dass wir drei eine Papst-Troika sind! Es ist ja zu schön, daß wir drei uns so gegenseitig schätzen und unterstützen. Meine große Hoffnung ist es,

daß wir uns recht bald wieder treffen können, denn es müssen einige Flaschen Wein geleert werden, um all unsere parömiologischen Erfolge zu feiern.

Also, lieber Harry, ich hoffe, daß ich die richtigen Worte gefunden habe, um Dir meine Begeisterung und Dankbarkeit für Dein „magnum opus“ auszusprechen. Ich werde es wohl täglich benutzen und immer an Dich denken. Es ist ein Jahrhundertwerk, und Du stehst mit Recht neben [Karl Friedrich Wilhelm] Wander [Deutsches Sprichwörter-Lexikon, 5 Bde. Leipzig: Brockhaus, 1867-1880]!

Ganz viele liebe Grüße an Regina, Anne und Dich. Bleibt gesund. Barbara und ich sind inzwischen zweimal mit dem Pfizer Impfstoff geimpft worden. Es gibt Licht am Ende des langen und dunklen Tunnels der Pandemie.

Herzlichen Dank nochmals und riesengroßer Glückwunsch – Grüße auch von Barbara,

Dein dankbarer und Dich bewundernder Wolfgang

P.S. Eine Kopie dieser Zeilen geht an den dritten Papst Valerii und Violetta.

Dieser damals spontan geschriebene Brief mit seinem eingestreuten Humor über uns drei Professoren mag verdeutlichen, daß zur seriösen Wissenschaft eben auch die Menschlichkeit gehört. Forschung und Lehre ohne unterstützende und liebevolle Freundschaft wären mehr oder weniger bedeutungslos, denn sie ergeben doch erst Sinn durch teilnehmende Zusammenarbeit. In unserem Fall bezieht das auch unsere Familien ein, und das macht unsere wissenschaftliche Arbeit umso reicher. Und wenn wir zu unseren Büchern greifen, so sind das nicht tote Bände, sondern sie leben, indem wir mit freundschaftlicher Dankbarkeit an uns denken und uns auf unser nächstes Treffen der fröhlichen Wissenschaft freuen.

In diesem Sinne, mein lieber Freund Harry, wünsche ich Dir alles Gute und Liebe zu Deinem großen Geburtstag und freue mich mit Valerie und vielen anderen bereits auf Dein nächstes Meisterwerk. Bleib' gesund – ad multos annos!

Dein Freund

Prof. Dr. Wolfgang Mieder Dpt. of German and Russian

The Univesity of Vermont Burlington (CША–USA)

Во Франции Вольтёр, а в Германии – Вальтер..., или к вопросу «о роли личности в истории»

Родившийся ещё в XIX в. в Санкт-Петербурге и окончивший Петербургский университет немец по имени Макс Фасмер не только стал одним из самых известных исследователей русского языка, но и выдающимся славистом, исследователем славянских языков в тесной их связи с историей, культурой, литературой. Созданный им этимологический словарь русского языка по-прежнему является одним из «краеугольных камней» в филологии. К этому словарю обращаются школьники и студенты, лингвисты-профессионалы и просто те, кто интересуется историей «великого русского Слова»...

В веке XX-м в славистической науке появилось ещё одно имя: как и великий предшественник, это тоже немец, который родился и учился в родной Германии, но также оказался тесно связан с русским языком и культурой, с Санкт-Петербургом и Петербургским государственным

университетом. Его имя – Харри Вальтер. К этому человеку можно без какого-либо преувеличения отнести фактически пушкинскую характеристику: профессор Вальтер по истине «русский душою», за многие годы изучения «великого и могучего русского языка», благодаря многим «километрам прочитанных строк» (Л. В. Щерба) настолько проникся «русским духом», что теперь и немецкий, и русский – это для него уже давно фактически два родных языка. Судя по его научным (и не только) трудам, по разговорам с ним, он не только «владеет» русским языком, свободно и вольно разговаривая на нём на любые темы (с лёгким приятным «классическим немецким» акцентом), он думает, логически мыслит и анализирует на этом языке, а значит – глубоко проник в глубины «философии языка», не только в теории, но и на практике постигая тесную взаимосвязь «языка и ментальности»...

Путь профессора Вальтера в филологической науке хорошо известен. Свою научно-преподавательскую деятельность он начинал как синтаксист (что по его собственному признанию было хоть и очень интересно, но несколько скучновато), обучал своих студентов фактически всем «казам» филологической науки, затрагивая на своих лекциях основные аспекты языка: фонетику и фонологию, грамматику, лексикологию и лексикографию, составляя известные всей Германии учебники русского языка, однако по-настоящему «обрёл себя» в науке, постепенно погрузившись в мир русской фразеологии и шире – жаргона и субстандарта.

Сам Юбилляр признаёт, что его научную (и не только) жизнь во многом изменила встреча с профессором Петербургского университета В. М. Мокиенко – ведущим российским и европейским фразеологом, дружба с которым и «перековала» синтаксиста и грамматиста Х. Вальтера в исследователя русской фразеологии, паремиологии и жаргонологии. А в результате грайфсвальдский славист стал одним из ярких и талантливых представителей большой общемировой «фразеологической семьи». Это «преображение» отразилось и на «послужном списке» научных трудов профессора Вальтера: его работы посвящены различным грамматическим аспектам изучения русского языка, например, *Zu einigen Fragen der grammatischen Bestimmung von Zeitungsoberschriften* (1986) или *К некоторым аспектам преподавания членов предложения и односоставных предложений русского языка в немецкой аудитории* и *К вопросу о функционально-грамматическом подходе в интерпретации подлежащих русского языка* (1990), а уже в 1993 г. появляется статья с броским и весьма «интригующе-нескучным» названием *Забить косяк, тусоваться на флэте, джаз-сейшн, фирменные шмотки. Zur Sprache Jugendlicher in Russland*.

Заметим аргорос, что названия докладов, статей, монографий и словарей профессора Х. Вальтера – это тоже его своеобразный «фирменный знак»: они все, с одной стороны, чётко по-научному информативны, а с другой – всегда нестандартны, как сейчас говорят,

«креативны»), как правило ярко образны и нередко весьма юмористичны. Чего стоит только один из созданных им словарей, в котором как в капле воды (или водки?!) отражается «стереотипно-лингвистическое» представление о русском пьянстве, запечатлённое в русском языке: «Русский алкословарь-справочник, или Весёлая наука выпивать».

В основе работ профессора Х. Вальтера (ещё раз вспомним М. Фасмера) – история возникновения Слова и главное – динамика развития языка. Можно сказать, что и со временем, с исторической эпохой Исследователю повезло: его активная научная жизнь пришлось на глобальные изменения в политической, экономической и социальной жизни общества, которые, в первую очередь, находили своё отражение и продолжают постоянно фиксироваться в языке. Тонко чувствуя, чётко фиксируя и педантично научно описывая факты языковых изменений, в частности, динамику развития жаргона, новые тенденции во фразеологии и паремиологии, Х. Вальтер с тонкостью и точностью хирурга «вскрывает» их суть и создаёт не просто научные труды, отражающие современное состояние языка (с учётом и синхронии, и диахронии), а глубокие, увлекательные, яркие по стилю и эффектные по примерам исследования, читать которые интересно не только специалистам, но и всем, кто интересуется Языком и Словом: их историей, значением и культурой употребления. Большое удовольствие не просто читать, а слушать выступления профессора Х. Вальтера. Как другой его великий соотечественник – Мартин Лютер – он замечательный оратор, речь которого отличается яркой образностью, эмоциональностью и – что тоже немаловажно – замечательным и тонким чувством филологического юмора.

Парефразируя известный русский сказочный зачин или же русскую поговорку, можно сказать, что *«Скоро дело делается, да не скоро сказка сказывается»*: о научно-исследовательских, учебно-методических и преподавательских достижениях профессора Вальтера можно говорить долго и долго перечислять их, а вот все новые интересные статьи и разнообразные словари русского жаргона, субстандарта и, конечно, фразеологии (причём как русские, так и русско-немецкие) – появляются с завидной регулярностью, все научно-исследовательские проекты успешно завершаются с немецкой пунктуальностью в точно установленные сроки.

Вместе со своим соавтором В. М. Мокиенко (с которым они за долгие годы дружбы и совместного научного творчества, как кажется, настолько сроднились, что стали единым славянским фразеологическим образ-символом, как Кирилл и Мефодий) они не только собирают богатый языковой материал, обрабатывают, описывают и издают его в виде словарей и научных монографий, но и ведут огромную работу по организации и проведению многочисленных научных форумов: конференций, конгрессов и съездов славистов, за год преодолевая расстояния во много тысяч километров по всему миру...

Пожелаем Юбиляру неиссякаемой творческой энергии! Как неиссякаемы ресурсы и возможности Языка, бесконечны источники его неологии. Пусть и читатели, и слушатели будут читать и слушать ещё много километров написанных «Виновником» данной Фразеомонографии строк, а библиотеки пополняются новыми томами интересных и по-прежнему очень востребованных словарей и монографий.

... А в эпоху, когда мы по тем или иным причинам вынуждены общаться лишь посредством «современных технологий и средств коммуникации», хочется надеяться на новые «живые» встречи «лицом к лицу», чтобы слышать «живое Слово», обмениваться мнениями и эмоциями и видеть «фирменную» – приветливую, добродушную и заразительную улыбку, которая в сочетании с моментально узнаваемыми интонациями и голосом создают образ Учёного, Учителя и просто настоящего Человека – профессора Харри Вальтера...

Александр Викторович Савченко

ассистент-профессор Государственного политического университета
(Чжэнчжи, Тайвань)

Дорогой Харри,

В своем поздравлении я хочу отметить очень важную деталь – для многих из нас, славянских фразеологов, Ты открыл Германию. И не только в том смысле, что показал нам самый уютный и гостеприимный немецкий городок Грайфсвальд, но и в том, что сам стал для нас воплощением настоящего Немца. Личным примером проиллюстрировав чуть ли не все стереотипы, в том числе и фразеологические. И в самом деле – трудолюбив и обязателен, успешен и приветлив, ну, конечно же, пунктуален и – без сомнения – самого настоящего «немецкого качества». Благодаря Тебе мы стали не только уважать, но и любить Германию.

С самыми добрыми и искренними пожеланиями

Володина Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, заведующая отделом фольклористики и культуры славянских народов Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск)

Краков и Грайфсвальд связаны не только историей Ганзейского союза, но и фразеологическими исследованиями, в которых Гарри Вальтер является настоящим молодцом!

Дорогой Гарри, желаю тебе сто лет здоровья и счастья.

Твой Мацей

Prof. Dr. hab. Maciej Rak, Wydział Polonistyki,
Uniwersytet Jagielloński Kraków. (POLSKA)

Dragi Harry,

vse najboljše in najlepše za rojstni dan. Želim ti zdravja in veselja do življenja in dela. Želim ti še mnogo uspešnega premišljevanja o frazeologiji in jeziku sploh ter mnogo zanimivih novih publikacij.

Predvsem pa, dragi Harry, ostani tak, kot si: odličan kolega in celo prijatelj, čeprav »na daljavo«.

Vse dobro in lep pozdrav

od Erike Kržišnik, prof. universitet Lublana (Slovenia)

Вельмишановний і дорогий наш колега професор Харрі Вальтер!

Ваш ювілей — це прекрасна нагода висловити шире захоплення філологічним талантом і непересічними людськими якостями.

За роки багатогранної наукової і викладацької діяльності Ви створили оригінальні монографії, словники, підручники й посібники, які слугують надійним підґрунтям і для науковців, і для початківців-студентів на всьому європейському просторі.

Щасливий дарунок долі – Ваш плідний науковий тандем з професором Валерієм Михайловичем Мокієнком. Винятковий творчий організм – Душа і Серце сучасної фразеолого-пареміологічної славистики – дав життя сотням праць, які не мають аналогів у світовій лінгвістиці.

Веселий, енергійний, привітний і доброзичливий, з винятковим почуттям гумору (за Харрі Вальтером перша частина звучного слова *дедлайн* – натяк на поважний вік людини) – це наш Харрі.

Бажаю, дорогий Харрі, Многії і благії літа! Нехай завжди будуть актуальними натхненні рядки поезії Ліни Костенко: «Вечірнє сонце, дякую за день, за цю потребу слова, як молитви».

З глибокою повагою і приязню

проф. Людмила Іванівна Даниленко,

Київський національний університет імені Тараса Шевченка.

Дорогой Харри, дорогой мой друг, поздравляю Тебя с днем рождения!

Я поднимаю свой виртуальный бокал, чтобы в Твоей жизни были любовь, радость, добро и, конечно, много фразеологии и фразеологических встреч. Пусть твое здоровье будет крепким!

Всего Тебе наилучшего!

Твоя

Желька Fink

Prof. Dr. Željka Fink Zagreb (Хорватия)

Дорогой Харри!

К Твоему немецкому юбилею я вчера ночью написал такие стихи:

Харри Вальтер! Ты – два в одном.

Во-первых, Ты настоящий немец,

И в тебе мы легко найдём

Сладкий сахар и острый перец.

Во-вторых, так сложилась судьба:

В тебе много закваски русской,

И каждый скажет, Тебя любя,

Что душою Ты – Петербургский !!!

В.И. Коваль, профессор Гомельского университета (Беларусь)

Харри Вальтер – талантливый филолог, фразеолог, хороший друг с огромным сердцем – он всех нас любит, и мы его любим, ценим, бережем!

Друзья из Болгарии, слов не жалея,

Поздравить тебя, Харри, хотят в сакральный год Юбилея!

И все мы желаем тебе здоровья и силы,

Чтобы всё, что ты хочешь,

мы – фразеологи – по-мокиенковски выполнили!

Желаем тебе жить и жить и нас смело водить!

Впереди ещё дорога очень длинная лежит: после Оломоуца – Гомель, Ополе и Париж – это ведь прекрасный путь!

Мы с тобой, наш верный друг!

От имени болгарских друзей –

проф. д-р Стефка Георгиева (Пловдив, Болгария)

Исполняется хором в честь юбиляра:

Знает русский, знает чех –

Харри Вальтер круче всех!

Guten Morgen, Guten Tag –

Харри – суперский чувак!

Знают Псков и Ереван –

Харри Вальтер – number one!

От Наташек, Тань и Люд

Харри Вальтеру – салют!

От Камчатки до Днепра

Харри Вальтеру – ура!

От имени псковской группировки фанатов Харри Вальтера –
проф. Татьяна Геннадиевна Никитина и проф. Елена Ивановна Роголёва,
Псковский университет, Псков (Россия)

Дорогой Харри!

Очень хочется написать пару слов по случаю твоего 65-ого дня рождения. Я рад, что появился такой замечательный повод для того, чтобы Тебя поздравить. Как не думать в такой ситуации о слове «*здравица*», которое я узнал именно от Тебя. Я люблю это слово в том числе и потому, что, когда я слышу его, вспоминаю о Тебе, Харри.

И, если хорошо подумать, в моей жизни очень многое из того, чем я дорожу, связано именно с Тобой. В течение нашей многолетней дружбы, я, общаясь с тобой, познал слова, книги, места, которые стали неотъемлемой частью меня самого и за которые я Тебе очень благодарен. Но больше всего я благодарен Тебе за человеческую любовь и за глубокое проявление человеческих ценностей, которые я получил от Тебя и от Твоей замечательной семьи.

Большое спасибо за всё, дорогой Харри!

Большое спасибо и Регине, и Анне, и Маме!!!

Я желаю Тебе и им долгих лет благополучной и счастливой жизни и надеюсь, что мы с Тобой сможем вместе познать ещё много мгновений человеческого счастья.

Твой

Dr. Doc. Marc Ruiz-Zorilla Cruzate, Universitat de Barcelona

Харри наш бел и румян, лучше десяти тысяч других. Голова его – чистое золото: все премудрости света ему известны. Глаза его – как голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве. Вид его подобен Ливану, величествен, как кедры. Щёки его – цветник ароматный, гряды благовонных растений; губы его – лилии, источают текучую мирру. Руки его – залог щедрости, золотые кругляки сеют по свету; Уста его – сладость, и весь он – любезность. Вот кто такой, Юбиляр наш, сыны и дщери Фразеологии!

Процветания и веселия пожелаем же ему дружно!

Людмила Степанова

(Prof. Dr. Ludmila Stěpanova Filozofická fakulta UP

Olomouc, Чешская республика)

Дорогой Харри,

как часто хочется сказать тебе много-много доброго, тёплого, дружеского и как мало-мало выдается поводов для этого. И даже когда появляется возможность встречи, то обычно хочется не говорить, а СЛУШАТЬ тебя, потому что все твои выступления на конференциях, в научных дискуссиях, непринужденные беседы, Твои рассказы и истории из жизни, весёлые тосты, которые ты поднимаешь за друзей, остроумные комментарии и шутки всегда пронизаны общим девизом, который однажды ты выбрал для себя в качестве заголовка к одной своей «молодой» статье в 81-ом году, – «Keine Monotonie in der Sprache!»

Милый наш Харри, в твой юбилей хочется пожелать Тебе ещё много таковых впереди, на которых твои родные, близкие, друзья, коллеги, почитатели, поклонники и поклонницы, ученики и ученицы со всего мира с благодарностью судьбе, щедро одарившей их общением и дружбой с тобой, будут провозглашать здравницы в твою честь и высоко поднимать свои бокалы за Тебя.

Творческих Тебе успехов, дорогой наш Харри, светлых улыбок близких и крепких объятий друзей, радости душевных встреч с дорогими Тебе людьми и, конечно же, – новых планов, идей, проектов, поездок, открытий очередных подводных фразеологических камней и долгих-долгих «урожайных» лет на пахотном славистическом поле! ...а остальное – при встрече!

Всегда твои благодарные слушатели, читатели и почитатели –

Кшиштоф, Ирина и Миша

Prof. Dr. hab. Krzysztof Kusal, Uniwersytet Wrocławski, Wrocław (Polska)

доц. Ирина Владимировна Кузнецова, Чувашский госпедуниверситет

(Чебоксары, Россия)

доц. Михаил Сергеевич Хмелевский, Санкт-Петербургский университет

(С.-Петербург, Россия)

Óda na človeka Harryho Waltera

U nášho vzácneho jubilanta platí vrchovato, že

Poznať po vrave, čo jesto v hlave.

Dobrému vínu nenačím viechy,

lebo Dielo samo majstra chváli,

a hoci Hlbokú brázdu vyoral,

Palicu neprehltol.

No Dobre je tam hospodáriť, kde jest z čoho kašu variť.

Hviezdy na poludnie nečítal,

Lelky nechytal,

Za tenší koniec prácu nedržal,

Na dlhý motúz ju neuväzoval.

Vždy si roboty Starou mierou nameral.

Ako dobrý rektor vedel,

že Lepšie dačo znať, ako mnoho mať,

že Lepší kus rozumu ako palica na siahu,

preto o jeho práci odnepamäti platí,

že vždy Na šnôru zaťal

a Kto sa držal jeho rady, určite nedošiel vady.

Nech je teda blahoslavený tento muž,

čo v pokoji pri práci sedí

a s mnohými priateľmi na radovku mierky vínka popíja.

Nech ti dobre podsýpa,

nech ti iba lastovičie mlieko a latinská kuchyňa chybuje.

Nech sto rokov žije, kto múdro žije.

Živ Ťa boh, sedliacke cepy a panská stodola.

S úctou a vďakou za to, že stretol v živote takého človeka voľne vytvoril podľa Zátureckého zbierky Slovenských prísloví, porekadiel a úsloví

На основе ЗаTUREцкого Словаря словацких пословиц и поговорок с уважением и благодарностью за то, что в своей жизни встретил такого Человека, свободно сочинил

Prof. Peter Ďurčo (Bratislava, Slovensko)

ФРАЗЕОЛОГИ о профессоре ХАРРИ ВАЛЬТЕРЕ и его научных трудах

1. Харри Вальтер: учитель, учёный, человек // Слово в словаре и дискурсе. Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО Издательство «Элпис», 2006. – С. 5-15.
2. К пятидесятилетию Харри Вальтера // *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*. Redakcja naukowa Wojciech Chlebda. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2007. – С. 15–43.
3. О нашем юбиларе // Фразеология и языковая динамика. Сборник научных трудов, посвященных 55-летию профессора Харри Вальтера, почетного доктора Санкт-Петербургского университета. Материалы XXXIX Международной филологической конференции (15 – 19 марта 2010 года). – Greifswald – Санкт-Петербург, 2011. – С. 5-23.
4. Профессор Харри Вальтер – учёный и Человек // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. Отв. редактор: В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург). Редакторы: Т. В. Володина (Минск, Беларусь), И. В. Кузнецова (Чебоксары, Россия), А. В. Савченко (Санкт-Петербург, Россия). – Санкт-Петербург – Грайфсвальд 2016. – С. 7-36.

Славянская фразеология и фразеография: фразеологические неологизмы в славянских языках

I. Общие проблемы фразеологической неологии

Харри Вальтер, Германия, г. Грайфсвальд
walter@uni-greifswald.de

Валерий Михайлович Мокиенко, Россия, г. Санкт-Петербург
mokienko40@mail.ru

Русские и немецкие фразеологические неологизмы в лексикографической презентации*

Динамические процессы конца прошлого – начала XXI-го веков оставили глубокий след в языках Европы, в том числе в русском и немецком. Интенсивность и экстенсивность распространения фразеологических инноваций и специфика фразеологии как особого языкового уровня, отличающегося антропоцентричностью и особой квотой экспрессивности, требует их основательного лингвистического исследования. Среди комплекса проблем, возникающих при этом, доминантными являются поиски объективных и адекватных методов фронтального межъязыкового сопоставления фразеологических неологизмов [Вальтер, Никитина, Гудкова 2019, 17–21].

Нацеленность на описание собственно новых процессов и явлений, характеризующих фразеологические системы русского и немецкого языков сегодня, делает такое исследование актуальным своей сосредоточенностью на неологии как достаточно широком пространственном и временном явлении, возможностью хронологически, тематически и функционально очертить и оценить это новое. Заманчиво и то, что при таком широком подходе явления фразеологического уровня можно рассматривать как часть актуальных процессов других языковых уровней и тем самым глубже окунуться в истоки русской и немецкой неологии и релятивизировать её объективные границы.

Такая релятивизация во многом облегчена разработкой общих принципов описания языковых фактов разных уровней. Предварительные исследования славистов [Słowo. Tekst. Czas VI, 2002; Komparacja 2008] убедительно показали не только возможность, но и целесообразность именно широкого подхода к фразеологической неологии. Стало ясно, что изучение «чистой», «узкой» неологии чревато слишком многими трудностями и не дает возможности взглянуть на неё и интерлингвистически, и интердисциплинарно. Это неперспективно и с точки зрения лексикографической обработки, поскольку для каждого конкретного языка мы имеем совсем иной банк неологической информации, часто не сопоставимый ни количественно, ни качественно. Так, если исследователь русской новой лексики и фразеологии имеет уже около 20 словарей, некоторые из которых [например, НСЗ-80, СНС 50-80, НСЗ 90] можно без натяжек назвать фундаментальными, то для многих европейских языков

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

такая работа фактически и не начата (см. библиографии неологических словарей и лингвистической литературы на эту тему [Левашов 1997; Козулина 1997]). Современная немецкая неография при этом в последнее время обогатилась фундаментальным «Немецко-русским словарём неологизмов. Новая лексика 1991-2010», пользование которым облегчает доступность в интернете¹ [НПСН 2016; Вальтер, Никитина, Гудкова 2019].

Общие параметры развития неологистики заданы экстралингвистическими факторами и потому кажутся соблазнительно очевидными. Но погружение в конкретный языковой материал и межъязыковое сопоставление делают это очевидное «невероятным». В целом – как это ни представляется парадоксальным – языковая плоть многих неологизмов в разных языках может оказаться более отличной друг от друга, чем традиционная материя литературных языков. Кроме того, уровневое сопоставление русской и немецкой неологистики демонстрирует весьма большие различия, а нередко даже несовместимость сопоставляемых объектов. Как показывает опыт синтетического описания так называемых «новых явлений» в русском языке [РЯК 1996], общими в таком случае могут быть названы лишь некоторые *тенденции*, – напр., демократизация нормы, а языковые элементы разного уровня реагируют на них по-разному. Лексика, фразеология и отчасти словообразование становятся основными репрезентантами процессов неологизации, фонетика же, морфология и синтаксис в основном лишь реагируют на общее «расшатывание нормы», интенсифицируя те или иные признаки, которые в языковой системе уже существовали [Мокиенко 2019г, 8–9].

Описание фразеологического материала поэтому ориентировалось на выбор между двумя принципиально возможными, но весьма различными направлениями глобального сопоставительного анализа современных языковых систем.

Направление первое подразумевает их комплексное сопоставление по соответствующим языковым уровням – фонетическому, словообразовательному, морфологическому, лексическому, фразеологическому, синтаксическому. «Уровневая» нацеленность, конечно же, потребовала бы и иной концентрации материала и иных его констелляций и последовательной методики сопоставления. При таком подходе оппозиция «Новое» – «Старое» для специализированного анализа неологизмов и их описания будет не столь релевантной, поскольку каждый исследователь хотя и обратит особое внимание на *неологистику* соответствующего уровня, однако лишь в той мере, насколько она функционально значима для современного состояния той или иной языковой системы. В таком случае эффективным может стать функционально-когнитивный подход, идущий от Пражской школы и успешно развитый усилиями многих специалистов в области словообразования, морфологии, синтаксиса, лексикологии и фразеологии. Организация соответствующего материала по достаточно совместимым функционально-семантическим полям – поля Времени, Пространства, Действия, Количества, Эмоционально-экспрессивной характеристики человека и др. – могла бы обеспечить *семанτικο-функциональное сопоставление*.

¹ <http://pub.ids-mannheim.de/laufend/eigenverlag/eigen33.html>. 1.2.2021.

Минус **первого направления** – в неизбежности дублирования некоторых аспектов языкового анализа, уже проделанного специалистами соответствующего профиля. Необходимость учета традиционных языковых материалов (нормированных и ненормированных, старых и новых, исконных и заимствованных) и требование полноты описания, присущее характеристике системы, могло бы сократить исследовательские возможности сосредоточения на «чисто» новых языковых явлениях нашего времени.

Направление второе этого минуса как будто лишено, поскольку оно и нацелено на описание собственно новых процессов и явлений, характеризующих славянские языки сегодня. Это направление заманчиво именно своей сосредоточенностью на неологике всех языковых уровней, возможностью хронологически, тематически и функционально очертить и оценить это новое на всем пространстве сопоставляемых языков.

Второе направление в процессе работы над нашим словарём фразеологической неологии открыло и ещё более заманчивую перспективу – перспективу многоаспектного анализа **тенденций развития** языковых систем русского и немецкого языков в новейшее время. Здесь факты фразеологической неологии сопоставляемых по функциональному параметру языков отражают как общие, так и специфические тенденции процессов, вызванных динамизацией языковых систем в новейшее время. Такое **социо-функциональное** (resp. функционально-стилистическое) направление, как кажется, позволяет сделать изучение фразеологической неологии более адекватным и соразмерным, несмотря на различие в подходах к неологии в России и Германии. Само понятие *неологизма* постоянно дискутируется, меняется и корректируется, что отражается как на объеме, так и на качестве соответствующего материала и его обработки. Для русской неологической лексикографии, организованной на основе концепции Ю. С. Сорокина и Н. З. Котеловой, характерен чисто прагматический подход: слово или фразеологическая единица (ФЕ), не зарегистрированные в предыдущих словарях (особенно толковых), считаются новым [Котелова 1978, 1988; Алаторцева 1990]. В этом же русле и определение С. И. Алаторцевой [1999, 16]: «Новыми в литературном языке N-го периода времени могут быть признаны слова, значения и сочетания, представляющие собой как новообразования данного периода, так и внешние и внутренние заимствования в нем, а также слова и сочетания, вновь ставшие актуальными в указанный период». Автор этого определения справедливо подчеркивает, что оно «основано на представлении о многосторонней относительности понятия «новое», на понимании неологизмов как социально-исторической категории» [там же].

Такое определение позволяет включать в корпус фразеологических неологизмов массу диалектных, разговорных, просторечных и жаргонных оборотов, которые по разным причинам (особенно цензурно-редакционным, ориентированным на жёсткую регулировку так называемой «культуры речи») не попали в предыдущие словари: *брать на лапу, раскрыть варежку, вешать лапшу на уши, рвать когти, забивать баки, до фени, в замоте* и т. п. Специальный лингвистический анализ нередко показывает, что их неологический статус, как и «точная» первая хронологическая фиксация в словарях «Новых слов и значений» весьма относительны. Так, оборот *раскрыть варежку*, употреблённый В. Шукшиным в 1972 г. и отражённый в одном из словарей неологии, на

поверку регистрировался уже диалектологами прошлого века и имеет внушительную славянскую «дальнобойность». Выражение *рвать когти куда, откуда* ‘убегать от кого-, чего-л. в опасной ситуации’, квалифицированное как новое в словаре «Новые слова и значения-70», давно уже зафиксировано как жаргонизм в специализированном значении ‘бежать из-под стражи’ [Росси 1987, 157, 337; Бен 1982, 103] или в экспрессивном ‘уходить, поспешно удаляться откуда-л., бежать, удирать куда-л., откуда-л.’ [СРВС, III, 186, 223]. Оно употреблено ещё в 1934 г. И. Ильфом и Е. Петровым и имеет славянские параллели, свидетельствующие о его «почтенном» возрасте. А оборот *вешать лапшу на уши* ‘обманывать, дезинформировать кого-л.’, ставший отрицательным символом нашего времени, имеет достаточно старые корни в жаргоне [Мокиенко 1996], как и популярное ныне выражение *на халяву* ‘бесплатно, даром, за чужой счёт’.

Русские выпуски словарей «Новых слов и значений» всё более насыщаются именно такого рода «внелитературной» фразеологией. В. Н. Сергеев включал в её число, например, не только такие разговорные или просторечные обороты, как *на живульку* ‘наспех, кое-как’, *достать* что *из загашника* ‘достать что-л. из потайного места’, *в загашнике* ‘в запасе, в резерве’, *рубить концы* ‘прекращать отношения, порывать с кем-, чем-л.’, но и жаргонизмы типа *взять на пушку*, *вола вертеть* или вульгаризмы и бранные выражения типа *блин горелый*, *японский гороховой*, *вставить фитиль*, *до хрена*, *к едрёной матери* и т. п. [Сергеев 1997]. Как неологизмы характеризует такие обороты, как *залезть на дерево*, *оказаться в обозе*, *накачивать мускулы*, *раскачивать лодку*, *сесть на иглу* и т. п. В. Н. Телия [Телия 1996, 201]. Пришедшая из собственно русской живой речи (особенно из диалектной и жаргонной), такая фразеологическая «неологика» достаточно трудно соизмерима с фразеологией других языков, в том числе и немецкого, что делало её весьма «твёрдым орешком» при работе над двуязычными словарями неологика. Ведь именно межъязыковое сопоставление и вскрывает различия – нередко весьма «судьбоносные» – между неологикой, описываемой в двуязычных словарях. Основная методологическая проблема, возникающая при таком описании, – отсутствие собственно неологического *tertium comparationis*. Ведь требование системности вынуждает исследователей рассматривать каждый фразеологический неологизм в рамках его более широкой структурно-семантической модели и даже шире – семантического поля. Например, целесообразно рус. *вешать лапшу на уши* сопоставить в контексте доминантной для жаргонной семантики группы фразеологизмов со значением ‘обманывать’. Эта группа является активной и количественно представляющей во фразеологических системах русского и немецкого языков. При её системном рассмотрении в общем поле «Обман» исследователь, однако, должен был бы вовлечь в зону сопоставления не только новые фразеологизмы, а все традиционные обороты с этим значением. Но такой подход переключил бы анализ из 2-го («чисто» неологического) направления в направление первое, т. е. функционально-семантическое. В этом смысле теоретический и практический подход русской академической неографии в корне отличается от принципа отбора фразеологической неологика авторов «Немецко-русского словаря неологизмов» Дорис Штефеен и Ольги Никитиной. В немецкой неографии основной акцент делается на мощный пласт технической (особенно компьютерной) терминологии и неологика,

ставшей обозначением, так сказать, «вещественных» реалий, характеризующих изменения последних десятилетий. Идиоматика экспрессивного типа, источником которой является немецкая разговорная речь, просторечие или жаргон, в этом основательном словаре скорее исключение, чем, – как в русских академических справочниках, – правило.

Вот лишь несколько примеров, инкрустированных авторами немецкого словаря неологизмов в его общий богатый корпус:

Arschkarte: **die Arschkarte ziehen**, zog die Arschkarte, hat die Arschkarte gezogen; *тж.*: die Arschkarte haben

оказаться в ущемлённом, незавидном положении

разг. **оказаться в [полном] пролёте, пролететь**; *жарг. мол.* **пролететь как фанера над Парижем**; *груб.* **оказаться в заднице**; *вульг.* **оказаться в жопе**
Ср. в историко-этимологическом словаре (K)ein Buch mit sieben Siegeln: **Arschkarte**: in der Wendung * **die Arschkarte ziehen** (вульг.): *Потерпеть неудачу; пострадать* (букв. ‘вытянуть нажопную карту’); **остаться с носом; попасть в просак; оказаться одураченным; остаться в дураках; попасть как кур во щи; опростоволоситься; оказаться в жопе.**

Оборот появился после введения так называемой «красной карточки» в футболе. Судьи, чтобы не перепутать жёлтую и красную карточки, стали класть красную карточку в задний карман спортивных трусов, а жёлтая карточка обычно хранилась в кармане футболки. К тому же такое различное местоположение карточек лучше видели телезрители, у которых в 70-ые годы обычно были только чёрно-белые телевизоры. Таким образом, тот, кому показывали карточку из «нажопного кармана» (жопника, *жарг.* ... нем. *Arschtasche*), должен был выйти из игры. Переносно выражение стало обозначать ‘невыгодную, неловкую ситуацию’... Ср. бел. *застаца з носам; застаца ў дурнях* [Walter, Mokienko 2011, 36–37].

Ball: **den Ball flach halten**, hielt den Ball flach, hat den Ball flach gehalten

сдержанно реагировать на что-л., не поднимать шума вокруг чего-л.

обходить/ обойти что молчалием; разг. **молчать в тряпочку**

Baustelle: **(nicht) jmds. Baustelle sein**

(не) входить в чью-л. компетенцию, (не) подходить, (не) годиться кому-л.

книжн. **не моя епархия; не моё дело**

Bereich: **im grünen Bereich**

без отклонений, в порядке, в допустимых пределах

разг. **в зоне безопасности**

Clown: **einen Clown gefrühstückt haben**

быть чрезмерно, до странности весёлым

разг. **смешинка в рот попала кому-л.**

Frosch: **jmdm. zeigen, wo der Frosch die Locken hat**

разъяснить кому-л. (с применением угроз), что следует делать, от чего что-л. зависит

разг. **показывать/ показать кому-л.**, где **раки зимуют**, разг. **показывать/ показывать кому-л. кузькину мать**, прост. **показывать/ показывать кому-л. почём сотня гребешков**

В словаре немецкой фразеологической неологии 2019 г.:

Frosch: wissen, wo der Frosch die Locken hat

букв. «знать, где у лягушки кудри»

🕒 нач. перв. дес. XXI в.

➡ преимущественно в устной разговорной речи; ирон.

знать, что надо делать, разбираться наилучшим образом

🗨️ Обладание знаниями и жизненным опытом описывается как нереальная ситуация, в которой кто-л., будучи экспертом в своём деле, знает даже такие невероятные вещи, как то, где растут кудри на голой лягушачьей коже [Вальтер, Никитина, Гудкова 2019, 74–75].

Новая идиома пополняет многочисленную группу фразеологизмов с общим значением ‘знать, быть хорошо осведомлённым в чём-л.’, образованных по одному и тому же ситуационно-сценарному образцу «знать что-л. (известное лишь посвящённым)», например: *wissen, wie der Hase läuft*; *wissen, wo es lang geht*; *wissen, was die Stunde geschlagen hat*.

В некоторых случаях в состав идиомы включается компонент *hängen*. Также встречаются окказиональные варианты *erfahren, wo der Frosch die Locken hat* (букв. «узнать, где у лягушки кудри») в значении ‘узнать, в чём суть дела’ и *kapieren, wo der Frosch die Locken hat* (букв. «понять, где у лягушки кудри») в значении ‘понять, в чём суть дела’.

Новая идиома приобрела широкую известность благодаря популярному комедийному актёру Томасу «Атце» Шрёдеру, часто использовавшему её в своих выступлениях [Вальтер, Никитина, Гудкова 2019, 74–75].

Generation Facebook

возрастная группа молодых людей, для которых общение в Интернете, особенно в социальных сетях, является само собой разумеющимся (преимущественно о людях, рождённых в 90-е гг. XX в.)

поколение Facebook [фейсбук], **поколение F** [эф]

Для сбалансированного сопоставления русской и немецкой фразеологической неологии, к сожалению, мы пока ещё не накопили достаточно репрезентативного конкретного фактического материала и не разработали единой методики. Но можно уже сейчас констатировать, что работа в этом направлении позволила выявить *тенденции развития* фразеологической неологии в двух наших языках путём диагностики тех групп ФЕ, которые её формулируют. Такой подход позволяет диалектично решить проблему некоторой разнородности и разномасштабности сопоставляемого нами материала. А выявление **тенденций** – это уже своеобразная реконструкция современного языкового

состояния по более или менее представительным его фрагментам, т. е. картина, складывающаяся как **фразеологическая мозаика**.

Характеризуя лексическую и фразеологическую неологику, исследователи оказывают предпочтение словам и оборотам заимствованного характера, интернационализмам. Это и понятно: американизация и «европеизация» России и Германии оставляет достаточно заметный след и в неологике. Нужно подчеркнуть, однако, что количественно и качественно этот след в лексике значительно более рельефен, чем во фразеологии. В качественном отношении здесь преобладают не сочетания идиоматического типа, а публицистические клише-перифразы имеющие во фразеологической системе «переходный» статус [Мокиенко 1989, 214–222]: *голубые береты* ‘вооруженные части и подразделения, предоставляемые Совету Безопасности ООН странами-членами этой организации, десантники’ (наименование по детали формы военнослужащих, которая дополняется голубыми беретами или касками – ср. *голубые каски* и фр. *berets bleus* – Haudressy 1992, 27), *зелёные береты* ‘специальные части и подразделения в вооруженных силах США, предназначенные для проведения диверсионных операций в других странах’ [Haudressy 1992, 27], *чёрные береты* ‘особые подразделения милиции, – отряды специального назначения (называемые так за цвет беретов)’ [НСЗ-80, 878], *голубые каски* ‘о вооруженных силах ООН; об их подразделениях’ [НРЛ-78 – ср. фр. *casques bleus*; нем. *Blauhelm*; Haudressy 1992, 27; NWB-1998, 12], *медные каски* ‘о военной верхушке, военном ведомстве США, Великобритании’ [НСЗ-80, 315], *белая смерть* ‘о сахаре, избыточное употребление которого вредно для организма’, ‘о снежной лавине в горах, несущей разрушения и смерть’ [НСЗ-80, 73], *красная путина* ‘о промысловом лове лососевых рыб’, *красный эшелон* ‘об агитпоезде’ [НСЗ-80, 383], *рыцарь пяти качеств* ‘о спортсмене, специализирующемся в пятиборье’ [НСЗ-80, 721], *чёрная дыра* ‘о неизвестности и опасности, ведущих к гибели’ [НСЗ-80, 878], *чёрный ящик* ‘особо прочная стальная коробочка, в которой находится магнитофон-самописец, фиксирующий все параметры полета самолета, вертолета (радиопереговоры, показания приборов и т.п.)’ [НСЗ-80, 878], *четвёртый мир* ‘в зарубежной литературе – о малых народностях земного шара, находящихся на более низкой ступени развития по сравнению с третьим’ [НСЗ-80, 879] и т. п.

Такого рода обороты активно создавались или заимствовались из зарубежной прессы и в период социализма. Русский перифрастический материал такого рода недавно был лексикографически систематизирован [Новиков 2004], что может облегчить и его потенциальное сопоставительное изучение. Сейчас, правда, такие перифразы-интернационализмы меняют свою стилистическую интонацию или «политическую ориентацию». Многие обороты подобного типа насыщаются горьким ядом иронии. Таковы, например, употребления советских патетизмов типа *битва за хлеб (за урожай)* ‘уборочная кампания’ [Мокиенко, Никитина 1998, 54], *зелёный друг* ‘лес, зеленые насаждения, растительный покров’ [Мокиенко, Никитина 1998, 181], *белое золото* ‘хлопок’, *голубое золото* ‘природный горячий газ’, *живое (мягкое) золото* ‘пушнина’, *зелёное золото* ‘лес’, ‘чай (растение)’, *чёрное золото* ‘нефть’, ‘уголь’ [Мокиенко, Никитина 1998, 221–222], *труженики полей (села)* ‘крестьяне, колхозники’ [Мокиенко, Никитина 1998, 614]. Свидетельством их депатетизации являются не только

соответствующие контексты, но и шутивно-иронические образования по той же модели – напр., *трусжица лёгкого поведения* ‘проститутка’ [Мокиенко 1995, 107].

Характерен в этом отношении оборот-символ полуфразеологического, полутерминологического типа – *новые русские*. Парадоксально, но факт: хотя явление, вызвавшее его к жизни, – собственно российское, сам этот оборот – американизм *new Russians* с французским (*nouveaux riches*) языковым прототипом. Укоренившись в русском языке и обогатившись многими вариантами, он развил целую цепочку иронически окрашенных «этнонимических» наименований: *новые эстонцы, новые латыши, новые украинцы (украинские), новые белорусские, новые крымские, новые дагестанские, новые грузины, новые казахи, новые китайцы, новые цыгане, новые американцы, новые шведы, новые малайцы, новые чёрные* или *новые милиционеры, новые кулаки* и т. п. [Козлова 1999; Мокиенко 1999].

Лишь немногие из подобных перифраз – даже маркированных, как мы видим, «отечественным» этнонимическим компонентом – можно квалифицировать как собственно русские. А ещё меньшим «собственно славянским» оборотам уготована судьба интернационализмов. Таким оказалась знаменитая чеш. *sametová revoluce* – рус. *бархатная революция* – пол. *aksamiitna rewolucja* – англ. *the Velvet Revolution* ‘лишение власти коммунистов в Чехии и Словакии’. Исторические пределы этого оборота точно известны, ибо эта «революция» началась 17 октября 1989 г. студенческими демонстрациями и завершилась 29 октября выборами Вацлава Гавела в президенты Чехословацкой республики [Федосов 2000]. Хотя именно он и считается многими автором этой крылатой перифразы, она тем не менее, как справедливо подчеркивают З. Орлош и И. Горник [Orłóš, Horník 1996, 217], имеет глубокие корни: в переносном употреблении прил. *sametový* – ‘гладкий, нежный’ – ср. *sametová pleť, sametový les, sametové macešky, sametové oči, sametový hlas, sametový pohled, sametová štjje* и другие подобные словосочетания. Видимо, поэтому эта перифраза конкретного автора не имеет [Sochová, Poštolková 1994, 160] и выросла на почве собственно языковых коннотаций прилагательного, не имеющих точной переклички с другими славянскими языками.

Более типичен сейчас, конечно, путь интернационализации славянской фразеологической неологии, направленный с Запада. Перестройка с реформами М. С. Горбачева принесла в русский и другие славянские языки и ряд активно употребительных ФЕ-символов нашего времени. Характерно, однако, что в отличие от названных выше словосочетаний перифрастического типа, такие выражения более органично врастают в плоть славянских языков, адаптируются в последних с ориентацией на «родное» контекстное окружение и коннотативное поле. Так, оборот *быть в одной лодке* в русском языке – законное дитя перестройки, и до сих пор ещё помечено родимым пятном так называемого «нового мышления» [Mokienko 1997]. Не случайно поэтому первые стабильные употребления оборота встречаются в речах, интервью и других публичных выступлениях «архитектора перестройки» М. С. Горбачева:

Мы отнюдь не стремимся к тому, чтобы нас «возлюбил» классовый противник. Мы рассчитывали на то, что жизнь заставит его считаться с реалиями

и осознать, что *все – в одной лодке* и вести себя надо так, чтобы она *не перевернулась* [Встреча представителей партий и движений. Выступление т. М. С. Горбачева. Изв. 5.11.87, с. 1].

Значение оборота корпоративно: 'в одинаковом (часто – опасном или крайне затруднительном) положении, ситуации; в равных условиях существования'. Семантико-политическая актуальность сделала его популярным, а прозрачность образа заставляет журналистов и писателей постоянно обыгрывать, оживлять его:

Плавание за мир продолжит наш поход, и поэтому не случаен выбор нашего призыва «Мы *все в одной лодке!*» [Советская Россия, 22.07.88, с. 5].

Яркий морской образ оборота может создать впечатление, что он абсолютно оригинален и свеж. Предварительное лингвистическое исследование языка перестройки специалистами (В. Г. Костомаров, А. Д. Дуличенко, Л. Ферм, Д. Одресси и др.) показало, однако, что и этот язык во многом рождался под прессом политической риторики. В этом случае – в отличие от риторики времён застоя – риторики западного образца. Выражение *в одной лодке* – типичный её пример. Оно – именно публицистический штамп, широко употребляемый в европейской и американской прессе: англ. *to be in the same boat* (букв. быть в одной лодке), нем. [*zusammen*] *in einem Boot sitzen* ([вместе] сидеть в одной лодке), фр. *être embarqué sur le même bateau* (сидеть на одной лодке) и т. д.

В современных европейских языках это выражение – а м е р и к а н и з м. Не случайно именно в английском языке идиома *in the same boat* 'в том же самом, обычно трудном, положении или в тех же обстоятельствах' зарегистрирована в более мобильных вариантных рядах, чем в других современных языках – *we are all in the same boat* (мы все в одной лодке), *row (sail) in the same boat with smb.* (грести, плыть под парусом в одной лодке с кем-л.) и т. п.

Ставя этому выражению этимологический диагноз «американизм», нужно оговориться, что это американизм с очень глубокими европейскими корнями. Как убедительно показал в специальном очерке, посвященном этому обороту в немецком языке, американский исследователь пословиц и поговорок В. Мидер [Mieder 1990; 1995], оно восходит к латинскому *in eadem es navi* (быть в той же самой лодке; на том же судне) и имеет, по мнению историков античных крылатых слов, конкретного автора. Им считается Марк Туллий Цицерон, в речах которого этот оборот первоначально связывался с популярной в то время метафорой политического «государственного судна» (*ship of state*), так же, как и с характеристикой солидарности на политической арене. Благодаря популярности сборника пословиц Эразма Роттердамского (1469–1536) «*Adagia*» (1500 и сл.) эта поговорка переведена на многие европейские языки.

Несмотря на античное происхождение, пути проникновения латинской поговорки в современные европейские языки были различны. Непосредственно из сборника Эразма Роттердамского она была заимствована рано именно английским языком и получила широкое распространение в США. В датский, немецкий или французский она попадает лишь после 1945 г. благодаря влиянию англо-американского языка и культуры на Европу. До русского же, как и других славянских языков, этот процесс «дошёл» лишь в 80-е годы, вместе с перестройкой.

Адаптация европейских американизмов в одной лодке и раскачивать лодку, разумеется, как и в других случаях языкового заимствования, имела и свою русскую специфику. Семантически это отразилась в уже отмеченной «перестроечной» окрашенности, инициированной употреблениями первого оборота М. С. Горбачевым [Mokienko 2018, 25]. Фразеобразовательно она выражается в создании новых оборотов – в том числе и контаминированных. Таковым, например, является выражение *упускать / упустить лодку* ‘не пользоваться благоприятной возможностью, упускать случай, шанс’. Оборот образован скреплением последнего, «лодочного» выражения с идиомой *упустить поезд*.

Лансированное в русскую речь средствами массовой информации периода перестройки, это выражение не только закрепилось в языковой системе, но и подверглось в ней значительной стилистической переработке. Родившись в недрах политической риторики времён Цицерона и законсервированное книжниками европейского средневековья, оно неожиданно возродилось и активизировалось в американской прессе, а оттуда обновлённым вернулось в послевоенную Европу. Политика «нового мышления» сделала его актуальным в России и других странах Славии. С утратой веры в благополучное экономическое и политическое плавание с Западом («в одной лодке») оно, однако, не только постепенно теряет свой патетический заряд, но и вырождается в шуточный рекламный ролик. Ср., напр.:

Life: **Was ist das für 1 Life?**

букв. «Что это за одна жизнь?»

① нач. перв. дес. XXI в.

- преимущественно в письменной разговорной речи (блогах, постах в соц. сетях); мол., часто ирон.

речевой комментарий используется в ситуации, когда говорящий хочет выразить удивление, недоумение или изумление своей собственной жизнью, переживаемым событием или опытом

 Новый устойчивый оборот со структурой вопросительного предложения имеет полностью идиоматический характер. В своей вторичной функции вопросительная структура ориентирована не на получение ответа, а на передачу экспрессивно окрашенной информации.

Фразеологический оборот получил изначальное распространение в письменной речи. Пользователи популярных социальных сетей, приложений и систем мгновенного обмена текстовыми сообщениями (например, Facebook, Instagram, Snapchat, WhatsApp и др.) часто используют в своих постах данное выражение или включают в пост хэштег с сокращённым вариантом фразы – *#widf11*.

Буквенно-цифровая замена немецкого варианта *Was ist das für ein Leben?* английским ключевым компонентом оборота *1 Life* объясняется тенденцией сокращать в социальной сети Twitter тексты сообщений, которые ограничены длиной в 140 символов. На использовании данного «графического элемента» оборота строится особая образность фразеологической единицы, что способствовало популярности идиомы среди молодёжи. В устной речи

фразеологизм используется реже, т. к. в этом случае исчезает эмоциональная составляющая, выражающаяся на письме английским цифровым вариантом.

Авторство фразеологизма принадлежит австрийскому рэп-исполнителю Мани Бою (Money Boy), который впервые использовал его в своем микроблоге в Twitter в 2014 г. Считается также, что рэпер ввёл в популярный немецкий сетевой сленг (Vong) цифру 1 вместо неопределённого артикля *ein*.

Основное значение идиомы строится на переосмыслении сентенции *ONE LIFE*, популярного среди молодёжи XXI в. В ней содержится призыв жить, а не проживать свою жизнь, которая так коротка и всего лишь одна; самореализовываться, максимально насыщать жизнь яркими впечатлениями, позитивными эмоциями, вести активный образ жизни, познавать, стремиться, знакомиться и развиваться.

Was ist das für 1 Life? Frag doch die YT-Experten! Sie stehen euch zur Seite und bieten passende Antworten auf die wirklich entscheidenden Fragen des Lebens: Wie befestigt man falsche Wimpern oder sollte man seine Plazenta behalten? Wie behandelt man Akne oder peppt seinen Lebenslauf auf? Von Verführungstipps bis zum Spickzettel fürs Abi ist alles dabei... (www.arte.tv/de. 23.03.2019)

Мы стучим кулаком о кулак, дважды щёлкаем указательным пальцем, скрещиваем локти слева, скрещиваем локти справа, даём пять, затем опять соприкасаемся кулаками, и студентка покидает кабинет, не говоря ни слова. И тут заходит следующий студент. «Йо, бро», кричит он издали, и я, подтягивая свои скользкие мешковатые штаны практически к подмышкам, думаю: **Прям ваще жиза!** [Вальтер, Никитина, Гудкова 2019, 58–59]

Легко предположить, что именно фразеологические неологизмы-кальки с американского варианта английского языка обнаруживают наибольшее сходство в русском и немецком языках. И такое предположение, действительно, подтверждается конкретными примерами. Так, современная пословица *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* 'бесплатно ничего не даётся; брать то, что достаётся даром, рискованно: доступно и дешёвое может оказаться ловушкой' [ШСП 2002, 248] и образованный от неё фразеологизм *бесплатный сыр* находит полную аналогию в немецком языке: *Käse umsonst gibt es nur in der Mausefalle* [Walter 2019a, 138–139].

В то же время каждый из двух сопоставляемых языков по-своему адаптировал эту поговорку. В русском языке она подверглась оригинальным трансформациям в духе «антипословичного» фольклора: *Бесплатно только птички поют; Бесплатный секс бывает только в мышеловке; Дешёвый сыр бывает только в мышеловке; Дорогой не положат...; Если вы попали в мышеловку, требуйте обещанный бесплатный сыр; Если уж мышеловка захлопнулась, надо хотя бы доесть сыр; Халява бывает только в мышеловке; Ранняя птишка зёрна склёвёт?! Зато бесплатно сыр достаётся только второй мышке* [Вальтер, Мокиенко 2005, 472; Вальтер 2019, 28–30; Walter 2021, 84–86]. В немецком же языке некоторые типы таких фразеологических трансформ отсутствуют.

Лексикографическая характеристика такого рода фразеологических неологизмов является целью научного Проекта (поддержанного грантом РФФИ) – «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии». Научная задача, на решение которой направлен Проект – составление «Словаря русских

фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. – 2000–2019 гг. XXI в.)). В идеографической части Словаря (тематический индекс) будут представлены блоки понятий и явлений современной жизни, отраженные в новой русской фразеологии. Предполагаемый объём исследуемого материала – около 7 000 новых устойчивых словосочетаний русского языка. Актуальность исследования обусловлена кардинальными общественно-политическими и экономическими изменениями в России, новыми идеологическими ориентирами и взаимодействием со странами Восточной и Западной Европы. Показать отражение этих процессов в русском языке последнего 30-летия – цель исследования. Научная новизна и уникальность Проекта – в том, что в результате на русском языковом материале будет создан первый в мировой лексикографии специализированный словарь фразеологических неологизмов. Опыт его создания будет иметь теоретическое и практическое значение как для отечественной лексикографии (resp. неографии), так и для издания аналогичных словарей других языков, в том числе и двуязычных словарей фразеологической неологистики. Одним из таких словарей станет и предлагаемый «Русско-немецкий словарь фразеологических неологизмов».

Если окинуть общим взглядом рассмотренные конкретные примеры русской и немецкой фразеологической неологистики (естественно, спорадичные из-за неизбежного лимита места), то мы заметим, что по семантике и функции они членятся на 2 принципиально различные группы:

1. Семантико-функциональные неологизмы, которые входят в идеографические ряды, объединяющие их с неологизмами лексическими.

Эта группа рождена динамической потребностью обозначать собственно новые явления и факты. Сюда относятся, например, уже названные обороты типа «разноцветные» береты, медные каски, чёрный ящик, чёрная дыра, белая книга, красный эшелон, цепная реакция, обратная связь, возить воздух, сдавать [квартиру] под ключ, утечка мозгов (умов), промывать мозги, бархатная революция, оранжевая революция, новые русские и под.

Многие единицы этой группы имеют «полуфразеологический» статус, характерный, как уже говорилось, для перифрастики. С одной стороны, обозначая новые явления действительности, неизвестные прежде понятия, явления, процессы, они выполняют необходимую для этого номинативную функцию, в силу чего приближаются к устойчивым терминам и номенклатурам. С другой же стороны, более пристальный взгляд на такие «номинативные» обороты, как *утечка мозгов* или *защита от дурака (дураков)* ‘автоматическое предохранительное устройство, ограждающее сложную техническую систему от не предусмотренных программой действий’ [НСЗ-80, 251] показывает, что перед нами не та «классическая» новизна информации, которая характерна для типичных неологизмов-лексем или составных терминов. Здесь оценочный, коннотативный элемент преобладает над чисто номинационным, денотативным. Иное дело – и это исследователи неологистики часто смешивают с общефразеологической неологичностью – неологизмы-компоненты в составе фразеологизма.

2. Стилистико-функциональные неологизмы, в идеографическом спектре адекватные экспрессивно-эмоциональной матрице, характерной не только для русской, но и для немецкой лексико-фразеологических системы. Эта

группа фразеологизмов не обозначает новых явлений действительности, а рождена потребностью экспрессивной «перезарядки» фразеологии, необходимостью по-новому, иными языковыми средствами обозначать старые факты и явления. К ним относятся обороты типа *раскрыть варежку, рвать когти, вешать лапшу на уши, забивать баки, блин горелый, вставить фитиль, коньки отбросить, кегли откинуть, труженица легкого поведения* и мн. др. [Мокиенко 2003].

Вторая группа неологических оборотов более «фразеологична» по своему функциональному статусу и образует активные синонимические ряды и структурно-семантические модели. При её классификации поэтому вполне пригодна как общая синхронная идеографическая матрица, разработанная для идиоматического фонда [Мокиенко 1982], так и матрица диахроническая [Фелицына, Мокиенко 1999, 393–397]. При описании и сопоставлении такой неологистики особо значимыми становятся экспрессивно-стилистические, а не собственно номинационные параметры, которые, собственно, и составляют её функциональную новизну.

Первая группа фразеологической неологистики, обозначая новые реалии, тяготеет, следовательно, к сфере денотации, вторая – к сфере коннотации. Это означает, что в первой весьма много оборотов перифрастического, полутерминологического, а следовательно – полуфразеологического типа. Нельзя не подчеркнуть при этом, однако, что между этими двумя группами немало и переходных случаев, поскольку отмеченная оппозиция «денотативность» <> «коннотативность» в них выражена как *тенденция к тому или иному полюсу*. Коннотативные семы, собственно говоря, наличествуют даже у таких перифрастических оборотов номинационного типа, как *голубые береты* или *медные каски*, не говоря уже о *труженице легкого поведения* или *ночной бабочке*. Детальное сопоставление русских и немецких наименований проституток в официальной речи и жаргоне [Вальтер, Мокиенко 2002] не только показывает экспрессивную заряженность большинства из них, но и выявляет существование детализированной шкалы, социально и коннотативно их градуирующей.

Сопоставление русской и немецкой фразеологической неологистики необходимо вести с постоянным учётом специфики названных двух групп. Уже первый опыт нашего анализа показал и необходимость принципиально различной *методики интерпретации материала*, входящего в эти группы, и его разнокачественность по оси «общее» <> «специфичное» (resp. «универсальное» <> «национально специфичное»).

Первая группа формируется преимущественно либо из интернационализмов, либо генерируется из собственных языковых ресурсов как «штучный» в семантическом и структурном отношении «товар». Вторая же группа, питаясь идеографическими соками как собственной, так и инославянской (шире – общеевропейской) систем, вырастает и разрастается из древних *структурно-семантических моделей* [Мокиенко 2018, 57–58]. Поэтому анализ второй группы фразеологических неологизмов неминуемо приведёт к необходимости «челночного движения» исследователя этой проблемы. Даже начав с узко очерченного круга актуальных неологизмов, исследователи фразеологической

неологики должны обращать внимание на общую картину европейского фразеологического мира, который любое свежееиспечённое «новое» превращает в никогда не забываемое языком «старое».

Людмила Степанова, Чешская Республика, Оломоуц
ludmila.stepanova@upol.cz

Новое в этимологических словарях русской и чешской фразеологии²

В настоящее время готовится новое, 4-ое издание словаря «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» [БМС 2005], 1-ое издание которого вышло в 1998 г., 2-ое изд. – в 2001 г. и 3-е издание – в 2005 г. Одновременно в Оломоуце составляется первый этимологический словарь чешской фразеологии. Нам показалось интересным проследить, какие новые материалы будут включены в эти издания, т. к. сравнение состава любых словарей во времени показывает, кроме прочего, и динамику фразеологических фондов соответствующих языков.

Традиционно в этимологические словари включаются фразеологические единицы античного и библейского происхождения (*Прометеев огонь, Гераклов труд, Ариаднина нить, Содом и Гоморра, книга за семью печатями; Achillova pata, poslední soud, být jako lazár, rány egyptské*), выражения с наименованиями реалий и именами собственными (*ездить в Тулу со своим самоваром, коломенская верста, Минькой звали; chytat lelky, dlouhý jako Lovosice, stavět na pranýř, pro strýčka Příhodu*), обороты с архаичными элементами (*баклуши бить, как пить дать, ни зги не видно; nevědět ani zbla, nemít ani vindru, ruka Páně*), фразеологизмы иностранного происхождения (*золотая молодежь, карт-блани, за деревьями не видеть леса; hubený jako šindel, dělat randál, mít pech*) и т.п.

В новое издание русского этимологического словаря должны, естественно, войти относительно новые заимствования из иностранных языков, прежде всего из американского варианта английского языка, которые отсутствуют в предыдущих изданиях. Это, например, (*не*) *моя чашка чая, (не) моя группа крови, промывание мозгов, писать в стол, скелет в шкафу, заматать под ковер, золотой парашют, бесплатный сыр бывает только в мышеловке, не класть все яйца в одну корзину, выкручивать руки, родиться с серебряной ложкой во рту, дорожная карта, хромая утка, жирный кот, стеклянный потолок* и др.

В чешском языке это также новые заимствования из английского языка: *vymývání mozku, psát do šuplíku, kostlivec ve skříni, zametat pod koberec, zlatý padák, můj šálek čaje (kávy), moje krevní skupina, krájet koláč* и др.

К фразеологическим неологизмам относятся и полукальки, или фразеологизмы с освоенными английскими компонентами: *легкий лайк* –

² Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci v letech 2018-2021 z Fondu pro podporu vědecké činnosti, grant FPVC2018/14.

дружелюбный человек в соцсети, который поставит лайк под всем, что вы запросите, *возглавлять топ* – быть лучшим среди лидеров, занять первое место в рейтинге лучших; *джаст бизнес* – здесь нет личных мотивов, это только работа; *джаст фор лулз* – только ради развлечения, *поколение игрек*, *поколение Y*, *Z*, *поколение некст* – миллениалы; поколение родившихся после 1981 года, характеризующееся глубокой вовлечённостью в цифровые технологии; *запастись попкорном* – с интересом ожидать развития событий. Последний фразеологизм имеет вариант *запастись попкорном и патронами* со значением: приготовиться к чему-л. плохому, ожидать развития какой-л. негативной ситуации [об этом и др. фразеологизмах см. также: Доброва 2016, 130–131; Доброва 2017; Доброва 2019, 124]. Ср.:

Ну или просто *запаситесь попкорном* и наблюдайте, как криптовалюты будут менять наш мир... [<http://solvaigsamara.livejournal.com>]

Верховный суд вышел за рамки и открыл ящик пандоры, ну а я *запасся попкорном* и *патронами* – дальше будет «лучше, веселее», Саш.

<https://kuzimama.livejournal.com> [Цит. по: Степанова, Доброва 2018, 312].

Новых заимствований из других языков очень немного. К таким, например, относится выражение *вишенка на торте* – чеш. *třešnička na dortu*. Считается, что в русский язык оборот попал из французского благодаря фильму «Карла Бруни. Вишенка на торте» (2010) о первой леди Франции; популярность была поддержана следующим французско-итальянским фильмом с названием в русском переводе «Черешня на пирожном» (2012). Оборот зафиксирован в употреблении с 2010 г. [Федорова 2017]. Сам образ украшения на торте существует во многих европейских языках, ср. англ. *icing on the cake*, амер. *frosting on the cake*, нем. *das Sahnehäubchen auf dem Kuchen* (букв. глазурь (крем) на торте). Во французском языке в качестве украшения присутствует вишня: *C'est la cerise sur le gâteau*, что позволяет предположить именно французское происхождение данного фразеологизма. В английском языке последних лет также появилось выражение *the cherry on top*, а в англоязычном интернете появляется много дискуссий о значении и происхождении данного оборота, поэтому можно сделать предположение о его заимствованном характере в английском языке.

Есть и немногочисленные заимствования из немецкого языка – например, фразеологизм *визгу много, а шерсти мало*. Этот оборот приобрел особую популярность в русском языке благодаря его употреблению В. Путиным в 2013 г. в связи с делом Сноудена: «Ассанж, как и Сноуден, считают себя правозащитниками и заявляют, что борются за распространение информации. Задайте себе вопрос: нужно ли выдавать таких людей для посадки в тюрьму? В любом случае, я бы предпочитал не заниматься такими вопросами, потому что это все равно, что поросенка стричь – *визга много, а шерсти мало*», – сказал Путин на совместной пресс-конференции по итогам переговоров со своим финским коллегой Саули Ниинистё [<https://ria.ru>]

Как показал В. М. Мокшенко, этот оборот восходит к народному немецкому анекдоту XV века [Мокиенко 2013, 11–18]. Фразеологизм был зафиксирован еще в словаре В. Даля, но в современном русском языке уже не употреблялся, однако после высказывания В. В. Путина вновь получил быстрое распространение, ср.:

Как-то я услышал от опытных финансистов, что принятие бюджета сравнимо со стрижкой поросёнка – *визгу много, а шерсти мало* [<https://oreltimes.ru/news/kak-to-ja-uslyshal-ot-opytnyh-finansistov-chto-prinjatje-bjudzheta-sravnimo-so-strizhkoj-porosjonka-vizgu-mnogo-a-shersti-malo-rabota-prodolzhaetsja/>]

По-видимому, данный оборот существует в целом ряде европейских языков и является подлинным интернационализмом.

Из других немецкоязычных заимствований можно назвать фразеологизм с немецким компонентом *геиштальт*: *закрывать геиштальт* – закончить, завершить какое-либо важное дело; удовлетворить потребность в чем-либо. *Геиштальт* (нем. *Gestalt*) – термин из психологии, характеризующий образ, представление о чем-либо в сознании человека; план, важное дело, этап. Выражение зафиксировано с начала XXI в. [Степанова, Доброва 2018, 114].

Другим богатым источником новых фразеологизмов стали обороты жаргонного происхождения. Так, в издание 2005 г. включены обороты из речи наркоманов *посадить / сажать на иглу*, но отсутствуют фразеологизмы *сидеть (жить) на игле; слезать / слезть с иглы; снимать / снять с иглы кого и др.* Между тем фиксация этих оборотов важна еще и потому, что они уже развили новые значения, ср. *сидеть на игле* – быть зависимым от чего-л. или *слезть с (какой) иглы* – избавиться от какой-л. зависимости, освободиться от чего-л. [Степанова, Доброва 2018, 170], ср.:

Но, с другой стороны, закрыть все атомные станции, тем более одновременно, невозможно, потому что многие страны, например Франция, прочно *сидят на «игле»* атомной энергии [Сквозь призму Чернобыля: диалоги о мире и войне // «Наука и жизнь», 2006; цит. по: Степанова, Доброва 2018, 170].

А сидеть на игле газа или нефти – это не дело [Наши снова в Берлине (2004) // «Вестник авиации и космонавтики», 2004.06.30; цит. по: Степанова, Доброва 2018, 170].

Хорватия *слезла с газовой иглы* “Газпрома” [poslezavtra.com.ua; цит. по: Степанова, Доброва 2018, 170].

«Я не собираюсь *слезать с иглы* абсолютной творческой свободы» [Николай Корнацкий. «Всё и сразу», здесь и сейчас // Известия, 2014.06.05; цит. по: Степанова, Доброва 2018, 170].

Предполагается включение в состав словаря следующих фразеологизмов жаргонного происхождения:

– *бакинские рубли* – доллары. Это относительно новое выражение, возникшее, вероятно, в результате языковой шутки от жаргонного *баксы* – американские доллары. Распространению выражения способствовало его употребление в криминально-комедийном боевике «Жмурки» (2005 г., реж. А. Балабанов) [Мокиенко, Никитина 2000, 45; Степанова, Доброва 2018, 34];

– *косить от армии* – уклоняться от службы в армии. *Косить (от чего)* – глагол жаргонного происхождения со значением ‘уклоняться от чего-л.’. Выражение распространилось в 90-е гг. XX в. [Мокиенко, Никитина 2000, 283; Степанова, Доброва 2018, 21];

– *отвечать за базар* – держать слово, выполнять данное обещание. Слово *базар* имеет в жаргоне значение ‘разговор’. Выражение распространилось в просторечии в 90-е гг. XX в. [Мокиенко, Никитина 2000, 44];

– *po барабану (до барабана) кому что* – кому-л. абсолютно безразлично что-л. Выражение жаргонного происхождения, распространившееся в просторечии в 90-е гг. XX в. [Мокиенко, Никитина, 2000, 50; Степанова, Доброва 2018, 38] и мн. др.

В чешской фразеологии количество внутренних заимствований (т. е. фразеологизмов жаргонного происхождения) не составляет такой большой группы выражений, скорее, здесь преобладают фразеологизмы из речи компьютерщиков, пользователей сетей, каламбурь, выражения из популярных фильмов, ср.:

– *dostat ban* – получить бан, т. е. запрет или ограничение прав на пользование каким-либо сайтом;

– *malý, ale šikovný* – о человеке небольшого роста, но ловком и умелом (из сказки З. Трошки «Принцесса с мельницы» [Princezna ze mléjna, 1994], где так себя характеризует маленький чертенок);

– *přítom taková blbost, vid'?* – а ведь это так просто! [из фильма Pelíšky, реж. Ян Гржебейк, 1999] и мн. др.

Разумеется, и в русском, и в чешском языках постоянно появляются новые фразеологизмы исконного происхождения, их источником могут быть профессиональная речь, речь молодежи, шутки, каламбурь, крылатые выражения. Так, в русском языке зафиксированы новые обороты: *без вариантов, голосовать ногами, получить вливание, Нигерия в снегу, гонять воздух, диванные войска, сплошной геморрой, головная боль, говорящие головы, открывать дверь ногами куда, жаба душил кого, по жизни* и мн. др. Указание на новизну фразеологической единицы, на приблизительное время ее словарной фиксации важно и для чешского этимологического словаря, где будут отмечены следующие относительно новые фразеологизмы, получившие лексикографическую обработку только в последние 20 лет: *být v balíku, být na baterky, mrtvý brouk, dělat na doraz, jet jak fretka, od hodiny udělat co, plakat na nesprávném hrobě, spadla klec, tahat za kratší / delší konec, dělat komu křoví* и мн. др.

Рычева Екатерина Алексеевна, Чешская Республика, Карлов университет, Прага
ekaterina.rycheva@ff.cuni.cz

Политический дискурс как область возникновения фразеологических неологизмов в русском и чешском языках

Интенсивный процесс глобализации, модернизация политических институтов, переоценка этических норм, миграционный кризис и эпидемия коронавируса стали мощным толчком для возникновения множества фразеологических неологизмов в разных языках. Весь мир захлестнула волна новых выражений, которые являлись прямой реакцией на происходящие события, поэтому фразеологические неологизмы можно по праву считать отражением эпохи.

В настоящее время происходит «диффузия» языка политики с различными формами национального языка: с одной стороны, политики используют различные социолекты для придания речи особой экспрессивности и

установления контакта с аудиторией, а с другой – в широкое употребление вливается мощный поток новых слов и выражений из сферы политики. Широта возможностей и доступность интернета, практическое отсутствие цензуры, нормативных и издательских ограничений по публикации превратило данный канал коммуникации в трибуну для политической пропаганды и агитации. Данные факторы спровоцировали появление новых слов и выражений, которые возникают в результате быстрой (условно «спонтанной») реакции индивида, не скованной стилистическими нормами и ситуацией общения³.

Фразеологические неологизмы и окказиональные фразеологические единицы (ФЕ) различаются не только по способу возникновения и специфике объекта номинации, но и по «продолжительности жизни» в речи. «Фразеологические неологизмы появляются в языке, чтобы удовлетворить потребности языкового социума в наименовании новых предметов и явлений, в осмыслении эмотивно-экспрессивной выразительности языковых средств [Баско 2018, 66]. Согласно концепции Т. Малински, существует три критерия дифференциации фразеологических неологизмов от окказиональных употреблений ФЕ: не менее чем трехразовая фиксация неологизма разными письменными источниками, проверка на знание данного фразеологического неологизма носителями языка, отсутствие фиксации фразеологической единицы толковыми словарями [Малински 1992]. По мнению И. Ю. Третьяковой, окказиональная фразеология характеризуется принадлежностью речи, невозпроизводимостью, авторской принадлежностью, производностью, ненормативностью, функциональной однородностью, контекстуальной обусловленностью, повышенной экспрессивностью, синхронно-диахронной диффузностью [Третьякова 2011].

В данной монографии мы будем понимать под **фразеологическими неологизмами** устойчивые обороты, которые называют новые понятия или явления действительности, значение которых зачастую терминологизировано и сохраняется в отрыве от контекста. Кроме фразеологических неологизмов, мы будем разграничивать **афоризмы-неологизмы**, в значении которых отражена тесная связь с прецедентной ситуацией и автором высказывания.

Как показало проведенное исследование⁴, новые фразеологические единицы в политическом дискурсе можно разделить на несколько групп:

- 1) заимствованные фразеологические неологизмы;
- 2) фразеологические неологизмы, появившиеся в политическом дискурсе носителей языка конкретной страны;
- 3) афоризмы-неологизмы.

1. Все более популярным источником пополнения состава фразеологических неологизмов в русском и чешском языках является английский язык, который занимает устойчивую позицию в качестве языка международного общения и интернета.

3 Мы допускаем, что публикации в социальных сетях могут быть подготовлены как самим политиком, так и «третьими лицами» (копирайтеры), однако, как правило, публикации отвечают имиджу политика и поддерживают необходимый образ в глазах избирателей.

4 Рычева Е. Фразеологизмы в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков в России и Чехии). Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Прага, 2019.

Заемствованные фразеологические неологизмы чаще всего представляют собой термины или понятия, которые называют реалии и явления общественно-политической сферы. Такие ФЕ лишены в речи политиков образности и экспрессивности, их значение, как правило, однозначно и не предполагает авторского толкования. Заемствованные фразеологические единицы функционируют в политическом дискурсе в виде калек и иноязычных вкраплений. Выбор говорящего в пользу того или иного варианта заимствований зависит от целевой аудитории, к которой обращается политик, а именно – от ее способности правильно расшифровать смысл ФЕ и верно интерпретировать высказывание в целом.

Иноязычные вкрапления в речи политиков встречаются в тех случаях, когда политический деятель обращается к узкой аудитории (выступления на экономических форумах, заседания Правительства и т.д.). При этом уместное употребление заимствований в непереводном виде косвенно указывает на уровень образования и компетенции политика: «*Potřebujeme letecký benzín, kerosín, naftu, benzín, a kdyby bylo úplně nejhůř, tak mouku, sušené mléko a hlavně vodu. Pokud tam stále něco obměňujete, tak si myslím, že z hlediska cash flow státu by to bylo důležité*»⁵ (Бабиш, 15.7.2018) – ср. «пенěžní tok».

В некоторых случаях использование иноязычных вкраплений мотивировано отсутствием полного словесного эквивалента в языке-реципиенте: «*Сегодня нужно договориться о правилах fair play, которые должны соблюдаться всеми игроками в этой сфере, чтобы и профессиональные юристы, и частные лица, и целые государства могли верить в справедливость и предсказуемость международной системы разрешения споров*» (Медведев, 16.05.2018) – ср. буквальный перевод «честная игра». Данная ФЕ перешла в политический дискурс из сферы международного спорта, в которой имеет значение «моральное обязательство спортсмена, тренера, врача и др. специалистов, участвующих в системе соревнований, строго соблюдать правила и регламент состязания: не допускать мошенничества, грубости, запрещенных приемов и методов, не использовать допинги»⁶. В Кембриджском словаре зафиксировано следующие значения термина *fair play* – «1. in sport, the fact of playing according to the rules and not having an unfair advantage; 2. fair and honest treatment of people»⁷. В рассматриваемом высказывании Д. Медведева реализуется второе значение ФЕ – «честное поведение участников какой-либо деятельности, игра по правилам, справедливая игра». Политик использует понятие *fair play* в соответствующем лексическом окружении, подчеркивая, что для эффективного международного сотрудничества следует следовать заранее оговоренным правилам. Русскоязычный эквивалент ФЕ *fair play* («честная игра») пока не зафиксирован толковыми словарями русского языка, однако обладает большим потенциалом войти в широкое употребление, т. к. данный термин в настоящее время используется не только в спортивном дискурсе, но и в политическом.

5 Projev předsedy vlády Andreje Babiše v Poslanecké sněmovně před hlasováním o vyslovení důvěry vládě [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/projevy/projev-predsedy-vlady-andreje-babise-v-poslanecke-snemovne-pred-hlasovanim-o-vysloveni-duvery-vlade-167555/>

6 Спортивный словарь: <http://www.sport-dic.ru/html-sport/f/f6yr-pley.html>.

7 Fair play [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/fair-play>

Российские и чешские политики употребляют иноязычные вкрапления в сочетании с метаязыковыми комментариями, апеллируя к иностранному источнику, и тем самым показывают свою осведомленность и владение актуальной информацией: «*Tak já bych úvodem rozptýlil několik fake news, jak říká Donald Trump*» (Земан, 29.06.2017); «*И здесь мы всё чаще видим, как вводятся необоснованные экстерриториальные ограничения, которые основаны на преднамеренно сфальсифицированных доказательствах. Как любят выражаться некоторые известные политики, на fake news*» (Медведев, 16.05.2018).

Фразеологические неологизмы в политическом дискурсе часто возникают путем калькирования общественно-политических и экономических терминов из английского языка: «*Po listopadu 1989 od nás odešlo dalších nejméně dvě stě tisíc lidí, protože životní příležitost uviděli jinde. Různé vlády nechaly padnout, vykrást a vytunelovat stovky podniků. Mnoho peněz oteklo do zahraničí a daňových rájů*» (Бабиш, 27.10.2018) – ср. «*tax haven*».

В качестве дополнительного маркера, указывающего на заимствованный характер фразеологических неологизмов, выступает их употребление в кавычках: «*Это работа с отмыванием денег и всё, что связано с «налоговыми гаванями» и уходом от налогообложения, – вещь чрезвычайно важная и имеет практическое значение*» (Путин, 08.07.2017) – ср. «*tax haven*», «*money laundering*». Примечательно, что в данном высказывании встречаются несколько ФЕ (отмывание денег (*money laundering*) со значением ‘использование ряда сделок, зачастую весьма сложных для того, чтобы скрыть первичный источник денег’, налоговая гавань (*tax haven*) со значением ‘страна, предоставляющая иностранным резидентам возможность уменьшить их налоговые платежи путем ведения бизнеса в ней’), однако первый термин употреблен без кавычек, что свидетельствует о частотности его использования и «прозрачности» семантики ФЕ.

Фразеологические неологизмы в политическом дискурсе могут возникать по модели уже существующих ФЕ (ср. *гонка санкций* (*sancition race*) – *гонка вооружений* (*arms race*)), что мотивировано сходным характером противостояния на международной арене. Вот несколько подобных фиксаций из речи политиков: «*Мы же ввели запрет на поставку продуктов питания, некоторых видов товаров из Соединённых Штатов Америки, из Европейского союза и ряда присоединившихся стран. Поэтому гонка санкций – это не очень хорошая история*»⁸ (Медведев, 5.11.2016). В публикациях СМИ также сопоставляется характер и последствия *гонки вооружений* и *гонки санкций* («*Если Россия втянется в гонку санкций, как когда-то СССР был втянут в гонку вооружений, это только резко ухудшит ситуацию*»⁹, «*Гонка санкций скорее приведет к полномасштабной «холодной войне», чем к разоружению сепаратистов*»¹⁰). Несмотря на частотное употребление термина (с 2014 г.), в словарях значение ФЕ *гонка санкций* пока не зафиксировано; в современном политическом дискурсе данный фразеологический неологизм употребляется в значении ‘комплекс мер, которые были предприняты США и странами Европы

8 Интервью Дмитрия Медведева Второму телеканалу Израиля 5.11.2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://government.ru/news/25194/>

9 Гонка санкций [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2014/03/21/58860-gonka-sanktsiy>

10 Кошелёк или мир [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2014/07/17_e_6117397.shtml.

по отношению к России и ответная реакция на них со стороны Российской Федерации»¹¹.

2. Фразеологические неологизмы, появляясь в политическом дискурсе носителей страны данного языка, обычно тесно связаны с конкретными общественно-политическими событиями или явлениями, что требует наличия определенных фоновых знаний у реципиента сообщения. «Бум» возникновения фразеологических неологизмов зависит от экстралингвистических факторов: сколько событий произошло за ограниченный период времени, насколько они важны для общества и государства, в какой мере отражают проблемы эпохи.

Появление новых ФЕ в политическом дискурсе мотивировано актуальной ситуацией: например, в составе устойчивого оборота *путинские каникулы* актуализируется фамилия политика, который одобрил введение мер по борьбе с распространением коронавируса («*Сколько стоят “путинские каникулы”*»¹², «*Путинские каникулы не для простака*»¹³). В связи с эпидемией коронавируса в широкое употребление также вошли неологизмы *масочный режим* («*Роспотребнадзор: масочный режим будет действовать один-два месяца*»¹⁴), *курс имбиря* («*В тульских магазинах обвалился «курс имбиря» Цены на витаминный продукт упали в несколько раз*»¹⁵), а также вновь стала актуальной ФЕ *цифровой концлагерь* («*“Цифровой концлагерь”. Будет ли Россия усиливать цифровую слежку под предлогом борьбы с коронавирусом по опыту Китая?*»¹⁶).

В некоторых случаях фразеологический неологизм становится популярным вследствие того, что он неоднократно употребляется политиком, занимающим высокую должность (хотя сам политик может не являться автором данного выражения). «*Zatímco lidé, kteří se soustředí pouze na jednu alternativu a ignorují alternativy ostatní, se chovají tak trochu jako pražská kavárna, která je pověstná právě svojí zálibou v jednoduchých a jednostranných alternativách*» (Земан, 13.04.17). ФЕ *pražská kavárna* является пейоративным обозначением группы людей, которые критикуют действия властей, не являясь при этом экспертами в области политики и экономики; кроме того, в устойчивом обороте эксплицируется место жительства и место времяпровождения этой части населения (1. Столица Чехии, г. Прага – символ передовой мысли, интеллектуальности; 2. Кафе как место сбора и обмена мнениями). Данное выражение

11 Толкование автора.

12 Сколько стоят путинские каникулы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/396073-skolko-stoyat-putinskie-kanikuly>

13 Путинские каникулы не для простака. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/31/03/2020/5e822b4e9a7947e25546c97b>.

14 Повышенные нормы: Попова рассказала о продлении масочного режима <https://www.gazeta.ru/social/2020/05/25/13095835.shtml> (дата обращения 15.06.2020)

15 В Твери обвалился курс имбиря [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://myslo.ru/news/tula/2020-05-05-v-tul-skih-magazinah-obvalilsya-kurs-imbiry> (дата обращения 15.06.2020)

16 Цифровой концлагерь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/02/84663-tsifrovoy-kontslager> (дата обращения 15.06.2020)

предложено чешским политиком В. Клаусом мл.¹⁷, однако стало популярным благодаря использованию в речи президента М. Земана.

3. К афоризмам-неологизмам в политическом дискурсе относятся высказывания современных политиков, которые активно тиражируются СМИ и обсуждаются в интернете. Такие афоризмы становятся частью имиджа политического деятеля и тесно связаны с определенной коммуникативной ситуацией. Одной из причин, способствующих закреплению новых афоризмов в общем употреблении, является негативная реакция общества на неоднозначные и провокационные заявления политиков. Для афоризмов-неологизмов в политическом дискурсе на первый план выходят экспрессивная и прагматическая функции, что связано с желанием адресанта установить и поддержать контакт с аудиторией, вступить с ней в процесс языковой игры и оказать влияние на адресата. В процессе коммуникации такие афоризмы обычно являются центральной смысловой частью текста, задающей модальный вектор высказывания, другими словами, вокруг которой формируется его прагматическое наполнение.

Афоризмы данного типа являются своеобразной «болевой точкой» публики и получают широкое распространение вследствие парадоксальности и нелогичности коммуникативной ситуации, а именно из-за несоответствия идеального образа политика, который должен заботиться о благосостоянии страны и населения, и его реальных высказываний и действий.

Афоризмы-неологизмы могут функционировать в широком употреблении как в исходном, так и в трансформированном виде. Например, высказывание А. Бабиша *sorry jako* закрепилось в общем употреблении в исходной форме (ср. цитату «*Proč bych vám měl sdělovat všechny moje příjmy? Sorry jako. Vy sdělujete někomu příjmy, nebo kdo tady sděluje příjmy za posledních dvacet dva let? Co vám je vůbec do toho?*» (Бабиш, 31.01.2017)). Ответ политика получил большую огласку в СМИ («*Andrej Babiš baví internet. Sorry jako!*»¹⁸, «*“Sorry jako”. Babiš svojí vyhybavostí baví internet, hláška z ČT se ujala*»¹⁹), стал источником для образования интернет-мемов²⁰, которые обыгрывают прецедентную ситуацию («*Sorry jako, vyřazují staré oblečení pro charitu, a najednou koukám, v kapsách jedna miliarda! Ti víte, že jsem měl radost*», «*A proč já mám přiznávat všechny svoje*

¹⁷ Rozhovor prezidenta republiky pro internetové vysílání webu Blesk.cz «S prezidentem v Lánech» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zemanmilos.cz/cz/clanky/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-internetove-vysilani-webu-bleskcz-%E2%80%9Es-prezidentem-v-lanech%E2%80%9D-293399.htm> (дата обращения 15.06.2020)

¹⁸ Andrej Babiš baví internet. Sorry jako! [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.reflex.cz/clanek/zpravy/77381/andrej-babis-bavi-internet-sorry-jako.html> (дата обращения 15.06.2020)

¹⁹ „Sorry jako.“ Babiš svojí vyhybavostí baví internet, hláška z ČT se ujala [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.blesk.cz/clanek/zpravy-politika/447278/sorry-jako-babis-svoji-vyhybavosti-bavi-internet-hlaska-z-ct-se-ujala.html> (дата обращения 15.06.2020)

²⁰ Под «интернет-мемом» мы понимаем поликодовый текст (текстовый мем, рисунок, фотография, видео, комикс), который имеет определенную прагматическую направленность; комический эффект в интернет-мемах создается путем заострения внимания реципиента на характеристиках предмета или явления, часто при помощи неожиданных сопоставлений, уподоблений и стереотипизации.

hřichy? Sorry jako», «*Víte, jak se řekne japonsky “neplatič dani”? Soriako*»); данная фраза также зафиксирована в речи других политических деятелей («*Do zdi nemluvim, sorry jako*»²¹ (Калоушек 02.02.2017)). Таким образом, ФЕ *sorry jako* используется в речи с иронической окраской для выражения мнимого, формального извинения.

Примечательно, что сам А. Бабиш впоследствии неоднократно обращается к своим неудачным высказываниям («*Čau lidi. Ještě dejchám. Sorry jako...*»²² (Бабиш 03.06.2019)), которые получили негативную оценку в обществе, превращая их в часть своего имиджа («*Babišovo PR opět dělá z chyb přednosti. „Motýle“ jsou nové „Sorry jako“*»²³). Выражение *sorry jako* стало слоганом в маркетинговой кампании А. Бабиша, показав его способность к самоиронии: например, в своем блоге в социальной сети Facebook политик позирует на камеру в футболке, на которой напечатан данный афоризм. При помощи данного приема политик намеренно апеллирует к исходной коммуникативной ситуации, «признает» и высмеивает свои ошибки, стремясь нивелировать негативную оценку своего речевого поведения и искусственно повышая узнаваемость своей речи. Это приводит не только к увеличению числа цитирований и обращений к личности политического деятеля в публичном пространстве, но и способствует закреплению неологизма в речи.

Афоризм-неологизм *денег нет, но вы держитесь* вошел в широкое употребление в трансформированном виде (ср.: «*Мы вообще не принимали [индексацию]. Просто денег нет сейчас. Найдем деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья*» (Медведев, 23.05.2016)), попав в топ-10 мемов года Рунета по версии Google Trends²⁴. В речи данная ФЕ употребляется с иронической окраской со значением сложной ситуации (чаще – экономического и социального характера), из которой невозможно найти выход.

Выражение *денег нет, но вы держитесь* стало основой для множества структурно-семантических трансформаций («*Снега нет, но вы держитесь*»²⁵, «*Дачи нет, но вы держитесь!*»²⁶, «*Кур нет, но вы держитесь*»²⁷, «*Денег нет,*

21 Do zdi nemluvim, sorry jako [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/kalousek-babis-interpelace.A170202_144536_domaci_kor (дата обращения 15.06.2020)

22 Čau lidi. Ještě dejchám. Sorry jako... [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eurozpravy.cz/domaci/politika/259382-babis-opet-perli-cau-lidi-jeste-dejcham-i-kdyz-mi-to-nekteri-neprejou-sorry-jako/> (дата обращения 15.06.2020)

23 Babišovo PR opět dělá z chyb přednosti. „Motýle“ jsou nové „Sorry jako“ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.forum24.cz/babisovo-pr-opet-dela-z-chyb-prednosti-moty-le-jsou-nove-sorry-jako/> (дата обращения 15.06.2020)

24 Премьерный показ: как маркетологи использовали образ Дмитрия Медведева [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2017/04/19/Premernij_pokaz

25 Снега нет, но вы держитесь [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://columna.ru/news/aktualno/no_snow_but_you_hold/ (дата обращения 15.06.2020)

26 Дачи нет, но вы держитесь! [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dom.mail.ru/articles/61376-dachi-net-no-vyi-derzhites-pyat-zagorodnyih-del-ko/> (дата обращения 15.06.2020)

27 Кур нет, но вы держитесь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://theins.ru/news/186621> (дата обращения 15.06.2020)

но вы учитесь»)), что свидетельствует о закреплении ФЕ в национальном сознании в форме прецедентного текста. При помощи замены слов-компонентов ФЕ говорящий стремится обыграть знакомую ситуацию, намеренно нарушая целостность устойчивого оборота. По мнению В. М. Мокиенко, «именно благодаря такой парадоксальности языковая игра порождает основной целевой эффект – прагматизирует высказывание, выворачивает его на формальную или семантическую «изнанку», делая его экспрессивным» [Мокиенко 2012б, 102]. В основе таких изменений ФЕ лежат лингвокреативные механизмы, связанные с актуализацией прецедентной ситуации, ее критическим осмыслением.

Афоризмы-неологизмы, возникающие в политическом дискурсе, становятся базой для языковой игры в рекламе: компании стремятся «воспользоваться» высокой популярностью актуального прецедентного выражения, повышая лояльность покупателей к своему продукту (компания Tele2 «Конкуренты, но вы держитесь там! Хорошего вам настроения, здоровья»²⁸, компания М-видео «Денег нет, но вы держитесь»²⁹, автомобильный салон Audi Taganka «С 1 июня подорожание на Audi. Вы держитесь там, всего доброго, хорошего настроения. Ваш Ауди центр Таганка»³⁰).

Появлению и закреплению афоризма-неологизма в широком употреблении способствует должностной статус политика и общественная значимость его слов и действий. Некоторые фразеологические неологизмы появляются в речи политиков намеренно, приковывая к себе внимание публики благодаря использованию выражения в необычном контексте, а также из-за несоответствия речи или действий политика с ожиданиями аудитории. Все это приводит к частому употреблению фразеологического неологизма в СМИ и к волне возникновения мемов в интернете. Большой отклик в интернете вызвала речь В. Путина, произнесенная на совещании с главами регионов по борьбе с распространением коронавируса в России: «*Всё проходит, и это пройдёт. Наша страна не раз проходила через серьёзные испытания: и печенегы её терзали, и половцы, – со всем справилась Россия. Победим и эту заразу коронавирусную. Вместе мы всё преодолеем*» (Путин, 08.04.2020).

Президент В. Путин обращался к образу печенегов и половцев³¹ несколько раз (31.07.2010 и 24.05.2013), однако в широкое употребление цитата политика вошла именно в 2020 году в усеченном виде. Данное высказывание привлекло внимание СМИ не только необычным контекстным употреблением,

28 Реклама от премьера Tele2 использовала для продвижения заявление Медведева в Крыму [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/06/08/5756e1249a7947faa5ac2a62> (дата обращения 15.06.2020)

29 «Денег нет, а вы держитесь»: Дмитрий Хрусталеv снялся в рекламе «М.Видео» от Contrapunto [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/deneg-net-a-vy-derzhite-dmitrij-khrustalev-snyalsya-v-reklame-m-video-ot-contrapunto-40393.html>

30 «Денег нет, но вы держитесь»: Рунет и бренды о меме от Медведева [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/deneg-net-no-vy-derzhites-runet-i-brendy-o-meme-ot-medvedeva-22415.html> (дата обращения 15.06.2020)

31 Из легенды об известном адвокате IX-XX вв. Федоре Плевако [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/dve-legendy-o-fedore-plevako/> (дата обращения 15.06.2020)

но в том числе загадкой, «двойным дном»), заставив рассуждать о причинах обращения политика к данному сравнению («Кто такие **половцы и печенеги**? Терзали ли они Россию? И почему Путин о них вообще вспомнил?»³², «Победим и эту заразу»: Путин сравнил коронавирус с **половцами и печенегами**»³³).

На просторах интернета высказывание В. Путина распространилось в виде мема **печенеги и половцы** («Наш мудрый президент заметил, что россияне страдают в заточении от недостатка новых мемов и подарил нам **половцев и печенегов!** Спасибо вам, Владимир Владимирович! Еще недельку протянем теперь»³⁴, «Да что там победы над **печенегами и половцами!** Гордимся предками, освоившими прямохождение и обработку каменных орудий! Победили эволюцию, победим и эту заразу коронавируса!»³⁵). ФЕ **печенеги и половцы** используется в речи с иронической окраской для характеристики речи или действий индивида, который стремится снять с себя ответственность и переложить ее на другой субъект³⁶. Примечательно, что афоризмы политиков, превратившись в интернет-мемы, по выполняемой функции приближаются к карикатурам, показывая критическое отношение, неудовлетворенность и несогласие реципиента с действиями говорящего. Афоризмы-неологизмы обладают кумулятивной функцией, заключая и передавая в себе комплекс экстралингвистических знаний, которые отражают не только черты имиджа автора, но и мировоззрение носителей языка.

Итак, в политическом дискурсе появляется большое количество фразеологических неологизмов, которые отличаются не только по способу возникновения, но и по степени экспрессивности и прагматического потенциала. Новые фразеологические единицы отражают динамику изменений в обществе и служат источником для осмысления новой картины мира современного человека.

Софья Скакун, Минск, Беларусь
sofja_skakun@tut.by

Новые и старые смыслы крылатики белорусской осени 2020-го

Мощные всплески гражданской активности в любые времена влекли за собою и поток слово- и фразеотворчества. Знакомые лексемы наделялись

32 Кто такие половцы и печенеги? Терзали ли они Россию? И почему Путин о них вообще вспомнил? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/04/08/kto-takie-polovtsy-i-pechenegi-terzali-li-oni-rossiyu-i-rochemu-putin-o-nih-voobsche-vspomnil> (дата обращения 15.06.2020)

33 Победим и эту заразу»: Путин сравнил коронавирус с половцами и печенегами [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/397323-pobedim-i-etu-zarazu-putin-sravnil-koronavirus-s-polovcami-i-pechenegami> (дата обращения 15.06.2020)

34 Twitter [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.twitter.com/severin_evgenii (дата обращения 15.06.2020)

35 Twitter [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.twitter.com/a_konyaev (дата обращения 15.06.2020)

36 Мем Печенеги и половцы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://memepedia.ru/pechenegi-i-polovcy/> (дата обращения 15.06.2020)

новыми смыслами, чьи-то высказывания шлифовались и приобретали статус крылатых слов. Не исключение и ситуация в Беларуси после президентских выборов 2020 года, когда на их фальсификацию и чудовищное насилие со стороны официальной власти общество ответило мирным протестом. Протесты сопровождалось невероятным размахом творчества: и в визуальном плане (плакаты, лозунги, граффити, муралы, народные мемориалы жертвам режима и др.), и на уровне горизонтальной самоорганизации (дворовые концерты, акции солидарности, марши женщин, пенсионеров и людей с инвалидностью, выступления «летучего хора» и т.д.). Активность снизу и изобретательность зачастую являлись ответом на усиливающиеся репрессии, однако ярко засвидетельствовали факт состоявшейся агентности гражданского общества.

Любой протест так или иначе всегда высвобождает колоссальную творческую энергию. Это связано ещё и с необходимостью формировать свой собственный язык – отличающийся от того, каким пользуются власти или люди пользовались до протестов, – чтобы «схватить», выразить происходящие изменения. По накалу и количеству производимого информационного контента ситуация в Беларуси является уникальной. Одних только песен протеста написано больше двухсот за 6 месяцев. И эта реализация креативной составляющей также несет на себе колоссальную политическую нагрузку, демонстрирует беспрецедентную вовлеченность большого количества людей в единую повестку³⁷.

Значительно расширился вокабуляр жителей городов. К примеру, слова *оливки*, *маслины* и *бусики* приобрели новые коннотации: теперь они вовсе не ассоциируются с закуской и аксессуаром. Возникли и совсем новые слова. К примеру *бэчэбэзник* – сокращение наименования расцветки национального флага *белы-чырвоны-белы* – используется для обозначения протестующих, прежде всего их оппонентами, в том числе в речи русскоязычных.

В данном разделе обратим внимание всего лишь на один пример языкового творчества – формирование статуса устойчивых у наиболее заметных высказываний конкретных личностей. Крылатыми фразами белорусской осени 2020 стали три выражения, имеющие своё авторство и исключаящие, казалось бы, любую метафоричность: *Я гуляю*; *Я выхожу* и *гонять во всю мощь*.

Первая из них принадлежит Нине Багинской: 13 августа с бело-красно-белым флагом она прошла через заблокированный ОМОНОм мост со словами «Я гуляю». Этот ответ, судя по всему, не только обезоружил силовиков, которые в итоге ещё и помогли даме спуститься по ступенькам, но и моментально очаровал всех, кто в этот момент наблюдал за происходящим, а также пользователей Сети. 74-летняя Нина Багинская – одна из знаковых фигур белорусского оппозиционного движения, она протестует с 1988-го, шьёт бело-красно-белые флаги своими руками и не пропускает ни одного воскресного марша. Замечен и лозунг «*Будь как Нина*».

Фраза закрепилась даже в функции её личного идентификатора – «*Нина Багинская, она же бабушка “я гуляю!”*». На устойчивость и даже вариантность высказывания указывает наизывание однотипных элементов или приращения, к примеру, «*Я гуляю. Гуляют все*», с аллюзией к фразе Ивана Васильевича

³⁷ <https://vtoraya.krapiva.org/iskusstvo-protesta-protestnoe-14-12-2020>; (Дата обращения: 1.2.2021).

«Танцуют все» из знаменитого фильма Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». Российская хип-хоп-группа «Каста» выпустила жёсткий клип на трек «*Выходи гулять*», передающий историю силовика, который в компании сослуживцев пытается задержанных, а потом за семейным столом замечает на руках кровь, которая не смывается водой. На сегодня зафиксировано уже множество работ художников, посвящённых личности Нине Багинской и обыгрывающих её ставшую знаменитой фразу³⁸.

Предикат *гулять* мгновенно подхватывает значение ‘выходить на марши’ и становится кодовым наименованием воскресной активности. Многие белорусы, выходя на акции протеста, не говорят, что они протестуют. Они – гуляют. В районных чатах то и дело звучат вопросы: *Идём сегодня гулять? Где собираемся погулять?* и т.д. На плакатах фраза повторяется как в форме цитаты «*Я гуляю*», так и в вариантах «*Я гуляю за внука*», «*Я/Мы гуляем*»; «*Борщ сварила – вышла гулять*» (1.09.2020), где упоминание борща отсылает к высказыванию главы ЦИК Лидии Ермошиной ещё в 2010 году: «Этим “жанчынам” делать нечего! Сидели бы дома, борщ варили. А не по площадям шастали»³⁹.

Слова «*Я выхожу*» были последними для молодого минчанина, художника Романа Бондаренко в телеграм-чате перед тем, как он отправился на улицу, чтобы остановить неизвестных людей в штатском, срывавших бело-красно-белую символику на «Площади перемен» в центре Минска. Бондаренко был жестоко избит и увезён неизвестными, а затем доставлен в больницу и там умер. На похороны Бондаренко в Минске пришли тысячи людей, слова «*Я выхожу*» стали лозунгом протестов. В разных уголках страны, а также у посольства Республики Беларусь в Москве тысячи человек встали цепью солидарности, чтобы почтить его память. Участники акций держали и таблички со словами «*Я выхожу*». Традиционный воскресный митинг в Беларуси, прошедший 15 ноября, был посвящён памяти Романа Бондаренко и состоялся под лозунгом «*Я выхожу*». И даже на сессии Европарламента 26 ноября были организованы срочные дебаты на тему «Продолжающиеся нарушения прав человека в Беларуси, в частности убийство Романа Бондаренко». Во время дебатов многие евродепутаты начинали свои выступления словами «*Я выхожу*»⁴⁰.

Фраза стала одной из самых частотных на плакатах, муралах, граффити и была обыграна в ряде примеров стихотворного и песенного творчества. Белорусский музыкант и шоумен Дядя Ваня (он же Иван Вабишевич) перепел песню «*Я остаюсь*» российского рок музыканта Анатолия Крупнова («*Чёрный обелиск*», «*ДДТ*»), но слова «*Я остаюсь*» были заменены на «*Я выхожу*», Александр Помидоров написал собственный трек, вдохновленный словами Романа «*Я выхожу*»⁴¹.

Роман Бондаренко написал свои последние слова «*Я выхожу*» 11 ноября 2020 года, конечно, не предполагая, что они станут последними, и не вкладывая

³⁸ Нина Багинская в творчестве белорусских (и не только) художников // <https://chrysalismag.by/project/nina-baginskaya> 11.2.2021.

³⁹ <https://news.tut.by/elections/208894.html?c> 1.3.2021.

⁴⁰ <https://nn.by/?c=ar&i=263762&lang=ru> 11.2.2021.

⁴¹ <https://afisha.tut.by/news/anews/707963.html?c> 1.2.2021.

в них большего смысла, нежели фигуральный. Получилось иначе... Мотив выхода на улицу, на протест неоднократно обыгрывался на плакатах и ранее, к примеру 30-го августа: «Я один лох, вышел бесплатно»; «Я вышла не за мужчин, а за страну»; «Вместо одного задержанного белоруса завтра выйдет новых три». Однако эти слова роль культового лозунга белорусских протестов и фактически крылатой фразы приобрели после трагедии с Романом. Выход здесь символизирует начало нового витка истории, движения к лучшему будущему, недаром гимн Белорусской Народной Республики на слова Макара Кравцова, опубликованный в 1919 году, начинался словами «Мы выйдем шчыльнымі радамі». Эта цитата звала за собой и на плакатах 30 августа 2020 года.

Обратимся к уже утвердившимся фразеологизмам, содержащим лексему *выйти*. *Выходить на дорогу* приобретает значение ‘находить своё место в жизни’, *выходить в люди* – ‘добиваться высокого положения в обществе’. В любом случае направленность на изменение сложившейся ситуации очевидна.

Реплики Нины Багинской и Романа Бондаренко были повторены в сотнях мемов, на плакатах и даже объединены в самодетельном творчестве: «...Она сказала: Я гуляю! А он сказал: Я выхожу!».

И ещё об одном выражении. В конце октября рабочий минского завода «Интерграл» Сергей Миронов в разговоре с представителями МВД после забастовочного понедельника 27 октября 2020 года употребил словосочетания «хлопотное дельце» и «гонять во всю мощь», которые буквально за пару суток набрали тысячи лайков и стали крылатыми выражениями. МВД показало видео его «раскаяния», где Сергей заявил, что бастовать – это хлопотное дельце, за сутки в изоляторе он собирается бросить курить и «бегать по утрам по полчаса, причём не так трусцой, а серьёзно гонять во всю мощь».

Выражение *гонять во всю мощь* тут же приобрело обобщённое значение активного участия в протестном движении и стало употребляться, в том числе журналистами на русском и белорусском языках: «Беларускі пратэст працягваецца ўжо амаль 200 дзён. 3 9 жніўня беларусы штонядзельно *ганяюць на ўсю моц*, а сілавікі спрабуюць іх дагнаць. *Ганяюць ва ўсю моц* не толькі на сваіх дзвюх. У Маладзечне сілавікі затрымалі лыжнікаў»⁴²; «Дэкартаўская рэвалюцыя – як беларусы зразумелі, што яны ёсць, і *ганялі ва ўсю моц*»⁴³. В Сети прошёл флешмоб в поддержку Ольги Хижинковой – известной топ-модели и обладательницы титула «Мисс Беларусь», лица белорусского чулочного бренда «Conte Elegant», которая провела в заключении 42 дня: «Пока одни ножки отдыхают, другие *гоняют во всю мощь*»⁴⁴.

В репортажах журналистов стало частотно и употребление выражения в более очевидных смыслах стремительного движения: «*Гонять во всю мощь*: Претенденты на победителя в номинации «*побег дня*». Некоторые протестующие продемонстрировали 15 ноября у станции метро «Пушкинская» отменную физическую форму. ... А вот ещё один претендент на победу в номинации «*побег*

⁴² <https://belsat.eu/news/14-02-2021-190-y-dzen-pratestau-navat-u-svyaty-belarus-ganyae-va-usyu-mots/> 12.2.2021.

⁴³ <https://soundcloud.com/euroradiofm/201231-zoom-dekartaskaya-revalyutsyya-yak-belarusy-zrazumel-shto-yany-yosts-ganyal-va-syu-mots> 14.2.2021.

⁴⁴ <https://lady.tut.by/news/life/711348.html?c> 5.2.2021.

дня». Несколько силовиков напали на мужчину в светлом, но тот *погнал «во всю мощь»*, скрывшись не только от них, но и проскочив по дороге ещё одного атаковавшего. Эта сцена напомнила лучшие забеги спортсменов в американском футболе»⁴⁵.

Экспрессия и семантический потенциал выражения обусловили и включение его в сферу рекламы. Одну из рекламных коммуникаций провела фирма «Автопалас-М», официальный дистрибьютор KIA в Беларуси. В рамках рекламной кампании нового автомобиля Kia Rio фраза *«Бегите во всю мощь»* появилась в digital-материалах, а также прозвучала в радио-ролике. Встретилась и такая реклама: «Цёплыя шкарпэткі з «Пагоняй», каб *ганяць ва ўсю моц у любяга маразы!* Замаўляйце праз сайт з дастаўкай поштай ці кур'ерам»⁴⁶. Оперативно реагировали и производители одежды. Майки с принтами *«Я гуляю»*, *«Гоняць во всю мощь»*, *«Run BLR»* и др. быстро нашли своих покупателей.

Итак, перед нами три выражения, ставшие устойчивыми: *Я гуляю*, *Я выхожу* и *гоняць во всю мощь*. Очевидно, их объединяют глаголы движения, одна из самых мощных, разработанных лексико-семантических групп в любом языке. Это представляется наилучшим.

Прежде всего обратим внимание на противопоставление глаголов *идти* и *ходить*. Метафоричность глагола *ходить* основана на повторяемости действия. В отличие от глагола *идти* хождение и даже гуляние подразумевают не однократное и не одностороннее действие. По этой примете противопоставляются многократные регулярные выходы противников режима и категорическая интенция лозунгов с семантикой разового и законченного действия: *«Уходи!»*. Именно этот императив доминирует в множестве плакатов *«Саши, на выход!»*, *«Уйди! Дай пожить спокойно!»* и др.

В целом, лозунги, многочисленные плакаты во время разнообразных акций стали одной из отличительных черт белорусской протестной активности осенью 2020 года. «Примечательно, что в большинстве плакатов ключевую концептуальную нагрузку несёт не визуальная составляющая, не дизайнерское оформление, а вербальный компонент, послание, выражающее определённые интенции автора» [Зеленко 2020, 311]. В данном случае важно, что заметную долю среди них занимают лозунги именно с образом движения и соответствующими глаголами. Среди различных типов лозунгов в периоды наиболее острого политического противостояния доминируют лозунги-обращения и лозунги-требования. Лозунг-обращение обыгрывает пожелание или вопрос, которые невозможно передать адресату в личном общении: *«Помоги Саше найти верный путь»* (30.08.2020). Требуют знания вертикального контекста лозунги-обращения к жителям страны *«Иди и беларусь»* (11.09.2020), где глагол-неологизм *беларусить* обозначает 'вести себя подобно белорусу с активной гражданской позицией', и *«Переходи на сторону светлых»* (30.08.2020), когда фразеологизм *переходить на сторону света* был употреблён одной из ключевых фигур протеста Марией Колесниковой в призыве к народу Беларуси. Исправление *света* на *светы* апеллирует к имени Светланы Тихановской,

⁴⁵ <https://belaruspartisan.by/life/518071/> 3.2.2021.

⁴⁶ <https://symbal.by/products/vopratka/shkarpetki/> 11.2.2021.

одного из кандидатов на пост Президента Республики Беларусь и национального лидера. Лозунг-требование более категоричен, передает социальный запрос чаще всего к субъектам власти – «Уходи!».

Использование глаголов движения в разноплановых текстах кроме прочего актуализирует идею пути. Закономерно и то, что именно идея пути как свернутый текст с широчайшими интертекстуальными связями организует ряд лозунгов-цитат, апеллирующих к широкому историко-культурному контексту (как правило, через цитирование фрагмента художественного произведения). Такие высказывания «реализуют любые коммуникативные стратегии при условии, что цитата будет распознана и корректно декодирована окружающими» [Зеленко 2020, 316]. Даже беглый обзор выделяет лозунги-цитаты именно с использованием глаголов движения. И прежде всего из классиков белорусской литературы: «*К вольным дням вольныя людзі ідуць*!» (1.09. 2020) – цитата из стихотворения Янки Купалы 1912 года: «*Гібне памрока душыўша ад векаў./ Сонца і зоры к сабе свет завуць / Сцежку свабоднай душы чалавека! / К вольным дням вольныя людзі ідуць!*»; «*А хто там ідзе ў агромістай такой грамадзе?*» (31.08.2020) – начало стихотворения также Янки Купалы «*А хто там ідзе*»:

– А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромістай такой грамадзе?
– Беларусь».

Здесь же и отсылка к цитатам из известных кинофильмов, стихотворений: «*Алло, Вова! Ты не поверишь! Мы едем в Гаагу!*» (26.08.2020), см. цитату из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»: «Алло, Галочка? Ты сейчас умрешь! Потрясающая новость! Якин бросил свою кикимору, ну и уговорил меня лететь с ним в Гагры. Алло, Вава? Ты сейчас упадешь!» с заменой топонима Гагры на Гаага, а Вавы на Вову, имея в виду Владимира Путина. Плакат «*Мужик сказал Бери портфель иди домой Мужик сделал*» (09.09.2020) совместил устойчивую фразу «Мужик сказал, мужик сделал» и цитату из стихотворения Александра Твардовского «Бери шинель, пошли домой» с заменой шинели на портфель и глагола *пошли* на *иди*.

Говоря о метафорических образах, созданных глаголами поступательного движения, можно констатировать, что глаголы данного класса чаще всего показывают движение вперед и передают возможность достижения цели путём преодоления различного рода преград. Представления об интенсивности движения и его оценке оставили свой след в упоминаемом *гонять во всю мощь* и косвенно в надписи на плакате «*Нас не догонят*» с аллюзией к известной песне группы «Гату».

Вся протестная активность в таком контексте представляет собой одну большую метафору движения. В обыденной речи деятельность протестующих чаще обозначается как *ходят*: *Мы завтра пойдём; Что вы ходите?; Пока будете ходить, будете получать; Вы вчера ходили?* и т.д. Глагол *ходить* в языковой картине мира восточных славян в целом выступает как обозначение активной деятельности – *я новую должность себе выходил*. Как движение вперед, продвижение к пункту назначения, к намеченной цели в социальном, физическом или ментальном пространстве в языке концептуализируется любая целенаправленная деятельность.

Для понимания символических основ маршей и иных акций-хождений уместно сравнить их с праздничными обходами календарных рубежей. Как пишет С. М. Толстая, «В самом общем виде семантику таких обходов можно определить как “собрание” (“связывание”) пространства или даже, когда речь идёт об обходах домов, как “собрание” социума. Его цель – ритуальное подтверждение границ своего, освоенного пространства и своего социума, на которые должна распространяться испрашиваемая обрядом защита» [Толстая 2008, 464]. Сама форма самых массовых, регулярных, спонтанных проявлений протеста – шествия, марши, когда люди выходят и идут, от многотысячных процессий до пары десятков людей, стала одним из критериев отнесения белорусских событий к обрядам перехода.

Движение в традиционной картине мира «служит приметой жизни, “этого”, земного мира в противоположность неподвижности как характерному признаку смерти, “того”, загробного мира» [Толстая 2008, 461]. Любопытно, в контексте реалий протестной Беларуси хождению как участию в общественной жизни противопоставляется неподвижность в форме сидения, причём кроме фигурального *сидения дома* – в смысле заключения в местах лишения свободы. И данные значения запечатлелись в лозунгах: «*Хочу присесть, а не сидеть*» (с изображениями занятый спортом и тюрьмы на рисунке), (30.08.2020).

Концепт движения-хождения относится к числу основных понятий традиционного миропонимания. «В категориях, образах и терминах “хождения” осмысляется сама человеческая жизнь. Таковы понятия жизненного “пути”, представления о “приходе” человека в этот мир и “уходе” из него, о переходе из одной жизненной фазы в другую, ср. *выйти (пойти) замуж*, рус. диал. *выйти в годы* ‘достигнуть зрелого возраста, стать совершеннолетним’ и ‘выйти из годов, состариться’ и т.п. И сам глагол *ходить* в старославянском и древнерусском языках мог принимать значение ‘жить’» [Толстая 2008, 461–462]. Глагол *ходить* продолжает своё метафорическое употребление в контекстах описания брачно-любовных отношений: *ходить* с кем-то ‘встречаться’, см. также *ухаживать*.

В контексте протестных акций особенно важным представляется описание как *хождения, пути* беременности. Беременная представляется посредницей между миром живых и миром мёртвых, откуда она «приходит» ребёнком. Состояние беременности, длящееся дольше положенного срока, описывается глаголом *перехаживать*, длящееся меньше – *недоходить*. *Доходить* – ‘разрешиться от бремени в положенный срок’. Хождение белорусов на акции символически может расцениваться как вынашивание своей воли и демократии.

Вся совокупность образов, служащих, символов, связанных с идеей движения, языковые знаки, служащие для передачи этого концептуального комплекса, образуют «мифологему пути», неизменно и осязательно присутствующую в нашем коллективном сознании. К примеру, ежегодное шествие белорусской оппозиции 26 апреля, приуроченное к годовщине аварии на Чернобыльской АЭС, носит название Чернобыльский шлях (Чернобыльский путь) (белор. *Чарно́быльскі шлях*). Культовое произведение белорусских интеллектуалов – сочинение Игната Абдираловича «*Адвечным шляхам*» (Извечным путем). И эти примеры можно продолжить.

В таком контексте хождение человека, путь осмысливается не как пространственное перемещение, а в первую очередь как путь к изменениям и новой жизни. Обращаясь к духовной литературе, вспоминаем, что «путь к

святым местам должен быть долгим и трудным: он предполагает не только физическое перемещение в пространстве, но и духовное – это путь к познанию божественной истины, а для этого человек должен пройти через ряд инициационных испытаний» [Рождественская 2004, 32].

Таким образом, белорусская реальность предопределила актуализацию вполне определенных символов и знаков, выраженных в том числе и средствами языка. Эти символы и вербальные знаки вспыхивают в разных ситуациях и зачастую тут же получают культурный резонанс, начиная пульсировать в самых разных, порой неожиданных контекстах.

Павлова Людмила Панасовна, Курсы иностранных языков при Профкоме Дипломатической Академии, Москва
panasovna@gmail.com

Вероятные источники появления фразеологических неологизмов (на примере нидерландского языка)

В любом языке регулярно появляются фразеологические неологизмы (ФН). В нидерландскоязычных СМИ было выделено несколько фразеологизмов, еще не зарегистрированных в словарях. Сопоставление новых ФЕ с уже существующими в нидерландском языке позволило сделать вывод, что одним из вероятных источников появления фразеологических неологизмов могут являться ФЕ и паремии с тем же лексическим компонентом. Важную роль играют и метафоры, характерные для данного языка.

Фразеологический фонд любого естественного языка постоянно пополняется новыми фразеологическими единицами (ФЕ). Какое-то время они являются фразеологическими неологизмами. Как отмечала Н. З. Котелова, характеризуя появление нового в лексике языка, неологизмы относительны и историчны, это «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке» [Цит. по: Мокиенко 2016б, 134].

Более полное определение неологизмам-фразеологизмам (ФН) дано В. М. Мокиенко, который рассматривает их как «незарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2002; цит. по: Шевчук-Черногоородова 2016, 122]. Исходя из данного определения, фразеологическими неологизмами нидерландского языка можно считать те ФЕ, которые появились в последнее время, часто используются в (письменной) речи, но еще не зафиксированы в словарях.

Давая определение ФН, В. М. Мокиенко называет и источники их появления в языке. Калькирование ФЕ из другого языка – это один из возможных путей возникновения новых фразеологизмов. Нидерландские ФЕ, калькированные за последние годы из английского языка, который играет важную роль в межкультурной коммуникации и который в настоящее время оказывает значительное влияние на многие языки, на их лексический и фразеологический

фонд, не были целью исследования. Источник их появления очевиден, и они часто совпадают с фразеологическими кальками из английского в других языках.

В данной статье предметом исследования являются ФН, появившиеся в недрах самого нидерландского языка. Как указывает Х. Вальтер, каждый конкретный язык имеет «совсем иной банк неологической информации, – часто не сопоставимый ни количественно, ни качественно» с неологизмами в других языках [Walter 2002, 15].

Изучение новых ФЕ в нидерландском языке проводилось на материалах СМИ, главным образом, политического и экономического дискурса. В работе Т. Малински отмечается актуальность материалов СМИ для подобного исследования, т. к. они являются «наиболее чуткими регистраторами новых тенденций в языке, в том числе и появления новых ФЕ». Автор считает, что их можно назвать «полигоном для апробации, обкатки, проверки на жизнеспособность новых ФЕ» [Малински 1992]. И действительно: в выявлении неологизмов-фразеологизмов в наше время главную роль играет не язык художественной литературы, а язык средств массовой информации.

При анализе нидерландских газетных текстов было выделено несколько новых ФЕ, которые не зафиксированы ни в печатных, ни в электронных нидерландских толковых и фразеологических словарях: *de zwakke schouders*, *iemand's hart huilt* и *een blij ei*. Указанные ФЕ не являются фразеологическими окказионализмами, т. к. они в настоящее время активно используются различными авторами, что дает право считать их узуальными неологизмами.

В ходе исследования была сделана попытка определить источники появления названных выше ФН. Описывая различные типы неологизмов по способу их образования, Т. Н. Попова указывает на внешние (другие языки) и внутренние доноры, имея в виду «подъязык того же языка» [Попова 2005]. Анализ выделенных в текстах СМИ ФН показал, что одним из вероятных доноров является собственный фразеологический фонд нидерландского языка, а также метафоры, существующие в языке и в сознании народа.

В нидерландском языке отмечены случаи трансформации ФЕ, когда часть некоей паремии, или паремий начинает существовать автономно, представляя собою самостоятельную ФЕ. Например, нидерландская ФЕ *een grote vis* ‘большая рыба’ используется для обозначения важной персоны, чаще всего криминального мира. Можно предположить, что сама эта идиома связана с пословицей *Grote vissen eten de kleine* ‘Большие рыбы пожирают маленьких’, т. е. ‘Сильные пожирают слабых’. Кроме нее в нидерландском языке существует еще ряд паремий, которые построены на метафоре сопоставления человека с рыбой.

Можно предположить, что появление первых двух анализируемых ФН обусловлено метафорами, существующими в нидерландском языке и большим количеством «родственных» ФЕ, в состав которых входит тот же лексический компонент.

Первый из рассматриваемых неологизмов-фразеологизмов – *de zwakke schouders* ‘слабые плечи’ употребляется в нидерландской прессе для обозначения определенной социальной группы, финансово наименее защищенной, и используется в ситуациях, когда речь идет о налогах, субсидиях и т. п. Неологизм антонимичен ФЕ *de sterkste/brede schouders* ‘самые сильные (широкие) плечи’, с которым в словарях нидерландского языка зафиксировано

несколько ФЕ и паремий: *de brede schouders hebben* ‘иметь широкие плечи’ о выносливом человеке; *een sterke schouder* ‘крепкое плечо’ для обозначения сильного человека, который многое может сделать; *de sterke schouders moeten de zwaarste lasten dragen* ‘сильные плечи должны нести самый тяжелый груз’, т. е. ‘больше налогов должны платить те, кто больше зарабатывает’; *het zijn sterke schouders die de weelde kunnen dragen* ‘крепкие плечи могут вынести роскошь’, ср. с рус. ‘не каждому богатство по плечу’ или ‘тяжела ты, шапка Мономаха’. В нидерландском языке есть и другие идиомы с лексическим компонентом *schouder*: *iets op zijn schouders nemen* ‘взять на свои плечи’ (ответственность или выполнение тяжелого задания). *De schouders onder iets zetten* ‘подставить под что-либо плечи / взвалить на свои плечи’. *Een last op iemands schouders leggen* ‘положить груз на чьи-то плечи’, оказывая психологическое давление, возложив ответственность на другого человека. Очевидно, что в языке присутствует метафора «сильное плечо», обозначающая выносливого человека, который может многое сделать или может взять на себя основную работу. В словарях не зарегистрировано ни одного фразеологизма со словосочетанием *de zwakke schouders*.

В 2016 году кабинет министров Марка Рютте предложил политический лозунг солидарного общества «*De sterkste schouders dragen de zwaarste lasten*» ‘Самые сильные плечи несут самый тяжелый груз’, который фактически является паремией и опирается на названную метафору. Можно также предположить, что политический лозунг кабинета Рютте и давно существующая в языке поговорка связаны с текстом Библии, хотя в нем нет лексического компонента «плечо». В послании апостола Павла к римлянам выражена близкая по значению мысль: «*Maar wij, die sterk zijn, zijn schuldig de zwakheden der onsterken te dragen, en niet onszelven te behagen*» («Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать») (Рим. 15:1).

Противопоставление «сильных» и «слабых плеч» внутри нидерландского общества появилось в текстах нидерландских СМИ еще до 2016 г.

De financiële lasten drukken steevast de zwakke schouders extra neer. – Финансовые нагрузки больше всего давят на «слабые плечи» (на финансово слабые группы общества) (16-05-1998, Reformatorisch Dagblad - RD.nl)

De lasten zijn niet evenredig verdeeld over sterke en zwakke schouders. – Нагрузки распределены неравномерно между «сильными» и «слабыми плечами» (11.02.2010, De Standaard)

Данный ФН был использован в языке шире, для обозначения не только части нидерландского общества, но и экономически более слабых европейских государств. Например, заголовок статьи:

Griekenland – Zwakke schouders, zware lasten. – Греция: «слабые плечи» – тяжелые нагрузки (26.12.2012, NRC)

В случае с рассматриваемым фразеологизмом-неологизмом «*de zwakke schouders*» источником его появления можно считать уже до этого существовавшие в нидерландском языке ФЕ и паремии, которые сформировали метафору, связанную с «сильным плечом». В результате некой трансформации в

сознании носителей языка и появилась антонимичная фразеологическая единица-неологизм.

Появление неологизма-фразеологизма *iemand's hart huilt* ‘что-то сердце плачет’ может иметь схожее объяснение. В толковом словаре *Van Dale Groot Woordenboek der Nederlandse taal* одно из значений слова *hart* (сердце) описывается как место, где находятся (живут) чувства, мысли и т. д. (с. 1261). Среди многих прочих чувств сердце является «пристанищем симпатии к другому человеку, доброй воли, дружбы, доброжелательности, любви». Подобная метафора характерна и для многих других индоевропейских языков. В нидерландских словарях зафиксировано большое количество ФЕ с лексическим компонентом *hart*. Некоторые из этих словосочетаний связаны с уже названным выше значением: *een goed hart toedragen* ‘испытывать симпатию к кому-то’, *een warm hart voor iets hebben* ‘иметь горячее сердце к чему-либо’, *zijn hart verliezen* ‘потерять сердце’, т. е. влюбиться, *iemand's hart staat in lichterlaaie* ‘сердце похладет, сгорая от любви’ и многие другие. Существует большое количество современных лирических песен о любви на нидерландском языке, в которых упоминается сердце: *Het regent in mijn hart* ‘В моем сердце идет дождь’, *Mijn hart is geen speeltuin* ‘Мое сердце не место для игр’, *Hoop in mijn hart* ‘Надежда в моем сердце’, *Mijn hart zingt* ‘Мое сердце поет’, *Liefde woont in mijn hart* ‘Любовь живет в моем сердце’, *Mijn hart huilt* ‘Мое сердце плачет’. Согласно словарям нидерландского языка, сердце совершает различные действия: поет, стучит, страдает, переворачивается, подпрыгивает. В СМИ данный исследуемый ФН *mijn hart huilt* чаще всего встречается при передаче прямой речи.

Dat het café eind deze maand dichtgaat, gaat het echtpaar aan het hart. "De beslissing is genomen, maar mijn hart huilt", laat Bob weten. – То, что кафе закрывается, очень беспокоит супружескую пару. «Решение принято, но у меня сердце кровью обливается» (25-05-2018, Nieuwsuitwestfriesland.nl)

Очевидно, что данный фразеологический неологизм опирается на уже существующую в языке метафору, которая поддерживается значительным количеством ФЕ с тем же лексическим компонентом (*hart*).

Выделенный в текстах СМИ неологизм-фразеологизм *een blij ei* ‘радостное яйцо’ имеет другой источник появления. В нидерландском языке количество фразеологизмов с лексическим компонентом *een ei* не так велико, и на их основе не возникла метафора, которая бы могла объяснить появление ФН. По своей форме к анализируемому ФН близка лишь ФЕ *een zacht ei* ‘яйцо всмятку’, ‘размазня’, которая имеет отрицательную коннотацию при характеристике слабохарактерного мужчины.

ФН *een blij ei* ведет активную «жизнь» в социальных сетях и блогах (на нидерландском языке), часто используется в качестве оценочной характеристики состояния человека. Данная ФЕ имеет положительную коннотацию и характеризует счастливого, позитивного человека, радующегося жизни.

Hoe word ik een blij ei? – Как я стал счастливым? [24-04-2019, <https://amaze-yourself.com/nl/hoe-word-ik-een-blij-ei/>]

Показателем активного употребления ФН можно считать не только количественный фактор, но также и тот факт, что, сохраняя свою устойчивость,

воспроизводимость в готовом виде, семантическую целостность, он получает новые формы, становясь, например, частью субстантивированного существительного (*om het blijе ei gehalte in je leven te vergroten* ‘чтобы увеличить составляющую счастья в вашей жизни’) или входит в состав компаративного фразеологизма (*ik rol voortaan als een blijе ei* ‘впредь я счастливо двигаюсь вперед’). Это свидетельствует о продуктивном использовании данной ФЕ.

Самым примечательным можно считать употребление данной ФЕ в заголовке статьи о министре-президенте Нидерландов Марке Рютте.

*De doemdenker versus **het blijе ei**: Rutte kruist degens met filosoof* [Пессимист против оптимиста: Рютте скрестит шпаги с философом. 22-01-20]

Как отмечается в статье, Марка Рютте, который очень часто улыбается, считают «неисправимым оптимистом», а сотрудники за спиной так его и называют *een blijе ei*. В данном контексте ФН приобретает иронический оттенок.

Появление словосочетания в нидерландском языке связано, вероятно, с рисунками личиков на (пасхальных) яйцах, что получило широкое распространение в последнее время. В английском языке присутствует такое же словосочетание *a Happy Egg* (и в стране известны изображения яиц с нарисованными личиками). Но оно не получило такого широкого распространения. Экспрессивный нидерландский ФН *een blijе ei*, видимо, не был калькирован, а получил свое собственное развитие именно в нидерландском языке.

Рассмотренные в статье нидерландские неологизмы-фразеологизмы имеют разные источники возникновения. Можно предположить, что появление национально-специфических ФН часто обусловлено метафорами, уже продолжительное время существующими в языке. Новые фразеологические единицы при этом могут опираться на значительное количество фразеологизмов с тем же лексическим компонентом. Возможно и «случайное» появление ФН, связанное с экспрессивностью новой единицы, вызвавшей интерес у носителей языка.

II. Фразеологические неологизмы в интернете и устной речи

Мачей Рак, Ягеллонский университет, Краков, Польша
maciej.rak@uj.edu.pl

Новейшая польская фразематика, мотивированная политикой, кинематографом и сервисом YouTube (избранные примеры)

Новые фраземы в современном польском языке появляются в результате четырех процессов: 1) заимствования из иностранных языков (особенно английского) и разновидностей польского языка в разных социальных группах (социолекты); 2) создание структурных неологизмов; 3) фразеологизация синтаксических сочетаний и 4) деривация одной фраземы от другой [Bała, Fłiciński, Liberek 2013, 51–52; Bała 2009a, 191–192].

В данной работе фразема дается в понимании Войцеха Хлебды (Chlebda 1991), т. е. как сочетание нескольких слов, воспроизводимое в памяти в определенном порядке. Исходя из того, что в большинстве случаев приведенные в данной работе примеры даны с указанием (очень часто с большой точностью) времени их первого появления и также с указанием источника, т. е. того, кто первый раз их употребил (их создателя), принципиальным является также употребление термина «крылатые слова». Поскольку в польском языкознании «крылатые слова» являются подкатегорией фраземы, именно поэтому так, а не иначе, названа данная работа.

Фразеологические средства в польском языке так же, как и в других языках, очень живо реагируют на сферу политики, кинематограф, а в последнее время и на интернет, в рамках которого специфическое место занимает сервис YouTube (далее YT). В этой триаде интернет играет роль своеобразного краеугольного камня, ведь, во-первых, он дает простор для создания видеоматериалов, фиксирует поведение политиков, а во-вторых, сам является источником для фразеологии. Говоря о новейшем польском языке, обычно подразумевают польский язык последнего тридцатилетия, т. е. после 1989 года [напр., Dunaj 2015, 76], поскольку именно с этой датой связывается коммуникационный перелом, вызванный политическими и экономическими изменениями: исчезла цензура и коммунистический «новояз», появился интернет, многие слова проникли из разговорной речи в литературный язык, появилось большое количество «англицизмов».

Политическая фразематика

Проблемы, поднимаемые в данной работе, не являются абсолютно новыми, однако прежде они рассматривались с иной стороны. Ежи Бральчик занимался политической фразеологией периода Польской Народной Республики [Bralczyk 1979a, 1979b] и начала периода демократических преобразований [Bralczyk 1992]. Это была в своем роде официальная фразеология, которая появлялась в официальных средствах информации и проходила цензуру. Материал периода Польской Народной Республики анализировала также Марта Ляуданьска [Laudańska 1986]. В свою очередь Мария Франковска [Frankowska 1994] обратила внимание на то, что фразеология и образность в политической

текстах основываются на сравнении политики с театром, игрой, спортом и войной, а государство сравнивается с машиной, кораблем и зданием.

В данной работе в подгруппе политических фразеологизмов помещены фразеологизированные синтаксические сочетания, которые сначала появились в высказываниях политиков, а затем закрепились в языке. Эти высказывания, как известно, характеризуются просторечностью и фривольностью, иногда даже вульгарностью. Политика как публичная сфера подразумевает, что любое неуместное высказывание, поведение или жест широко комментируется и может быть источником новых слов и словосочетаний.

1. Фразема *Spieprzaj dziadu!* (*Слиняй, убогий! Вали отсюда, дед! Вали отсюда, старый хрыч!*). Дословно: *Отойди, оставь меня*. Источником является высказывание Леха Качиньского, который, будучи кандидатом на должность мэра Варшавы в ноябре 2002 г., именно этими словамиотреагировал на обвинение пенсионера: «Сменили партию, разбежались как крысы!» Неудачные слова Качиньского часто использовались разными способами и в разных контекстах. Во время президентской кампании о них упоминал Дональд Туск, говоря Качиньскому: «В Польше нет убогих, в Польше граждане» (*w Polsce nie ma „dziadów”, są obywateli*). Противники Качиньского и партии PIS («Право и Справедливость») создавали интернет-страницы, адрес которых содержал именно эту фразему. Фразема *Spieprzaj dziadu!* стала лозунгом гей-парадов (особенно в 2004 и 2005 гг., когда Качиньский запретил им маршировать по улицам Варшавы), а также появилась в сериалах *Włatca móch* (мультипликационный сериал, который транслировался на польском канале TV4 в 2006–2011 гг.), *Pierwsza miłość* (драматический сериал, канал Polsat, трансляция с 2004 г.) и *Świat według Kiepskich* (комедийный сериал, Polsat, трансляция с 1999 г.), а также в польских переводах фильмов *Sezon na misia* (2006), *Simpsonowie: Wersja kinowa* (2007) и *Asterix na olimpiadzie* (2008). Данная фразема использовалась также в выражениях Джеральда из Ривии (компьютерная игра *Wiedźmin 2: Zabójcy królów* (2011)) и в романе Збигнева Гурняка *Siostra i byk* [Górnjak 2009]. Кроме того, фразема стала темой множества мемов и появилась на различных гаджетах, в том числе на повязках на руку, нашивках, наклейках, а также была изображена Лебским монетным двором на монетах номиналом «7 Dziadów Stołecznych» (7 столичных убогих).

В том, что мы имеем дело с языковой единицей, а не со словосочетанием, можно убедиться на примере неправильного словоизменения (правильная форма звательного падежа существительного *dziad* это *dziadzie*), а также вариативность (в переводе *Sezonu na misia* появляется эвфемизм: *Zjeżdżaj dziadu*). Данная фразема не входит в *Słownik polszczyzny potocznej* Мачея Чешевского (Czeszewski 2006), однако она зафиксирована в интернет-словаре польского сленга Miejski.pl⁴⁷.

2. В 1995 году в одном из своих публичных выступлений представитель польских Левых Лешек Миллер использовал предложение с сексуальным подтекстом: *Prawdziwego mężczyznę poznaje się nie po tym, jak zaczyna, ale po tym, jak kończy* (*Настоящего мужчину можно узнать не по тому, как он начинает, а*

⁴⁷ [https://www.miejski.pl/slowo-Spieprzaj+dziadu%21_\(2020_g.\)](https://www.miejski.pl/slowo-Spieprzaj+dziadu%21_(2020_g.)).

по тому, как он кончает). Сейчас эта фраза используется в разных контекстах и претерпевает различные изменения, прежде всего сокращение, напр., *mężczyznę poznaje się po tym, jak kończy; prawdziwy mężczyzna nigdy nie kończy* (мужчину можно узнать по тому, как он кончает; настоящий мужчина никогда не кончает). Скрытый сексуальный контекст отвечает за популярность этой единицы и ее вариантов, в том числе она является темой мемов, однако они не зафиксированы ни в одном из словарей разговорного польского языка [Anusiewicz, Skawiński 1996; Czeszewski 2006].

3. *Kurwiki w oczach* (ср. русск: *чёртики в глазах*): о человеке, который посылает невербальные сигналы, говорящие о том, что он хочет интимных отношений. Это фраза, которую первый раз публично употребила депутат Рената Бегер в 2003 г. Именно в такой форме и в таком значении эта единица зафиксирована в интернет-словарях SJP.pl⁴⁸ и Miejski.pl⁴⁹ (оба словаря не имеют исключительно научного характера; первый из них создан польскими любителями игры *Скрабл*, а второй – интернет-пользователями). В этом случае используется как изменяемое новшество (ср. *Wąba* 2009b, 26–27): в общепольской эмоционально неокрашенной фразе *ogniki w oczach* (ср. русск. *огоньки в глазах*) (SFJP I: 580) изменен первый элемент и заменен на элемент во фривольном, даже вульгарном значении – *kurwiki*, который представляет собой неологизм, образованный тем же способом, что и слово *ogniki* от вульгаризма *kurwa*.

4. Отдельную, достаточно многочисленную группу составляют политические фраземы, называемые *walęszmy*, *walęsaliki* или *walęsalia* (*валенсизмы*, *валенсалики* или *валенсалии*) и представляющие собой выражения, которые вошли в польский язык благодаря Леху Валенсе.

Фраза *Plusy dodatnie, plusy ujemne* (*плюсы положительные, плюсы отрицательные*) (вариант: *dodatnie i ujemne plusy* (*положительные и отрицательные плюсы*)). Как оговорка Леха Валенсы данная фраза появилась на рубеже 80–90 гг. XX века. Она получила популярность потому, что, например, была употреблена как название:

1) радиопередачи Рафала Земкевича, которая транслировалась в 1992 году на Radio Plus;

2) телевизионной публицистической программы, которая транслировалась с 2006 г. на канале Tele5;

3) документального фильма режиссера Гжегожа Брауна (2006).

В свою очередь, фраза *jestem za, a nawet przeciw* «я за, а даже против» появилась в интервью Валенсы, которое он давал журналисту издания «Rzeczpospolita» в январе 1992 г. В следующем году польский язык пополнился «валенсизмом» *nie można mieć pretensji do Słońca, że kręci się wokół Ziemi* (*нельзя иметь претензии к Солнцу за то, что оно вращается вокруг Земли*).

⁴⁸ <https://sjp.pl/Kurwiki> (2020 г.).

⁴⁹ <https://www.miejski.pl/slowo-Kurwiki+W+Oczach> (2020 г.).

В президентскую кампанию 1990 года родились:

а) *nie chcem, ale muszem* (не хочу, но должен) – ответ Валенсы на вопрос, собирается ли он участвовать в президентских выборах (она интересна своим асинхронизмом, т. е. произношение носового гласного «*muszem*» (ср. польск. *muszę*), свидетельствующее о недостатке образования и пролетарском происхождении);

б) *zdrowie wasze w gardła nasze!* (ваше здоровье в наши горла) – пародия на тост: *zdrowie twoje w gardło moje!* (твое здоровье в мое горло/ пью твоё (ваше) здоровье), который Валенса употребил во время телевизионной трансляции из избирательного штаба, получив информацию о том, что он выиграл президентские выборы.

Президентская кампания 1995 года подарила синтаксическую конструкцию, которая появилась в интервью Валенсы: *odpowiem wujająco wprost* (отвечу уклончиво прямо). Эта конструкция стала популярной и, благодаря своему частому употреблению, получила статус фраземы.

К валенсаликам относится также *ani be, ani te, ani kukuryku* (ни бэ ни мэ ни кукареку) – выражение, которое появилось во время высказывания Валенсы, обращенного к Александру Квасьневскому во время длительных телевизионных дебатов кандидатов на президентский пост в 1995 г. Однако эта выражение имеет значительно более длинную историю. В KPP [с. 16] и SFJP [I, 9] указывается вариант *ani (ni) be, ani (ni) te* (ни бэ ни мэ), при этом первый источник ссылается на словари XVII в., в которых упоминается эта фразема. При этом компонент *kukuryku* (кукареку) не является обязательным, однако, именно выражение *ani be, ani te, ani kukuryku*, учитывая влияние высказывания Валенсы, и зарегистрировано в *Słowniku języka polskiego PAN*⁵⁰ (далее: WSJP). Эта фразема известна также и в русском языке, ср: *ни бэ ни мэ (ни кукареку)*. Однако и о польском, и о русском варианте можно говорить, только имея в виду разговорный язык. Возможно, что в русский язык фразема перешла из идиша, ср. название книги Абрахама Гольдфабена *Ni-be-ni-te-ni-cucurigu* (Goldfaden 1878).

Возможно, это высказывание Валенсы повлияло на итоги президентских выборов в 1995 году и привело к его проигрышу (во втором туре выборов Квасьневский получил 51,72% голосов избирателей, а Валенса 48,28% соответственно). Эти слова должны были высмеять Квасьневского, однако привели к обратному результату и были помещены в *Leksykonie polskich powiedzeń historycznych* (LPPH).

В Польше выражение *ani be, ani te, ani kukuryku* стало популярным именно благодаря Валенсе и именно с ним связывается данная фразема. Это выражение также оставило след и в поп-культуре: в 1995 году сатирик Богдан Смольский выпустил видео *Ani be, ani te, ani kukuryku*, которое сейчас можно посмотреть на ЮТ.

Часть из предложенных в данной работе политических фразем получила свою оценку во время голосования «Srebrne Usta» – программы III Польского радио. В первом выпуске (1992 г.) выиграл Валенса с выражениями *nie chcem, ale muszem* и *zdrowie wasze w gardła nasze!* Во втором туре (1993 г.) Валенса занял третье место за выражение *Nie można mieć pretensji do Słońca, że się kręci*

⁵⁰ https://www.wsjp.pl/index.php?id_hasla=21445&ind=0&w_szukaj=ani+be (2020 г.).

wokół Ziemi. В четвертом выпуске (1995 г.) второе место получил Миллер за выражение *prawdziwego mężczyznę poznaje się nie po tym, jak zaczyna, ale po tym, jak kończy*.

Фразематика из кинофильмов

Тема новейшей фразематики, которая появилась благодаря кинематографу (конкретно: тем фразам и выражениям, которые произносят главные герои фильмов), достаточно редко появляется в научных работах. Интересной, с точки зрения рассматривания процесса, как именно цитата из фильма переходит в разряд фразеологизмов, является статья Пиотра Жмигродского (*Źmigrodzki 2016*). Стоит также упомянуть книгу *Najlepsze kasztany. Księga cytatów polskiego filmu* Марка Хендриковского [*Hendrykowski 2013*], однако носит она, скорее, исключительно развлекательный характер.

В этом разделе хотелось бы остановиться на фразеологизированных синтаксических сочетаниях. Среди множества фильмов и сериалов, которые появились в Польше после 1989 года, определенное место занимают фильмы *Psy (Псы)* (1992) и *Psy 2. Ostatnia krew (Псы 2. Последняя кровь)* (1994) режиссера Владислава Пасиковского. Эти фильмы получили большую популярность и статус культовых, в том числе и потому что обогатили современный польский язык несколькими новыми фраземами.

1. *Bo to zła kobieta była (Потому что это была плохая (нехорошая) женщина)*: объяснение причины расставания с женщиной. Это фраза появилась в первой части фильма *Псы*. Ее произносит Франц Мауэр, объясняя таким способом причины своего развода с женой. В разговорном польском языке эта фразема была использована как: а) название журналистских статей разных лет (2008, 2013, 2017), рассказывающих о насилии женщин по отношению к мужчинам⁵¹; б) содержание плакатов и тема мемов. Появляются также ее модификации, напр.: *Bo to zła Greczynka była*⁵². Обсуждаемая фразема вошла также в литературу. Ее можно найти также в романах Мариуша Кашиньского *Rytuał* (*Kaszyński 2008*) и Томаша Конатовского *Przystanek śmierć* [*Konatowski 2007*].

2. Следующее выражение – *stara dupa (старая задница)* (ср. русск: *старая кляча, старая карга*) тоже появляется в фильме *Псы*. Оно неуважительно, пренебрежительно характеризует зрелую, но непривлекательную женщину. В разговорном польском языке данная фразема имеет разное употребление (об этом, в частности, упоминается с *Miejski.pl*⁵³), является темой множества мемов и появляется в литературе, написанной т. н. разговорным языком, напр., *3. Гурняк Siostra i byk* [*Górnjak 2009*]. Однако, учитывая вульгарное значение

⁵¹ <https://tvn24.pl/ciekawostki/bo-to-zla-kobieta-byla-ra65582-3712833> (2008 г.).
<https://rozrywka.dziennik.pl/plotki/galeria/427133,gwiazdorzy-oszukani-przez-kobiety.html,komentarze-popularne,1> (2013 г.).
<http://www.tygodnikzamojski.pl/artykul/80653/hrubieszow-bo-to-zla-kobieta-byla.html> (2017 г.).

⁵² <https://histmag.org/bo-to-zla-greczynka-byla-piec-najgorszych-kobiet-eurypidesa-12206> (2020 г.).

⁵³ <https://www.miejski.pl/slowo-Co+ty+wiesz+o+zabijaniu%2C+ty+stara+dupa+jeste%C5%9B> (2020 г.).

данной фраземы, ее употребление ограничивается неофициальным польским языком. Эта фразема появилась на основе существительного *zadница*, которым в разговорном польском языке называют партнершу по сексу (*niezła ta jego dupa* (ничего так эта его задница)) либо просто красивую девушку (*niezłe dupy były na dyskotecie* (неплохие задницы были на дискотеке)). Словосочетание *stara dupa* несет несколько игривое и фамильярное значение.

3. *Nie chce mi się z tobą gadać* (мне не хочется с тобой болтать/разговаривать) в значении: мне с тобой скучно, я не буду с тобой разговаривать. Это еще одна фразема из фильма *Псы*, которая тоже принадлежит Мауэру. Эта фразема не отличается такой частотой употребления, как например, *stara dupa* либо *bo to zła kobieta była*, однако ей присуща устойчивая последовательность слов, и она употребляется в определенных контекстах.

В комедии *Kiler* (1997) режиссера Юлиуша Махульского по сценарию Пиотра Варесьняка берут свое начало фраземы *o wacikach* (о ватках / ватных тампонах / ушных палочках). В одной из сцен героиня Ришарда Сяржевска (ее играет Катажина Фигура) после получения от Киллера (Цезарий Пазура) 300 долларов с плачем спрашивает: *Co ja sobie za to kupię? Waciki?* (Что я себе куплю на это? Ватки?). На основе этой сцены в разговорном польском языке появилось предложное выражение *na waciki* (ср. русск. *на шпильки / на булавки*) со значением: что-то очень недорогое, минимальная финансовая стоимость. Именно это выражение и вошло в состав многих фразем: *mieć na waciki* (иметь на ватки), *stać {kogoś} na waciki* (кто-то может себе позволить ватку), *starczy na waciki* (хватит на ватки), *wydać na waciki* (потратить на ватки), *zarobić na waciki* (заработать на ватки). Перечисленные единицы объединяет один компонент – значение ‘мало денег’. Так что пока WSJP⁵⁴ зарегистрировал данные единицы с пометой «разговорные, шуточные».

Интернет-фразеология

Семь фразем: *Ale urwał* (Ну и оторвал); *Koniec imprezy* (Конец тусовки); *Nie ma takiego bicia* (Нет такого битья); *Jestem Hardkorem* (Я Хардкор); *Super partia* (Супер-партия); *Paweł Jumper* (Павел Джампер); *To już się kameruje* (Идет съемка), мотивированных видеороликами (короткими любительскими видеоформами, которые снимаются при помощи мобильного телефона или камеры), помещенными на ЮТ, уже были подробно описаны в отдельной статье (Rak 2020). В данной работе рассматриваются три новых выражения.

1. Фразема *git majonez* (*гут майонез*) в значении: все хорошо, прекрасно. Распространению данного выражения способствовали видео с Барбарой Роговской из Вроцлава. В сети Интернет она известна как «Pani Barbara» или «Pani Basia»⁵⁵. Это выражение основывается на значении слова *git*. Это идишизм немецкого происхождения: *gut*. В идише существует слово *gut*, а в диалекте: *git*. Именно это диалектное слово и было принято в польском преступном социалекте как обозначение члена преступной группировки, которому можно доверять.

⁵⁴ https://www.wsjp.pl/index.php?id_hasla=97995&ind=0&w_szukaj=na+waciki (2020 г.).

⁵⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=32nX4Mgvf04> (2020 г.).

Потом словом *git* стали называть представителя тюремной субкультуры, которого можно оценить позитивно (отсюда противопоставление: *git-czlowiek, gitowiec – frajer, cwel* (простак, лох)). Из преступного сленга слово перешло в язык молодежи. В нестандартном сочетании слово *git* ввела в употребление «Pani Basia». Ее видеоролики имеют огромное количество просмотров, например, видеоролик *BMW za SMS* набрал более 10 млн. просмотров. Выражение *git majonez* вошло в молодежный сленг. О нем упоминается в интернет-словаре Miejski.pl⁵⁶, а кроме того, в 2012 г. это выражение было использовано как название музыкального альбома квинтетом Марцина Вондоловского.

2. *Taka sytuacja* (такая ситуация, ср. русск: как-то так): резюмирование своего или чьего-либо высказывания. Эта фраза появилась в ответе случайного прохожего, принимающего участие в уличном опросе для TV Ostrów⁵⁷. В 2013 г. на площади в Острове-Велькопольском мужчина средних лет, которого спросили: «Co Pana najbardziej denerwuje?» (Что Вас больше всего беспокоит?), ответил: «No co, no, woda najczęściej, ziemia, woda, coś takiego, nie? Nalucynacja, hemoglobina, dwutlenek węgla... Taka sytuacja» (Ну что, ну вода, чаще всего земля, вода, что-то такое, да? Галюцинация, гемоглобин, углекислый газ... Как-то так). Этот видеоролик стал хитом Интернета. Фраза *taka sytuacja* занесена в словарь Miejski.pl⁵⁸, а также является темой множества мемов и названием песни реп-исполнителя Donguralesko. Можно также приобрести разные футболки с надписью «Taka sytuacja».

3. *Bijcie masterczulki* (Бейте мастерчулку, Огонь по мастерчулке): совершенно бессмысленный ответ на любой вопрос. Эта фраза распространилась в языке интернет-игроков, а также стала темой мемов. Она обязана своим происхождением видеоролику, который был опубликован 16. VIII. 2009 года под названием «Ventrilo Busters – Tibia Rulez»⁵⁹ и получил на YT 16 млн. просмотров. Именно там звучит это выражение – как приказ атаковать игрока под ником Masterczulki.

Выводы

Что же объединяет все приведенные в данной работе фраземы? Ответ на этот вопрос можно сформулировать в 10 пунктах:

1. Эти фраземы появились именно в польском языке и не являются кальками или заимствованиями.
2. Данные единицы употребляются в польском разговорном языке, особенно у молодежи, которая активно пользуется Интернетом.
3. Практически все фраземы (исключением является фраза *kurwiki w oczach*) появились на основе синтаксических групп, которые благодаря определенным условиям (обычно это ситуативный или языковой комизм) подверглись петрификации.

⁵⁶ <https://www.miejski.pl/slowo-git+majonez> (2020 г.).

⁵⁷ <https://www.youtube.com/watch?v=wqDCiCaKeF8> (2020 г.).

⁵⁸ <https://www.miejski.pl/slowo-taka+sytuacja> (2020 г.).

⁵⁹ <https://www.youtube.com/watch?v=oQQZfKYe1qA> (2020 г.).

4. Они не описаны в словарях польского языка (исключением являются фраземы с предложным значением: *na waciki, ani be, ani be, ani kukuryku*).
5. Неизвестно, как долго данные фраземы будут в обиходе в разговорном польском языке. Возможно, многие из них являются временными.
6. Не всегда можно быть уверенными в их форме. В этом мы можем убедиться на примере ряда фразем: *mieć na waciki, stać {kogoś} na waciki, starczy na waciki, wydać na waciki, zarobić na waciki*. В WSJP указано только предложное выражение *na waciki*, и де-факто эти единицы фразематически не укомплектованы. Однако можно предположить, что ограниченная сочетаемость выражения *na waciki* указывает на существование фраземы.
7. Стоит обратить внимание на тот факт, что часть рассматриваемых единиц распространена в социолектах. Выражение *Git majonez* появилось на базе преступного социолекта, а выражение *bijcie masterczulki* относится главным образом к социолекту интернет-игроков. Обобщая данные тезисы, можно утверждать, что большинство из описанных единиц относится к языку молодежи и может быть интересно для социолингвистического анализа.
8. Та небольшая часть фразем, которые были рассмотрены в данной работе, дает нам возможность посмотреть на современный разговорный польский язык, а конкретнее на его фразематику. Это важно еще и потому, что научные исследования лексики в Польше сосредоточены, в первую очередь, на одноразовых лексемах.
9. Каждая фразема в данной работе описана не только в семантическом, но и в мотивационном аспекте. Следовательно, если бы в будущем появился словарь мотивационной польской фразеологии, примером для которого мог бы послужить труд «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» Александра К. Бириха, Валерия М. Мокиенко и Людмилы И. Степановой [БМС 2005], то данные примеры могли бы войти в этот словарь без дополнительных исследований.
10. Политические фраземы, а также фраземы из кинофильмов и интернета широко распространены в польской поп-культуре: они служат темами мемов, появляются как надписи на предметах быта. Следовательно, их интерпретация должна проводиться на более широком поле, которое выходит за пределы сферы изучения лингвистики.

Андрианова Дарья Витальевна, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН
yakonukdar@yandex.ru

Медиа-мемы как источник фразеологических неологизмов устно-письменной коммуникации и их выход в разговорную речь

Одним из источников пополнения современной фразеологии является сленг медиа-коммуникации. Очевидно, что в последние десятилетия с появлением многочисленных мессенджеров, социальных сетей и прочих возможностей общения и высказываний в интернете в нашу жизнь вошло

неформальное общение в письменной форме, иными словами «живая письменная речь» сегодняшнего Интернета» [Кронгауз 2018, 7] или «устно-письменная» разновидность речи [Лутовинова 2008, 65]. У современных лингвистов есть возможность наблюдать и изучать этот феномен буквально от его истоков в режиме реального времени, и в последние годы исследование языка новых медиа находится на пике популярности. В частности, помимо большого количества неакадемических Интернет-ресурсов, множество научных статей, монография, по крайней мере один бумажный и несколько электронных словарей посвящены таким самобытным и ярким представителям медиа-языка, как мемы. По свидетельству А. Беловодской, «интернет-мемы в настоящее время являются одним из наиболее активно исследуемых феноменов современного медийного пространства» [Беловодская 2017, 145].

Вообще понятие мема имеет диффузный характер, этот термин используется в разных гуманитарных областях в более широком или узком значении. В широком смысле мем трактуется как «механизм передачи и хранения культурной информации» [Щурина 2012, 162], информационный вирус самого разного характера (визуального, вербального, звукового, мем как идея и проч.) и ориентируется на описанное Р. Докинзом [Докинз 1993] явление мема как гена информации, который подхватывается, переосмысливается, ретранслируется, тиражируется в обществе.

Мемы, или медиа-мемы в более узком понимании – это «один из жанров виртуального дискурса» [Ломакина, Нелюбова 2018, 36], для которого характерно объединение в одной семиотической единице вербального и невербального компонентов [Там же; см. также Канашина 2016], который обладает воспроизводимостью и высокой степенью циркуляции в Интернете [Беловодская 2017, 145–146; Щурина 2014]. Реже мемом может называться негибридная единица, например, сама по себе картинка (фотография, иконка, эмодзи) или короткое закольцованное видео (гифка) или речевое клише, устойчивое выражение (текстовый мем), оторвавшееся от картинки или не имеющее изначально визуального элемента, которое получает широкое распространение в Интернет-коммуникации.

Говоря о невербальном компоненте Интернет-мема, обычно подразумевают иконический элемент – визуальный, функция которого заключается, во-первых, в том, что он призван проиллюстрировать экстралингвистическую ситуацию и паралингвистические средства устной и письменной речи [см. Бернацкая 2000], а во-вторых, он делает мем более запоминающимся, образным, ярким – создает своеобразную привлекательную «упаковку» [см. Шомова 2018, 12]. Как стихотворение лучше запоминается в форме песни, так и мысль в сопровождении картинки превращается в мем.

В настоящее время медиа-мемы, представляющие собой креолизованные тексты, «являются одной из преобладающих форм организации информации и её представления в средствах массовой коммуникации» [Куренная и Шустрова 2016, 18–19], а их специфика определяется особенностями «живого письменного языка» интернета, интернет-сленга. А. А. Сычев отмечает, что интернет-общение как своеобразная форма массовой коммуникации имеет ряд общих черт с «всемирной карнавалной жизнью средневековья» в трактовке М. М. Бахтина. Общение в глобальной сети характеризуется анонимностью, общим равенством, «выходом за пределы обыденности и официальных

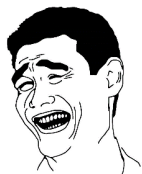
регламентаций и оформляется особым – игровым – образом» [Сычев 2020]. Языковая игра, «речетворчество широких масс, или “массовый лингвокреатив”, является неотъемлемой чертой нового “лингвистического пространства» [Ремчукова 2013, 159]. И одна из основных задач медиа-мема – позабавить, развлечь, привлечь внимание, заинтересовать. Для реализации этой задачи требуются средства передачи экспрессии, эмоциональности высказывания. В устной речи могут быть использованы жесты, мимика, артикуляция, интонация, тон и прочие инструменты, которые по определению отсутствуют в медиа-общении. Компенсировать потерю ценной невербальной информации призваны иконические элементы – картинки и гифки. Как отмечают исследователи, «само явление визуализации следует рассматривать как одну из существенных характеристик виртуальной коммуникации в сети Интернет. С его помощью компенсируются недостатки опосредованного контакта, а через взаимодействие визуального и вербального компонентов текста формируются разнообразные смыслы, значимые для участников коммуникации» [Голованова, Часовский 2015, 140].

Нужно отметить, что носителями заряда экспрессии в устной речи часто выступают фразеологизмы, используемые в определенных ситуациях общения. В медиа-пространстве для аналогичных или других типовых ситуаций, требующих экспрессии, используются мемы. В некоторых из них преобладающее значение имеет визуальный компонент, в других – вербальный. Далее подробнее рассмотрим роль вербального и невербального компонентов в некоторых типах медиа-мемов.

Одной из разновидностей медиа-мемов, используемых в качестве ответной «реплики», отклика на какое-либо явление, высказывание, новость являются т. н. фейсы. Так, в качестве реакции на сюрприз или на событие, оказавшееся лучше ожидаемого, используется мем Not bad. Рисованный мем появился на основе фотографии Барака и Мишель Обамы после посещения ими Букингемского дворца [memepedia.ru].

Еще один частотный мем-фейс – Яо Минг мем – используется в значении ‘да мне все равно, наплевать’. Этот мем срисован с фотографии самого высокого баскетболиста Яо Минга. По всей видимости, мемы-фейсы, призванные иллюстрировать эмоции «говорящего» в интернете, берут свое начало из серии комиксов Rage Comics, в которых примитивно нарисованные герои изображают различные отрицательные эмоции, например, Троль, иллюстрирующий лицемерие, злорадство и т. п.

Мемы Not bad, Яо Минг фейс, Троль и подобные используются во вполне конкретном значении, при этом их вербальный компонент вторичен и может отсутствовать. В некоторых других, например, мем-фейсе с Тони Старком, Баромир-меме, гифках вербальный компонент варьируется в

рамках сохранения заложенной в картине эмоции. Например, гифка *Траволта в замешательстве* демонстрирует комическую растерянность человека, оказавшегося в той или иной непонятной обстановке, ситуации, которая варьируется в соответствии с вербальным компонентом («Когда спросил в очереди “кто последний?”», «Я спросил дочь, что она хочет на Рождество, а она сказала: “Куклу”» и др.).

Другой тип мемов представляют речевые клише, источником которых в Интернет-сленге становятся т. н. эмодзи, которые являются одним из этапов вербализации изначально иконической единицы. Показательным примером может служить «один из наиболее модных мемов глобальной сети, *facepalm*, получивший в Рунете наименование *лобхлуп* или *рукалицо*, в своей базовой форме выглядит как лицо, прикрытое ладонью... Они используются как выражение смущения или общего горя, а также в ответ на глупость или ложную информацию и являются проявлением разочарования или стыда» [Лунцова, Швыдкая URL]. Этот медиамем – калька английского мема *facepalm*. Изначально обозначаемый картинкой, сейчас этот мем может использоваться только в лексиколизированной форме. Подобный эволюционный путь от жестовых фразеологизмов до лексиколизированных мемов, по-видимому, прошла калька с английского акронима *LOL*, трансформировавшись в Интернет-сленге в мем *ржунимагу* или *пацталом*, а также некоторые другие единицы (ИМХО, КМК и др.). В этом типе мемов вербальный компонент может заменить или вытеснить иконический.

Еще одну группу мемов образуют речевые клише, для которых на определенном этапе развития именно вербальный компонент первичен или является единственным. Эти единицы максимально близки классическим фразеологизмам или паремиям, и именно эти обороты потенциально имеют возможность выхода из устно-письменной коммуникации в живую речь. «Текстовые мемы стали неотъемлемым признаком Интернет-опосредованного общения, выполняя функции современной паремии», характерной для Интернет-сленга [Марченко 2013, 115].

Для более непосредственного исследования этих единиц, особенностей их значения, использования и потенциала был проведен небольшой эксперимент. В нем приняли участие 56 респондентов, которых можно разделить на 3 примерно равные по численности группы: старшекласники, студенты и люди, перешагнувшие рубеж студенчества.

Респондентам был предложен перечень из 15 фразеомемов (*от слова «совсем», ..., Карл!, но это не точно (ноэтонеточно), Как тебе такое, Илон Маск?, Тот неловкий момент, когда.../ Твое лицо, когда..., Мопед не мой, Рукалицо, У меня лапки, вот это вот все, ну такое, Ой, всё, ...? – Нет, не слышал, Религия не позволяет?, Капитан Очевидность, Спасибо, кэп*) с просьбой указать, знакомо ли им это выражение, объяснить его значение или дать синоним, отметить, используют ли они сами или их знакомые это выражение, является ли выражение устаревшим/ устаревающим, ироничным, бранным и под., используется ли это выражение в устной речи. Перечень мемов был сформирован субъективно, в то же время большая часть приведенных в опросе единиц включена в словарь М. Кронгауза «Словарь языка интернета.ru».

Анализ результатов показал, что респонденты всех возрастных групп хорошо знают и используют эти единицы. Исключение составляют респонденты, мало вовлеченные в устно-письменную коммуникацию. Наиболее точные, емкие дефиниции были предложены старшеклассниками, они же указали, что почти все обороты они используют в устно-письменной коммуникации и все эти обороты используются в устной речи. В группе респондентов старшего возраста проявилась значительная разница в пассивном владении медиа-мемами и их использованием: из отмеченных в качестве употребляемых самими респондентами и их знакомыми (в устно-письменной речи) только 1/3, по их мнению, может быть использована в устной речи.

В целом проведенный эксперимент показал, что «спонтанная письменная речь Интернета не только идет по стопам устной речи, но и сама впоследствии становится частью устного общения» [Марченко 2013, 115]. В сопоставлении анкет старшеклассников и взрослых заметна динамика ухода явно устаревшего мема *moped не мой*, который не известен ни одному респонденту из младшей возрастной группы, знаком одному студенту и четвертой части респондентов из старшей группы.

Все мемы были помечены большинством респондентов как стилистически маркированные, наиболее часто использовались пометы: устаревшее, устаревающее, актуальное, ироничное. Почти все мемы помечены как иронические обороты, но единства в плане актуальное / устаревающее у респондентов нет.

В некоторых анкетах респондентов «в возрасте» отдельные мемы отмечены как «детские». Это наблюдение опытных носителей языка кажется очень метким в отношении медиа-мемов вообще, которые в настоящее время находятся, по-видимому, в начале своего пути. С другой стороны, мем как таковой в более широком смысле – принадлежность любой культуры, в которой на определенном временном срезе всегда есть ряд «словечек», шуточек, речевых клише, манеры носить шляпку, фасона перчаток, которые переживают недолгий период популярности. Такие мемы в широком смысле существуют всегда, и не случайно исследователи медиа-мемов проводят параллели между мемами и лубочными картинками, карикатурами, анекдотами, граффити. Лучшие и наиболее популярные образцы произведений этих жанров являются мемами по своей сути. Мемы за редкими исключениями не рождаются в интернете, но благодаря особенностям медиасреды получают особенно благоприятные условия для оформления, тиражирования, трансформации, «обкатки». Если жизнь конкретных мемов обычно очень коротка, то у мемов как современного феномена медиа-коммуникации благодаря дигитализации жизни и увеличению объема неформального устно-письменного общения появляется все больше пространства для развития. Некоторые ученые отмечают, что «понятие мема призвано сыграть центральную роль в новой парадигме гуманитарных наук» [Марченко 2013, 113]. Уже сейчас мемы популяризируются за счет хэштегов, таргетируются, конвертируются в популярность, коммерциализируются и в конечном счете монетизируются. По С. Шомовой, роль мема «как механизма сетевой коммуникации давно вышла за рамки рекреационных и досуговых форм деятельности. Эти краткие высказывания способны стать языком

оппозиции в ходе политических митингов, превратиться в своеобразное оружие в маркетинговой «войне мемов» [Шомова 2018, 26].

В заключение отметим, что проведенный в рамках настоящего исследования эксперимент демонстрирует определенную динамику развития наблюдаемого нами явления медиа-мема как жанра устно-письменной речи. Находясь на грани устно-письменной речи и устной, в интернет-коммуникации мем проходит «обкатку», «доводится» и затем нередко выходит за пределы устно-письменной речи в устную. Являясь по преимуществу атрибутом сленга молодых людей, благодаря медиа-пространству мем расширяют свою аудиторию, включая в свою языковую игру все более широкий круг участников общения. Текстовые мемы далее могут развиваться как фразеологизмы, сами становясь объектами трансформации.

Габриела Вильк, Силезский университет, Катовице, Польша
gabriela.wilk@us.edu.pl

Фразеологические кальки английского происхождения в русском и польском бизнес-жаргоне

Конец XX – начало XXI века ознаменовались стремительным развитием сферы бизнеса. Русский и польский языки стали функционировать в новых экономических условиях, что повлекло за собой активизацию процесса образования новых фразеологических единиц.

Благодаря расширяющимся международным контактам уже многие годы одним из источников фразеологической неологии являются иностранные языки, а способом пополнения фразеологического фонда – внешние заимствования. «Обычным, давно проторенным разными языками Европы путём проникновения новых фразеологизмов, – пишут В. М. Мокиенко и Х. Вальтер, – является калькирование» [Мокиенко, Вальтер 2008, 107]. По этой проторенной дорожке пошли также русский и польский языки, в том числе их социальные разновидности – профессиональные жаргоны сферы бизнеса, в которых в настоящее время встречается немало фразеологических калек английского происхождения. Согласно И. О. Наумовой, «На современном этапе развития русского языка одним из наиболее ярких и плодотворных видов русско-иноязычного контактирования является фразеологическое калькирование с английского» [Наумова 2012, 169]. Эти слова вполне приложимы и к польскому языку. В свою очередь, В. М. Мокиенко справедливо отмечает, что славянские языки «сейчас интенсивно вовлечены в процесс интернационализации через каналы английской (resp. американской) идиоматики» [Мокиенко 2009, 173], а калькирование он называет «общим лингвистическим механизмом идиоматической европеизации» [Мокиенко 2009, 170].

Фразеологические кальки представляют собой буквальный перевод иноязычных фразеологизмов. Поскольку это пословный перевод компонентов, составляющих исходные выражения, многие лингвисты причисляют их к структурным калькам [см., напр., Маринова 2012, 104]. Некоторые учёные [Феоклистова 1999; Witalisz 2016] фразеологические кальки предлагают

относить к структурно-семантическим калькам. Польская исследовательница А. Виталиш утверждает, что «большинство копированных полиморфных английских выражений⁶⁰ имеет метафорический характер, так что результатом калькирования, наряду с новым выражением, является также заимствованная метафора» [пер. Г. В.] [Witalisz 2016, 88]. По её мнению, то обстоятельство, что язык-реципиент принимает метафорическое значение чужого выражения, является важнейшей причиной калькирования [там же, 101].

Экономический дискурс богат метафорами. Ещё в середине XX века британский писатель и учёный К. С. Льюис заметил: «Мы просто не можем говорить без метафор об отвлечённых вещах. В труде по психологии и по экономике не меньше метафор, чем в молитвеннике или сборнике стихов» [Льюис 1991]. Благодаря метафорам сложные экономические явления и процессы становятся более понятными.

Данным исследованием мы хотим подтвердить мысль о том, что калькирование с английского является важным способом пополнения русской и польской фразеологии. В центре нашего внимания были фразеологизмы, возникшие в результате метафоризации и употребляющиеся в речи специалистами в области экономики и финансов. Рассматриваемые единицы не используются говорящими в повседневной жизни, не вносятся в официальные документы, так как образуют профессиональный жаргон. Языковой материал отбирался из статей экономического содержания, помещённых в последнее время в интернет-версиях российских и польских газет и журналов, а также на сайтах, посвящённых бизнесу.

В связи с тем, что английский является языком международного общения во многих областях, особенно в бизнесе, русским и польским языками заимствуется значительное количество английских метафор. Можно обнаружить разные метафорические модели, в том числе артефактную, цветовую, соматическую, о чём свидетельствуют следующие примеры: рус. *ядовитая (отравленная) пилюля*, польск. *trująca pigulka* от англ. *poison pill* ‘метод защиты компании от враждебного поглощения, представляющий собой выпуск акций, с тем чтобы снизить её привлекательность’, рус. *золотой парашют*, польск. *złoty spadochron (parasol)* от англ. *golden parachute* ‘компенсация, выплачиваемая топ-менеджерам при увольнении, напр., в результате враждебного поглощения корпорации другой’, рус. *золотое рукопожатие*, польск. *złoty uścisk dłoni* от англ. *golden handshake* ‘компенсация, выплачиваемая прежде всего руководителям, которые в интересах компании вынуждены покинуть её, напр., досрочно уйти на пенсию’.

Довольно распространённой является также анималистическая метафора. Фразеологические кальки с компонентом-зоонимом и будут предметом более детального рассмотрения. Для анализа были выбраны шесть названий животных, встречающихся в жаргонных фразеологизмах бизнес-сферы: *бык*, *медведь*, *кошка*, *слон*, *стервятник*, *утка*. Попытаемся выявить, что легло в основу английского прототипа и как данные единицы калькировались в русский и польский языки.

⁶⁰ К полиморфным выражениям А. Виталиш относит фразеологизмы, пословицы, наряду с дериватами, сложениями и акронимами [Witalisz 2016, 89].

Широко распространенными устойчивыми словосочетаниями биржевого жаргона являются единицы с названием крупного хищного животного – медведя: рус. *медвежий рынок*, польск. *rynek niedźwiedzia* от англ. *bear market*. Приведем контекстные употребления:

На американских же биржах минувшей ночью, спустя менее чем две недели после начала коррекции начался так называемый медвежий рынок – когда индексы снизились на 20% от последнего пика⁶¹.

Wzrost nadziei na ogłoszenie pomocy gospodarce pozwolił uniknąć S&P500 i Nasdaq rynku niedźwiedzia, ale nie uratował przed tym średniej Dow Jones, która po 11 latach zanotowała spadek wartości o ponad 20 proc. od ostatniego szczytu⁶².

В профессиональной среде *bear* служит в английском языке метафорическим обозначением участника фондового рынка, зарабатывающего на падении курса ценных бумаг или валют. В основу метафоры, по-видимому, легло сравнение игрока с атакующим медведем, который прижимает противника к земле, т. е. книзу. Согласно ещё одной версии, название игрока на бирже *bear* образовалось из сложного слова *bearskin*, которое в XVIII веке функционировало во фразе *to sell (buy) the bearskin* и в словосочетании *bearskin jobber*. Торговцы продавали медвежьи шкуры, которых ещё не имели, поскольку ожидали падения на них цен (Merriam-Webster). Отсюда также такое выражение, как *bear market* – рынок, на котором наблюдается тенденция к понижению цен, ср. словарную дефиницию ‘a period during which prices in a financial market are going down and a lot of people are selling shares’ (CBED). Русский и польский языки калькировали как само название спекулянта, так и идиоматические выражения, в которых оно является компонентом.

С рассмотренными единицами непосредственно связаны следующие фразеологические кальки: рус. *медвежий тренд*, польск. *niedźwiedzi trend* от англ. *bearish trend* в значении ‘нисходящий тренд’. Примеры употреблений:

Нью-Йоркская фондовая биржа закрылась 12 марта крупнейшим с 1987 года обвалом. По данным Forbes, 20 богатейших людей мира за сутки потеряли почти 78 млрд долларов. Медвежий тренд, спровоцированный коронавирусом, наблюдается по всему миру⁶³.

Złoto kontynuuje swój «niedźwiedzi» trend⁶⁴.

С прилагательными, образованными от зоонима *медведь*, встречаются также такие кальки: рус. *медвежьи объятия*, польск. *niedźwiedzi uścisk* от англ. *bear hug* для обозначения стратегии конкурентного поглощения, состоящей в обращении одной компании к совету директоров другой с намерением приобрести эту компанию. Примеры употреблений:

⁶¹ <https://www.kommersant.ru/doc/4284963> (17.09.2020).

⁶² <https://www.pb.pl/rynek-niedzwiedzia-na-dow-jones-984795> (17.09.2020).

⁶³ <https://riss.ru/article/1205/> (17.09.2020).

⁶⁴ <https://alebank.pl/zloto-kontynuuje-swoj-niedzwiedzi-trend/> (17.09.2020).

Банк России попал в «медвежий» объятия⁶⁵.
GPW w niedźwiedzim uścisku⁶⁶.

Противоположную ситуацию на фондовом рынке определяют единицы с названием самца крупного рогатого скота – быка: рус. *бычий рынок*, польск. *rynek byka* от англ. *bull market* ‘рынок, на котором наблюдается тенденция к повышению цен’; рус. *бычий тренд*, польск. *byczy trend* от англ. *bullish trend* ‘восходящий тренд’. Примеры употреблений:

Восходящий тренд, вероятнее всего, сохранится как минимум до конца года, полагает сооснователь и партнер платформы для криптофондов Tokenbox Владимир Смеркис: «За последний месяц мы видим достаточно “бычий” рынок, то есть игра идет на рост»⁶⁷.

Wartość indeksu blue chipów wrosła przez trzy sesje o 21 proc., najwięcej od 1931 roku. Така зwyżка oznacza rynek byka⁶⁸.

Американский фондовый рынок рос с 2009 г. практически каждый год. Значимым исключением стал 2018 год, когда индекс S&P 500 на опасениях относительно возможной рецессии в экономике США упал почти на 20%, но так и не перешел черту, которая отделяет бычий тренд от медвежьего⁶⁹.

Wyczy trend na amerykańskich akcjach technologicznych trwa. NASDAQ 100 ustanowił nowy rekord i zamknął się o prawie 1,3% wyżej⁷⁰.

Участник фондового рынка, играющий на повышение курса ценных бумаг или валют, сравнивается с атакующим быком, который поднимает противника на рога, т. е. вверх. Подобно медведю, бык стал компонентом устойчивых выражений, которые в переведённом виде вошли в русский и польский биржевые жаргоны.

Ещё одним анималистическим компонентом фразеологических калек является *кошка*: рус. *прыжок дохлой кошки / отскок дохлой кошки*, польск. *podskok zdechłego (martwego) kota / odbicie zdechłego (martwego) kota*, от англ. *dead cat bounce*. Примеры употреблений:

У цены нефти еще может быть «прыжок дохлой кошки» – так называют попытку рынка вырасти перед окончательным падением, сказал на сессии «Мировые финансы: прогноз развития» на «Финансовом форуме России», организованном «Ведомостями», Николай Кашеев, директор аналитического департамента Промсвязьбанка⁷¹.

65 <https://www.kommersant.ru/doc/438792> (17.09.2020).

66 <https://www.pb.pl/gpw-w-niedzwiedzim-uscisku-434865> (17.09.2020).

67 <https://www.kommersant.ru/doc/3967118> (17.09.2020).

68 <https://www.pb.pl/rynek-byka-na-djia-986585> (17.09.2020).

69 <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2020/03/11/824938-goldman-11-letnii-bichii-zakonchitsya> (17.09.2020).

70 <https://www.fxmag.pl/artukul/kurs-euro-eur-do-dolara-usd-w-dol-trump-uderza-w-chinskie-firmy-technologiczne-dane-z-rynku-pracy-usa-w-centrum-uwagi> (17.09.2020).

71 <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/12/01/743850-tsenam-na-neft-predskazali-prizhok-dohloi-koshki> (17.09.2020).

Учитывая, что азиатские рынки сегодня утром закрылись в минусе, и европейские рынки, особенно банковские акции, также продолжают снижаться, восстановление в Америке выглядит как отскок дохлой кошки⁷².

W comiesięcznym raporcie DM BOŚ ocenił obecną sytuację na giełdach i pokusił się o przewidywania dotyczące tego, co może się dzieć na rynkach finansowych w przyszłości. Generalnie broker uważa, że tendencja spadkowa powinna utrzymać się w średnim terminie. Może być natomiast przerywana tzw. podskokami zdechłego kota – czyli w giełdowym slangu chwilową zwyżką ceny aktywów, których wartość wcześniej mocno spadła⁷³.

Euro odbija się po pogłoskach o możliwym zainteresowaniu Chin podparciem włoskiego rynku obligacji, ale jak wysoko zabierze nas «podskok martwego kota»?⁷⁴ Podczas ubiegłotygodniowego odbicia wiele spółek z GPW zaskoczyło pozytywnie. Które to «ofiary» chwilowego szału spekulacyjnego czy też «odbicia zdechłego kota», a które to wartościowe spółki? Staramy się wskazać⁷⁵.

Wierzmy, że Apple będzie ponownie testować swoje minima z początku stycznia, a może nawet przedłuży spadki. Wiele wskazuje jednak, że obecne odbicie jest niczym innym jak *odbiciem martwego kota* po znacznych spadkach⁷⁶.

Английский прототип восходит к фразе *Even a dead cat will bounce if dropped from a height* и обозначает ситуацию на фондовом рынке, когда акции, подобно сброшенной мёртвой кошке, начинают резко падать с высокого уровня. После снижения они на некоторое время поднимаются и затем снова падают. Данное выражение впервые появилось на страницах «Financial Times». В 1985 году заметили, что во время рецессии на финансовых рынках Южно-Восточной Азии (Сингапура и Малайзии) произошёл кратковременный отскок (ФХТАА).

Компонент *слон* входит в состав таких единиц, как: рус. *белый слон*, польск. *biały słoń* от англ. *white elephant*. Примеры употреблений:

В новом цикле статей РБК «Белые слоны российской экономики» Валерий Зубов и Владислав Иноземцев рассматривают, в какие объекты инвестировало государство в последние годы, и почему эти вложения оказались крайне неэффективны⁷⁷.

Projekt budowy kanału przez mierzęję oraz pogłębiania zatoki i tworzenia pełnomorskiego portu w Elblągu profesor zalicza do kategorii białych słoni obok innych podobnych pomysłów, jak np. budowa Centralnego Portu Lotniczego czy Kolei Dużych Prędkości⁷⁸.

⁷² <https://finance.rambler.ru/markets/43866642-otskok-dohloy-koshki/> (17.09.2020).

⁷³ <https://www.parkiet.com/Firmy/303119946-DM-BOS-mozliwe-podskoki-zdechlego-kota.html> (17.09.2020).

⁷⁴ <https://forsal.pl/artykuly/547211,kofoed-euro-probuje-sie-odbic-ma-sporo-miejsc-by-to-zrobic.html> (17.09.2020).

⁷⁵ <https://strefainwestorow.pl/artykuly/analizy/20200324/mocne-spolki-gpw-2020> (17.09.2020).

⁷⁶ <https://pl.investing.com/analysis/wykres-dnia-apple-tworzy-odbicie-martwego-kota-200224793> (17.09.2020).

⁷⁷ <https://www.rbc.ru/opinions/economics/31/08/2015/55e446e69a79477cb07ce9b2> (17.09.2020).

⁷⁸ <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/rynek/1681044,1,gospodarka-wedlug-pis-stare-pomysly-w-nowej-odslonie.read> (17.09.2020).

Белый слон – редкая разновидность слона, почитаемая в некоторых странах как священное животное. Согласно оксфордскому словарю, как гласит легенда, король Сиама, нынешнего Таиланда, дарил тому, кого не любил, белого слона. Такой подарок был невыгодным, так как содержание животного стоило много денег [Hornby 2000, 1537]. Белый слон послужил основой для образования английского фразеологизма, обозначающего, что расходы на что-то превышают доходы, т. е. сделка является убыточной. Фразеологические единицы *белый слон* и *biały słoń* представляют собой точный пословный перевод английского прототипа.

Помимо названий млекопитающих, во фразеологических кальках появляются и названия птиц: рус. *фонд-стервятник* / *финансовый стервятник*, польск. *sepi fundusz*, от англ. *vulture fund*. Примеры употреблений:

«Фонд-стервятник» из США заработал миллиарды на аргентинском дефолте⁷⁹.

Москва душит «финансовых стервятников США» за океаном⁸⁰.

40 lat sepiego funduszu. Niesławny Elliott znów ma apetyt na światowych gigantów⁸¹.

Английская единица, послужившая прототипом для этих калек, имеет такие значения: 1) ‘an investment fund that buys shares cheaply in companies that are failing in order to take control, improve their performance, and so make money’; 2) ‘an investment fund that buys a poor country’s debt and then takes legal action to get the country to pay it’ (СВЕД). Компания, пользующаяся трудным финансовым положением другой компании или страны, сравнивается с хищной птицей, кружащей над своей «жертвой» – «падалью». Она наживается на чужом долге. Отметим, что название птицы *vulture* в английском имеет, помимо прямого, и метафорическое значение, ср.: 1) ‘a large bird that eats the flesh of dead animals’; 2) ‘someone who is eager to get some advantage from other people’s difficulties or weaknesses’ (CD). Русская и польская кальки также основываются на том, что их компонент-зооним имеет подобные прямое и переносное значение, ср.: *стервятник* – 1) ‘хищная птица сем. ястребиных, питающаяся падалью’; 2) *грубо* ‘об алчном, жадном человеке’ [БТСРЯ 2008, 1267]; *sej* – ‘ptak drapieżny o nagiej głowie i szyi, żywiący się głównie padliną’ (PWN); *sej* – 1) ‘o człowieku wykorzystującym kogoś, żyjącym, bawiącym się na czyjś koszt, wypraszącym coś u kogoś’; 2) ‘o człowieku chytrym, skąpym; skąpiradło’ [Czeszewski 2006, 276]. С орнитологической точки зрения *vulture* обладает более общим значением, чем *стервятник*. *Vulture* – семейство птиц из отряда ястребообразных, в котором выделяются грифы Старого и Нового Света. *Стервятник*, в свою очередь, – это один из видов грифов Старого Света (англ. *Egyptian vulture*; лат. *Neophron percnopterus*), называемый также *the white scavenger vulture* или *pharaoh’s chicken*). Польским соответствием английского *vulture* является *sej*, а русского *стервятник* – *ścierwnik*. Несмотря на всё это, слово *стервятник* можно считать вполне подходящим эквивалентом для *vulture*, так как русское *гриф* не имеет метафорического значения, ср.: 1) ‘в древневосточной мифологии: фантасти-

⁷⁹ <https://www.rbc.ru/finances/02/03/2016/56d702e89a7947f54168413b> (17.09.2020).

⁸⁰ <https://ria.ru/20171117/1508997563.html> (17.09.2020).

⁸¹ <https://wyborcza.pl/7,155287,21750725,40-lat-sepiego-funduszu-nieslawny-elliott-znow-ostrzy-sobie.html> (17.09.2020).

ческое крылатое животное с туловищем льва и головой орла или льва'; 2) 'крупная хищная птица, питающаяся падалью' [БТСРЯ 2008, 228].

Английскому сочетанию *vulture fund* соответствует в русском языке словосочетание *финансовый стервятник* и составное сложное слово *фонд-стервятник*. В данном случае следует говорить о неточном калькировании. В экономических текстах встречается также *инвестор-стервятник* от англ. *vulture investor*. Сходной кальки для польского материала обнаружить не удалось.

Стоит обратить внимание ещё на один зооним – *утку*, выступающий компонентом фразеологизма: рус. *хромая утка*, польск. *kulawa kaczką* от англ. *lame duck*. Данная единица, однако, отличается от предыдущих, поскольку в настоящее время в языке-источнике она выступает чаще в роли политической метафоры, чем экономической. В специализированном словаре можно найти такое определение для *lame duck*: 'a firm in financial difficulties. Or, an officeholder with considerably eroded authority at the end of tenure or term of office because either he or she is ineligible or is not seeking another term. Originally, it denoted a member of a stock exchange who was „hammered” and expelled from the membership for being unable to meet financial or contractual obligation' (BD). М. Ю. Миронова отмечает, что, хотя в словарных дефинициях идиомы *lame duck* появляется компонент «компания», в этом значении она практически не используется, чему подтверждением может быть лишь единичное её такое употребление в Корпусе современного американского английского (COCA) [Миронова 2016, 143]. Как следует из приведённого толкования фразеологизма, первоначально он обозначал обанкротившегося игрока или инвестора. Сравнение банкрота с подстреленной уткой встречалось на Лондонской фондовой бирже во второй половине XVIII века. В первой половине XIX века у данного фразеологизма развилось значение 'слабый человек', а во второй половине того же столетия появилось значение 'политик, в частности президент, который, хотя и осуществляет ещё свои полномочия, его решения уже не имеют юридической силы, потому что он не переизбран на следующий срок' [Szerszunowicz 2004, 216]. Русский и польский языки калькировали английское выражение не с экономическим, а с политическим значением, о чём свидетельствуют следующие предложения:

Первый заместитель руководителя аппарата губернатора Вадим Дубичев пояснил, что принятие изменений (в Конституцию – Г. В.) закрепит «путинский тип государства» и избавит нынешнего президента от феномена «хромой утки»⁸².

Dwa lata temu Angela Merkel wygrała ze swoją CDU wybory parlamentarne i po długich negocjacjach, w lutym 2018 roku, mogła w końcu stworzyć rząd z socjaldemokratami. I choć od początku było wiadomo, że to ostatnia kadencja Merkel na stanowisku, to jednak nie było wiadomo, że już po dwóch latach Merkel stanie się na arenie międzynarodowej «kulawą kaczką» (*lame duck*)⁸³.

Urzędujący prezydent nawet nie może się obrażać, że określa ją mianem *lame duck*, kulawego kaczora, gdyż choć formalnie zachowuje wszelkie (ogromne) prerogatywy i

⁸² <https://www.kommersant.ru/doc/4298694> (17.09.2020).

⁸³ <https://www.dw.com/pl/polityka-zagraniczna-niemiec-kiepskie-dwa-lata-rz%C4%85du-merkel/a-50633766> (17.09.2020).

kontakty zagraniczne, to jego polityczny kapitał topnieje szybciej niż giełda na Wall Street⁸⁴.

Примечательно то, что компонент *duck* на польский язык был переведён не только как *kaczka*, но и как *kaczor*, видимо, для того, чтобы подчеркнуть, что выражение касается представителя мужского пола. Отметим, что эквивалентом польского слова *kaczor* является английское *drake*.

На основании рассмотренных примеров можно сделать следующие выводы. Как в русском, так и в польском бизнес-жаргоне встречаются точные и неточные фразеологические кальки английского происхождения. Такие единицы, как *белый слон*, *biały słoń*, *бычий тренд*, *byczy trend*, *медвежий тренд*, *niedźwiedzi trend*, являются точными пословными переводами английских прототипов. Примерами неточного воспроизведения английской структуры могут служить выражения *прыжок дохлой кошки / отскок дохлой кошки*, *podskok zdechłego (martwego) kota / odbicie zdechłego (martwego) kota*, поскольку в данных случаях меняется порядок слов. Стоит также отметить, что английское существительное в функции определения может переводиться на русский и польский как прилагательное (*медвежий рынок*, *medwejszy objęcia*, *бычий рынок*, *niedźwiedzi uścisk*) либо как существительное (*прыжок дохлой кошки / отскок дохлой кошки*, *rynek niedźwiedzia*, *rynek byka*, *podskok zdechłego (martwego) kota / odbicie zdechłego (martwego) kota*). Русский и польский языки сходным образом калькируют английские фразеологизмы, однако имеются и отличия, напр., *фонд-стервятник* является неточной калькой с английского, в то время как *sepi fundusz* – точной.

Говоря о семантике фразеологических калек, стоит отметить довольно редкое отклонение при передаче полного смысла английского прототипа. Только в случае с выражением *хромая утка* и *kulawa kaczka* было заимствовано одно значение английского фразеологизма.

Следует ещё обратить внимание на то, как анализируемые фразеологические кальки функционируют в русских и польских экономических текстах. Как можно было заметить, фразеологические кальки довольно часто заключаются в кавычки, могут также выделяться курсивом. Формальным признаком введения их в речь выступает также местоименное выражение *так называемый / tak zwany*. Бывает и так, что в текстах кальки сопровождаются толкованием как показатель того, что данное сочетание заимствовано и освоено в языке еще недостаточно.

В заключение стоит сказать, что калькирование, несомненно, является важным способом обогащения русского и польского фразеологического запаса. То, что специалисты в сфере бизнеса в России и в Польше воспроизводят структуру и значение английских фразеологизмов, служит несомненным свидетельством глобализации, а также следствием стремления к единому профессиональному языку, в котором ведущую роль играет английский.

84 <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/272639,1,przejmowanie-wladzy-przez-amerykanskiego-prezydenta-elekta.read> (17.09.2020).

Представители фауны в неофразеологических кальках-англицизмах терминологического характера

Фразеологические неологизмы (неологические фразеологизмы) – «это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2003, XI]. В фразеологической неологии «самый заметный процесс – это активное обогащение фразеологии за счёт заимствований. Новая волна англицизмов (или американизмов), захлестнувшая славянские языки, которую некоторые называют даже “языковой интервенцией”, ведёт к быстрому расширению интернационального ядра фразеологии» [Степанова 2008, 19]. Это касается и фразеологических калек, которые возникают «в результате точной или изменённой передачи лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных прототипов (оборотов) средствами заимствующего языка» [БВН 1993, 90] и могут быть точными и неточными. Первоначальное употребление кальки обычно сопровождается «расшифровкой», указанием на её употребление в той или стране, а калькированное выражение заключается в кавычки, но это не обязательно. Ср. примеры:

Если у кандидата на выборную должность не хватает своих денег, его избирательную кампанию оплачивают богачи, или, как их здесь (в США – *И. К.*) называют, «жирные коты» [Б. Стрельников, В. Песков. Земля за океаном. 1977]. *Жирный кот* – это тот, кто явно или тайно помогает выбраться к власти политику – даёт деньги на подкуп и на рекламу [там же].

Этот фразеологизм американского происхождения, возникший в двадцатые годы прошлого века на основе метафорического переноса, в языке-источнике может употребляться не только в форме множественного числа, как отмечают некоторые авторы [Наумова 2012, 54–55], но и в единственном (*fat cat*), о чём свидетельствуют следующие строки:

«Как писал тогда (в 1920-е годы – *И. К.*) американский журналист Фрэнк Кент в статье “Жирные коты и езда зайцем”, “жирный кот – это человек с большими средствами и отсутствием политического опыта, который достиг средних лет, успешен в бизнесе, которому надоело просто накапливать миллионы, которому хотелось бы общественного признания и который готов платить за это признание... Политическая машина может дать ему то, что он хочет, а он может дать политической машине то, что хочет она”. И в дальнейшем в США “жирные коты” имели устойчивый политический окрас» [«Коммерсантъ Власть» 2010].

Но в сфере экономики и политики форма множественного числа этого выражения терминологического характера в русском языке – языке-реципиенте

– действительно частотнее, причем теперь приложимо оно не только к очень богатым людям, использующим свои политические связи для коррупционного посредничества:

1. Если хотя бы один процент из них сейчас напишет письмо куда надо, то, я думаю, аппетит у этих *жирных котов-банкиров* быстро поубавится [коллективный. Форум: Юниаструм ввёл комиссию за снятие депозита – 7%, новые тарифы. 2010]. Нельзя не отдать должное – Путин взялся и за *жирных котов*. Правда, не успел он сказать, что будут взиматься налоги с процентов по большим вкладам, как *банкиры* начали жаловаться – вкладчики (серьезные, не средний класс) принялись снимать деньги [mk.ru>politics/2020/03/29/putin-prishhemil-khvest...]. В следующем году бездарно растрченных денег России может ой как не хватить. Зато за *банкиров* можно порадоваться: «*жирные коты*», которых сам премьер-министр Путин недавно призвал “не трогать”, в кризис наелись досыта [mk.ru...article/2009/04/16...zhirnyie-koty.html].

В данных текстах, как видим, перифрастический фразеологизм *жирные коты* – это синоним слова *банкир* ‘крупный акционер или владелец банка’ [СРЯ Т. 1, 60], ‘бизнесмен, владелец банка, банковского капитала’.

2. Выражение может относиться к крупному бизнесу:

Следующим шагом стало пестование (в частности, через защиту от поглощений иностранцами и банкротств, подчас совсем не рыночными методами) любимых национальных чад, почти сразу прозванных «*жирными котами*». Еще в 2003 году швейцарская газета *Le Temps* писала о том, что, вопреки законам либеральной экономики, США и Европа продолжают финансирование крупных фирм, стоящих на грани разорения. Газета приводила примеры многомиллиардных государственных инвестиций и кредитов, направленных на спасение компаний-гигантов – «слишком больших, чтобы им можно было позволить потерпеть крах» (too-big-to-fail) [В. Бондарь. Всеобщая несостоятельность // «Однако», 2010]. Тогда удручающие показатели местных корпораций и банков стали слишком резко диссонировать с заоблачными выплатами их руководству, которые ничуть не изменились. В феврале общественность получила новый повод обрушиться на «*жирных котов*». Фармацевтический гигант «Новартис» объявил о решении выплатить покидающему компанию президенту Даниэлю Васелле «золотой парашют» на сумму почти 80 млн. долларов [Н. Петров. Радикальное обрезание миллионеров // «Русский репортер», 2013]. Экономить будут тотально на всем. Спасать будут крупный бизнес: экспортеров нефти, газа, металлов, леса и зерна, будут спасать «*жирных котов*», которые сегодня определяют экономическую политику и являются бенефициарами всех реформ в стране» [rosbalt.ru>russia/2020/04/14/1838341.html]

В украинском языке этот перифрастический фразеологизм, восходящий к экономическому термину, означает: 1. Фінансові фірми, комерційні компанії, які отримують надприбутки за рахунок ризикових і здебільшого авантюрних операцій. 2. Новоявлені бізнесмени-нувориші і ділки, що одержують великі прибутки завдяки участі у сумнівних комерційних операціях⁸⁵. Эту же семантику термин имеет и в русском языке, но всё чаще он используется не в своём терминологическом или исходном значении:

⁸⁵ <http://slovopedia.org.ua/38/53398/379440.html>

«Надо подумать, как изменить подготовку спортсменов, – считает глава государства (Дмитрий Медведев – *И. К.*). – Во главе угла должен быть сам спортсмен, а не федерации, которые как *жирные коты*» [trend.az>world/russia/1647194.html]. Никто из лидеров восьмерки не против активного участия России в этом круге. «Никто не хочет, чтобы “восьмерка” превратилась в сборище *жирных котов*», – добавил президент» [e1.ru>news/spool/news_id-51858411.html]. «Если в упоминаниях Путина о “жирных котях” еще можно усмотреть хоть какие-то намеки на политику, то Медведев вряд ли имел в виду, что спортивные федерации используют свои богатства для достижения политической выгоды» [«Коммерсантъ Власть» 2010].

Если в финансовом сленге выражение *жирный кот* (укр. *жирний кіт*) – это «состоятельный человек, живущий за счет дивидендных и процентных доходов от инвестиций, – «жирные коты» пользуются особой популярностью в качестве клиентов у брокеров и других профессионалов в области финансов, поскольку располагают значительными суммами денег и имеют счета, дающие основание надеяться на высокие комиссионные и плату за обслуживание» [ФИТС 2002], то в мире политики оно имеет иное значение. Фразеологизм частотен в публицистике, в художественных произведениях редок:

– Мой пап – классный спортсмен и привлекательный мужик, но он все-таки неотъемлемый член сверхбогатой мешпухи, а у меня нет ни малейшего уважения к «жирным котам» Восточного побережья [В. Аксёнов. Новый сладостный стиль. 1997]. Мне спикер – наш, госдумовский, – рассказывал: сначала на девке остановились, из Тюмени, студентка-отличница, папаня – *жирный кот*, а начали копать, она токсикоманка драная [С. Шаргунов. Чародей. 2008].

Фразеологическая калька не в терминологическом употреблении является неодобрительным обозначением богатого бизнесмена, обладающего многомиллионными капиталами, думающего только о собственной выгоде [Ивина 2001, 53].

Экономический термин *Four Asian Tigers* (рус. *четыре азиатских тигра*; укр. *чотири азіатські тигри*; бел. *чатыры азіяцкія тыгры*; нем. *die vier asiatischen Tiger*) первоначально был неофициальным названием экономик только четырех стран Восточной Азии – Гонконга, Сингапура, Тайваня и Южной Кореи – с очень высокими темпами экономического развития с начала 60-х до финансового кризиса 90-х годов XX в.:

Этот феномен был позже назван «*журавлиным клином*»⁸⁶: по мере подъема собственной экономики и удорожания рабочей силы Япония начала переводить свои производства сначала в страны *четверки «азиатских тигров»*, потом в Малайзию, Таиланд и Филиппины, потом в Китай, потом во Вьетнам и Бирму [П. Бурмистров. Чудо японское // «Русский репортер», 2012].

86 *The Flying Geese Paradigm, Asia's Flying Geese*. Парадигма летящих гусей (яп. 雁行形態論 ганко: кэйтайрон) представляет собой взгляд японских учёных на технологическое развитие в Юго-Восточной Азии, рассматривающих Японию как ведущую державу этого развития. Термин придуман Канаэмэ Акамацу в 1930-х годах, стал популярным в 1960-х после опубликования автором своих идей в журнале развивающихся экономик (англ. Journal of Developing Economies).

Но в СМИ этот «набор» может быть другим:

Пока мы знаем лишь про *четырёх азиатских «тигров»*: Южную Корею, Малайзию, Тайвань и Сингапур [М. Чижиков. Ханой – Хошимин – Москва. Алла Пугачева может стать народной артисткой Вьетнама // Комсомольская правда, 2002.12.11].

Синонимичные названия – «Восточноазиатские тигры» (укр. «*східноазійські тигри*»; бел. «*ўсходнеазіяцкія тыгры*») < англ. *East Asian Tigers*, «*Четыре азиатских дракона*» (укр. *чотири азіатські дракони*; бел. *чатыры азіяцкіх дракона*; нем. *die vier asiatischen Drachen*; кит. 亞洲四小龍) < англ. *Asia's Four Dragons*. В терминологии *азиатские тигры* (серб. *азијски тигрови*; слов. *ázijské tigre*) чётко дифференцируются: «Вторая “волна”, охватившая 1970-е гг., отражала стремительный взлет новых индустриальных стран, своего рода прыжок знаменитых азиатских “тигров” – Республики Корея, Сингапура, Гонконга и Тайваня. Третья “волна”, пришедшая на 1980-е гг., охватила прежде всего страны АСЕАН, которые фактически сформировали второй эшелон азиатских новых индустриальных стран» [Максаковский 2003]. Для публицистики это не существенно: И Россия имеет шанс стать одним из них – наряду с объединенной Европой, «азиатскими тиграми» (сюда можно отнести группу стран во главе с Японией от Малайзии вплоть до Вьетнама) и, разумеется, Китаем [К. Косачев: У России есть шанс // Труд-7, 2001.04.10]; На право возглавить гонку по вертикали ныне претендуют и «азиатские тигры» – Корея и Тайвань, Китай, Япония и даже Индия [Пальцем в небо // «Мир & Дом. Санкт-Петербург», 2003.10.15] и т. п.

В итоге калька стала собирательным названием стран Юго-Восточной Азии; причём сначала к «тиграм» относили только азиатские страны, получившие это название за экономический рывок:

Таиланд нередко называют «азиатским тигром». В чём, на ваш взгляд, секрет тайландского экономического чуда? [Таксин Чинават: Основа нашего общества – демократия и капитализм // Известия, 2004.07.06]; Топ-менеджеры европейских предприятий все меньше верят в перспективы экономики ЕС и все больше обращают внимание на Китай, Индию и прочих «азиатских тигров» [А. Широков. Европа не верит в собственные силы // РБК Daily, 2005.02.15]; А то стыдно: заводы западных электронных фирм строятся и в Китае, и в Индии, и в Малайзии, скоро даже Вьетнам превратится в «азиатского тигра!» [Российский супергаджет // РБК Daily, 2007.03.02]; Готовится к прыжку и *азиатский тигр*. Китай на пороге глобальных перемен, он стоит перед очень серьёзными вызовами [Футуристический прогноз. Революция 21 века, похоже, снова совершится в России // Новый регион 2, 2007.11.07]; Вместе с тем, за 32 года кровавого авторитарного правления Сухарто Индонезия – некогда одна из беднейших стран Азии – превратилась в быстро развивающегося «азиатского тигра» [Бывший диктатор Индонезии ушел из жизни прощенным // РИА Новости, 2008.01.27]; До августа 2007 года, начала ипотечного кризиса США, все считали Казахстан бурно растущим новым «азиатским тигром» [К. Масимов: «Вопрос о цене на газ отпал сам собой» // РИА Новости, 2008.07.07].

Сабольч Янурик отмечает, что «метафорический перенос происходит прежде всего в языке-источнике» и что метафорическому переосмыслению в процессе формирования отдельных терминов часто подвергаются

80

«разнообразные наименования животных и названия цвета» [Янурик 2018, 247]. В нашем случае семантическая связь между компонентами терминологического словосочетания прозрачна для носителей языка, калькирующий оборот: тигр – млекопитающее семейства кошачьих, которое водится лишь в Азии (дракон также ассоциируется в первую очередь с азиатскими странами). Само же «слово “тигр” происходит от др.-греч. τίγρις, которое в свою очередь восходит к др.-перс. *tigri от корня “*taig” со значением “острый; быстрый”» [Фасмер 1986, 4, 56]. Не случайно в публицистических клише коррелируют рынок в экономике и интересующий нас термин:

На более поздних этапах своего *экономического рывка* к «догоняющему развитию» перешли и *четверо «азиатских драконов»*; в общем, этот путь бесперспективен и не позволяет никого догнать. [Рецензии // «Неприкосновенный запас», 2002.07.14]; Часть государств, с лидерами которых наш президент встретится в Куала-Лумпуре, за *экономический рывок* получили название «*азиатских тигров*» [Соломонова О. Посовещаться с «азиатскими тиграми» // Труд-7, 2005.12.13]; Можно считать, что после <...> *экономического рывка «четырёх азиатских драконов»* – Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Тайваня, вперед вырвался Китай <...> [Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. 2009]; В период правления одного из самых замечательных азиатских лидеров конца XX века Мохаммада Махатхира страна (Малайзия – И. К.) совершила феноменальный *рывок* в своем *социально-экономическом развитии* и стала одним из ярких «*азиатских тигров*» [К. Макиенко. Бросившие вызов // lenta.ru, 2017.03.21].

Этот скачок в экономике СМИ уподобляют прыжку тигра: Готовится к *прыжку и азиатский тигр*. Китай на пороге глобальных перемен, он стоит перед очень серьёзными вызовами [Футуристический прогноз. Революция 21 века, похоже, снова совершится в России // Новый регион 2, 2007.11.07] (см. также тексты выше).

Прилагательное в калькированном термине может варьироваться, причем «модель оказалась настолько сильной, что продолжает “работать” и в отрыве от самой своей внутренней логики» [Никитина 1998, 25]:

Ливия, закрытая и, как считают многие эксперты, отсталая страна, намерена повторить подвиг «азиатских тигров» и стать первым «*тигром*» в *Северной Африке* [Е. Арсохин. Каддафи клонирует Дубай // Известия, 2010.08.30]; Ирландия. На выучку к *Кельтскому Тигру*. <...> Эта патриархальная страна совершила экономическое чудо, названное «*прыжком Кельтского Тигра*»: по темпам экономического роста Ирландия занимает сейчас первое место в Европе [Н. Гинзбург. Путь на остров – «Домовой», 2002.06.04]; Экономика «*кельтского тигра*», пишет ВВС, в октябре – декабре 2011 года сократилась на 0,2%. [З. Радов. В Ирландии очередная рецессия // Комсомольская правда, 2012.03.23]; Не существует такой чудесной экономики, которая бы вечно процветала, – заметил стратег Societe Generale Дилан Грис, напомнив о Японии 1980-х годов, Таиланде до азиатского кризиса 1997–1998 годов и «*кельтском тигре*» Ирландии [Ю. Калачихина. Китай доведет Австралию до рецессии // РБК Дейли, 2012.08.30].

Тигр в модели символизирует расцвет экономик стран, где он никогда не обитал, отсюда перифразы «*кельтский тигр*» (бел. «*Кельцкі тыгр*»),

«*татранский тигр*»⁸⁷ (бел. «*Татранскі тыгр*»), бел. «*балканскі тыгр*» ‘Сербия’, «*лацінаамерыканскі тыгр*» ‘Чили’, «*Быў нават тэрмін «балтыйскі тыгр», ды кудысьці знік*» [be.unansea.com>азіяцкі-тыгр-неафіцыйны-назоў/]. Попытки обновить образ млекопитающего в модели успехом не увенчались:

Хватит открывать Латинскую Америку – пора ее уже открыть и сотрудничать с ней по-настоящему. В 1970-х годах все говорили об «азиатских тиграх» – а теперь «*ягуары*» идут. В Перу рост ВВП – восемь процентов, Чили одной ногой стоит в «первом мире», Бразилия – почти сверхдержава. Континент поднимается, идет в рост [Н. Киеня. Бразилия – край таежный // Известия, 2011.01.18].

Образные кальки-англицизмы терминологического характера изучаются как на материале одного языка [Наумова 2012; Янурик 2012 и др.], так и в плане сопоставления [Кузнецова, Мокеева 2021; Стоянова 2020; Janurik 2017 и др.]; они представляют собой своеобразный пласт интернациональной фразеологии. Выходя за рамки чисто терминологического употребления, они могут расширять свое значение.

Радостина Стоянова Стоянова, Институт болгарского языка
им. проф. Л. Андрейчина, Болгарская академия наук, София, Болгария
r.stoyanova@ibl.bas.bg

Терминологические фразеологизмы в экономической терминологии как отражение глобального языкового кода (на материале болгарского и русского языков)

Глобализация и интернационализация в языке и в терминологии.

Идея о языковой глобализации, хотя и не под этим заглавием и не осмысленная терминологически, не является новой для терминоведения [Попова 2020, 158]. Так, М. И. Исаев отмечает, что мнения ученых по вопросу существования будущего единого языка «в основном сводятся к двум взаимоисключающим тезисам: одни утверждают, что будущим общим языком человечества станет один из национальных языков, другие полагают, что таким языком может стать лишь искусственный язык, наделенный лучшими чертами национальных языков» [Исаев 1976, 28]. К первому тезису, т. е. к идее об использовании общего (глобального) языка в целях международной коммуникации примыкает мнение Л. Бокал (2004) о том, что роль такого языка будет играть английский язык [Bokal 2004]. Третью точку зрения высказывает Л. Бесекирска, считающая, что глобализация должна связаться с интернационализацией и найти выражение в создании общего фонда соотносительных языковых единиц, бытующего во всех языках [Biesiekińska 1997, 87–90].

Глобализационные процессы в современном мире повлекли за собой новые условия для функционирования отдельных языков и «переналадку»

⁸⁷ Именно эта политика за последний год принесла еще недавно провинциальной и отсталой Словакии такие комплименты, как «налоговый рай под Татрами» или «*татранский тигр*» [В. Павел. Сильно быстрые реформы // Труд-7, 2004.04.07].

языковых систем [Власенко 2009, 65]. В связи с этим С. В. Власенко подчеркивает, что «концепты, представленные глобальным языковым кодом, инвариантны и формируют основу новой общечеловеческой и профессиональной концептосферы» [там же, 65]. Как правило, в большинстве стран такие концепты находят языковое выражение в одних и тех же означающих: бълг. *бичи флаг* – рус. «бичий флаг» – словац. *býčia vlajka* < англ. *bullish flag*; бълг. *мечи флаг* – рус. «медвежий флаг» – словац. *medvedia vlajka* < англ. *bearish flag* и др. Однако, как отмечает М. Попова, в немалом количестве случаев заимствуется только один из пластов общего строения терминов [Попова 2020, 159]. В качестве примера можем привести болгарский термин *нул*, приобретший новое значение ‘объединение предприятий, компаний и т.п. одной и той же отрасли для нужд их приватизаций’.

В концепции *общего международного лексического кода* Л. П. Крысина выдвигается мысль о том, что интернациональная природа слов и словосочетаний, в том числе и терминов, имеет существенное значение в процессе их адаптации в принимающих языках и благоприятствует их освоению в каждом национальном языке [Крысин 2008, 26].

С. В. Власенко в своей концепции *глобального языкового кода* пишет об «объективно существующей необходимости синхронизации многочисленных и разнообразных реалий современной жизни, которые не могут не становиться частью картины мира людей независимо от страны их проживания» [Власенко 2009, 63]. Исследователь подчеркивает значимость понятия «глобальный языковой код», который подразумевает «наличие в коллективном когнитивном сознании людей разных стран некоторого набора инвариантных концептов, соотносимых с референтно-тождественными реалиями, уже ставшими или постепенно становящимися привычными для их личной и профессиональной жизни» [там же, 64]. Автор определяет языковой код как глобальный, «так как составляющие его элементы интернациональны: среди них немало слов и терминологических сочетаний из разных языков, каждый из которых по-своему зафиксировал реалии отраслей, приоритетных для общественно-экономического развития большинства стран мира» [там же]. По замечанию С. В. Власенко, «глобальный языковой код заимствовал и продолжает заимствовать терминологические лексемы разных областей науки и техники преимущественно из английского языка» [там же].

В. С. Виноградов выдвигает *концепцию межъязыковых гиперонимов*, соотносящуюся с вышеупомянутыми концепциями, и состоящую в том, что независимо от конкретно-референтного статуса ряда заимствованных лексических единиц в каждой стране мира они будут отличаться разными признаковыми характеристиками, обусловленными социально-экономическим статусом страны [Виноградов 2004, 119].

С. Г. Курбатова отмечает усиление *тенденции к интеранглизации* экономической терминологии и появление новой категории интернациональных терминов – *интернациональные англицизмы*, или *интеранглицизмы (интерамериканизмы)* [Курбатова 2003, 15]. Интеранглицизмы (интерамериканизмы) определяются исследователем как «лексические единицы из английского языка, функционирующие в нескольких (не менее чем

в трех) мировых языках, схожие по звуковой, графической и семантической форме, являющиеся следствием языкового контакта и выражающие общие для многих культур понятия из области науки, техники, искусства, средств коммуникации» [там же]. С данной трактовкой коррелирует и *концепция трансноминации* Г. В. Быковой, определяющей широкое распространение англицизмов в русском языке как «тенденцию к трансноминации» [Быкова 2003, 159].

М. Попова отмечает, что в современных исследованиях понятия «глобализация и интернационализация терминологии не принимаются за идентичные (хотя, по крайней мере для меня [т.е. автора цитаты – ред.], в своей сущности они таковы). Выявляется одна небольшая разница, которая, скорее всего, привнесена механически» [Попова 2020, 160]. Исследователь рассматривает в качестве глобализации те случаи, в которых исходным языком является английский, а в качестве интернационализации – случаи, в которых исходным может быть не только английский, но и любой другой язык. Вместе с тем М. Попова обращает внимание на то, что «вопрос, который стоит перед нами, все еще не имеет общепринятого ответа» [там же].

Метатермин *интернационализация* определяется как «формирование и распространение общего фонда соотносительных языковых единиц по крайней мере в трёх языках, хотя бы два из которых принадлежат к различным языковым семьям» [Попова 2012, 419]. Подчеркивая взаимосвязь и системные отношения метатермина *интернационализм* с метатермином *интернационализация* как результата и процесса, М. Попова определяет метатермин *интернационализм* как языковую единицу, «которая принадлежит к интернациональному языковому фонду» [там же].

В качестве основных проявлений *глобализации* в болгарской терминологии и в болгарском языке М. Попова отмечает две тенденции: 1) принятие английского языка в качестве *lingua franca*, т. е. общего, глобального языка и 2) создание общего фонда из соотносительных терминов и терминологических элементов, использующихся во всех языках и являющихся одинаковыми по значению и соотносительными по форме [Попова 2020, 159].

Соотносительные интернациональные термины рассматриваются лингвистами по двум признакам – их формы (морфема, лексема, словосочетание, модель и т. д.) и их значения. Исходя из формы, некоторые лингвисты считают, что интернационализмы представлены только словами [Ногескú, Rásová 1979], а другие рассматривают в качестве интернационализмов все языковые единицы от морфемы до синтаксической конструкции [Смирнов 1997, 5; Колковска 2006; Попова 2012, 420 и др.]. Исходя из значения, большинство лингвистов считает, что для интернационализмов характерно одинаковое или схожее значение [Смирнов 1997; Попова 2012, 421 и др.], однако другие исследователи утверждают, что интернационализмы не обязательно должны обладать одинаковым или схожим значением [Grinyov 1987, 39 и др.].

Учитывая тот факт, что языковая глобализация является сложным процессом, затрагивающим все уровни системы языка, вслед за М. Поповой,

принимаем за основу, что интернационализмы охватывают терминологические элементы (корень, префикс, суффикс), термины-слова и термины-словосочетания.

Тенденции к глобализации, интернационализации и национализации терминологического фонда болгарского и русского языков.

Обновление терминологического фонда экономической сферы деятельности в современных славянских языках, в частности в болгарском и русском, происходит под активным воздействием ряда противоположных тенденций: интернационализации, глобализации и национализации, неологизации и архаизации, детерминологизации и ретерминологизации.

В новейшей экономической терминологии особо четко проявляются следующие процессы:

1) процесс заимствования и калькирования терминологических единиц, преимущественно из английского языка;

2) процесс активизации внутренних резервов языков (национализация).

Для первого процесса характерны следующие особенности:

а) полное или частичное калькирование иноязычных элементов из языка-донора в язык-реципиент: болг. *бичи пазар*, но: *бул маркет* – рус. *бычий рынок* / «*бычий*»⁸⁸ *рынок*, *рынок быков* / *рынок «быков»*, укр. *ринок «биків»*, словац. *býči trh*, чеш. *bůčí trh* < англ. *bull market*; болг. *мечи пазар* / *мечешки пазар*, *пазар на мечката*, но: *бear маркет* – рус. *медвежий рынок*, *рынок медведей* / *рынок «медведей»*, укр. *ринок «ведмедів»*, *ведмежий ринок*, словац. *medvedí trh*, чеш. *medvědí trh* < англ. *bear market* и др.

б) заимствование языком-реципиентом терминологических единиц, сохранивших при определенной адаптации звуковой облик языка-донора: болг. *bear маркет* < англ. *bear market* «вид спекулативна сделка на фондовата борса, при която продавачът извлича печалба при спадане на курса на ценните книжа» [ТЕРИН 2020, 50]; болг. *бул маркет* < англ. *bull market* «вид спекулативна сделка на фондовата борса, при която купувачът извлича печалба при покачване на курса на ценните книжа» [там же, 60]; болг. *хюмън рилейшънс* – рус. *хьюмен рилейшнз* < англ. *human relations* «система от дейности за интергриране на служителите в предприятието с цел подобряване на климата и премахване на конфликтите, за да се увеличи производителността на труда» [там же, 459]; болг. *фасилити мениджмънт*, болг. *пъблик рилейшънс (връзки с обществеността)* «система от дейности за информиране на обществеността, медиите, държавните органи и др. за дейността на предприятието с цел изграждане на добри взаимоотношения с потребителите и създаване на добър имидж» [там же, 70]; рус. *кэш энд кэрри* < англ. *cash-and-carry* «операция с ценными бумагами, включающая в себя приобретение ценной бумаги с одновременной продажей фьючерса и финансированием разницы в цене за счет ссуды или путем заключения сделки репо» [СФЭТ 2018, 301]; рус. *квик мани* < англ. *quick money*; рус. *брэди бондз*, *брейди-бонды* < англ. *brady bonds* (ср.: бълг. *брейди облигации*) «облигации, выпущенные в результате реструктуризации просроченного государственного долга развивающимися или слаборазвитыми странами» [СФЭТ 2018, 63]; рус.

⁸⁸ Здесь и далее в тексте термины в кавычках передаются согласно их представлению в использованных лексикографических источниках.

мани лондерин (сленг) < англ. *money laundering* «программа борьбы против отмыывания денежных средств» [СФЭТ 2018, 1157] и др.

Для второго процесса – активизации внутренних резервов славянских языков – характерно:

а) продуцирование терминологических единиц собственными, внутренними ресурсами языка для номинации новых реалий: болг. *касова приватизация*, болг. *масова приватизация*, болг. *пулова приватизация*, болг. *компенсаторен запис*, болг. *паричен съвет*, болг. *зунк облигация / зунк книжка* [Колковска 2006, 197], рус. *Северный поток*; рус. *Южный поток*. Сюда относим экономические термины-славянизмы, возникшие и функционирующие в разных славянских языках, отличающиеся схожестью формы и означающие близкие по содержанию экономические понятия [там же, 197–198]: болг. *малка приватизация* и чешск. *malá privatizace*, болг. *голяма приватизация* и чешск. *velká privatizace* и др.

б) продуцирование образных и / или оценочных терминологических фразеологизмов для номинации особо актуальных для носителей языка явлений общественной жизни: болг. *кредитен милионер*, болг. *кредитно милионерство*, рус. *демографическая яма*, рус. *ипотечные каникулы*, рус. *«арендные каникулы»*, рус. *сидеть на нефтяной (сырьевой) игле* и др., ср.: укр. *небесна сотня*, укр. *помаранчева (оранжева) революція*.

Первый процесс отражает тенденцию к интернационализации и глобализации славянских языков в качестве одной из самых отчетливо проявляющихся современных языковых тенденций на данном синхронном состоянии языков.

Второй процесс связан с национализацией, в рамках которой сохраняется национальная специфика славянских языков. Оба процесса не противостоят друг другу, а находятся в сложном взаимодействии между собой, где интернациональное воплощается в национальное, становясь частью его [Акуленко 1972, 199].

Действие тенденции глобализации новейшей экономической терминологии проиллюстрируем на материале терминологических фразеологизмов.

Понятие «терминологический фразеологизм».

Терминологические фразеологизмы представляют собой устойчивые сочетания, возникшие на базе терминов или профессионализмов. Они представлены на всех уровнях языкового субстрата в профессиональной речи: в терминологической системе (рус. *«банковский рай»*, рус. *«близкие» деньги*, рус. *валютный риск*, рус. *«крепкий» рынок*, рус. *ленивый рынок*, рус. *«розовые листки»*, рус. *рыночный «тон»*, рус. *«терпеливые деньги»*, рус. *«тихий» факторинг*, рус. *чёрный маклер* и др.), в устной профессиональной лексике (рус. *Бостон бинго (сленг)* < англ. *Boston bingo*, рус. *январский эффект (сленг)* < англ. *January effect*, рус. *копчёная сельдька (сленг)* < англ. *red herring*, рус. *чёрный рыцарь (сленг)* < англ. *black knight*, рус. *чёрный ящик (сленг)* < англ. *black box* и др.), в профессиональном жаргоне (рус. *«волки-овцы» (жарг.)*, рус. *«жертва продольной пилы» (жарг.)* и др.) [Стоянова 2020, 174].

Основной корпус терминологических фразеологизмов в экономической терминосистеме в болгарском и русском языках представлен в виде калек и полукалек с английского языка. Встречаются отдельные терминологические единицы латинского происхождения, вошедшие в оба языка через посредничество английского языка: болг. *бръснач на Оккам* – рус. «*бритва Оккама*», «*лезвие Оккама*» < англ. *Occam's razor* (*Ockham's razor*, *Ocham's razor*) < лат. *novacula Occami*; рус. «*гомо экономикус*», англ. *homo economicus*, *economit man* < лат. *homo oeconomicus* [там же, 173].

Для обозначения дуальной природы данных образований, Е. А. Никулина предлагает термин «терминологический фразеологизм» или «терминологизм» на основании того, что «**сверхсловное образование имеет буквальное терминологическое или профессиональное значение, на основе которого развивается переосмысленное значение, и данные значения (а их может быть несколько у одной единицы) актуализируются в зависимости от контекста употребления – терминологического или нетерминологического**» [Никулина 2005, 10 – шрифт Е. А. Никулиной].

Терминологические фразеологизмы проявляют системные свойства, характерные как для терминов (номинативная и/или дифинитивная функция, специальная сфера употребления термина, системность термина и др.), так и для фразеологических единиц (образность, экспрессивность, затемненность значения и др.).

Чаще всего терминологические фразеологизмы возникают в результате развития терминологического значения на базе уже существующего фразеологического. Например, фразеологизм болг. *дойна крава* – рус. *дойная корова* «*Неодобр. Човек, когото постоянно изпользуват материално*» [ФРБЕ 1974, 263], «*Прост. Ирон. Постоянный источник материальных благ, которыми кто-либо пользуется в личных целях, не зная меры*»⁸⁹ является прототипом терминологизма болг. *дойна крава* – рус. *дойная корова* < англ. *cash cow* «предприятие или его подразделение, получающее устойчивый и непрерывный приток наличных денег, которые извлекаются из оборота» [СФЭТ 2018, 1154].

Яркая образность и экспрессивность обнаруживается в терминологизме рус. *прыжок дохлой кошки, отскок дохлой кошки* < англ. *dead cat bounce* «модель поведения цены на финансовых рынках, который обозначает ложный отскок цены после резкого падения актива. После отскока цена финансового актива продолжает идти вниз»⁹⁰. Данный биржевой терминологизм обладает ярко выраженной образностью. Его значение мотивировано образом, появляющимся на базе буквального значения его компонентов. Однако смысл данной единицы невозможно понять, не зная генезиса номинации его концепта. Название «подпрыгивание дохлой кошки», появившееся на Уолл-стрит, основано на представлении о том, что «даже дохлая кошка отскочит от земли, если будет

⁸⁹ Академик. dic.academic.ru. Дойная корова. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Астрель, АСТ. А. И. Фёдоров. 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://phraseology.academic.ru/5684/%D0%94%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0.

⁹⁰ ForeX Technical Analysis & Analytics. Технический Анализ и Аналитика рынка Форекс. (17.05.2018) *Прыжок (отскок) дохлой кошки на форекс* (17.05.2018). URL: <<https://www.fxtaa.com/pryzhok-otskok-dokhloy-koshki-na-foreks/>>.

падать с большой высоты») (англ. “even a dead cat will bounce if it falls from a great height”⁹¹, англ. “even a dead cat will bounce if it falls far enough and fast enough”⁹²). Ценовая модель «отскок дохлой кошки» имеет место в ситуации, когда на рынке наблюдается стремительное снижение цен и трейдеры следят за тем, чтобы цены на акции достигли самого низкого уровня, с целью скупить их и получить прибыль. Однако, если неправильно рассчитать момент и скупить акции раньше, то цены могут вырасти, а затем опять продолжить снижаться.

Терминологический фразеологизм *Спящая красавица*, ведущий свое начало от известной сказки Шарля Перро⁹³, также обладает весьма сильной коннотацией и образностью: болг. *Спяща красавица* – рус. *Спящая красавица* < англ. *Sleeping Beauty* «потенциальный объект поглощения, которому не делалось инвестиционных предложений» [СФЭТ 2018, 1162]. Чаще всего подразумевается компания с привлекательными финансовыми характеристиками (наличными резервами или недооцененными активами)⁹⁴.

Прототипом терминологических фразеологизмов могут служить, по замечанию М. А. Захаровой, не только уже сложившиеся фразеологические единицы, но и словосочетания, основанные на переносе значения [Захарова 2010, 43]. «В данном случае процессы фразеологизации и терминологизации проходили почти одновременно. В этих словосочетаниях одно из слов употреблено в прямом значении, а второе – в переносном» [Захарова 2010, 43] Ср.: болг. *златни парашути* – рус. *золотые парашюты* < англ. *golden parachutes* (болг. *златен парашут* – рус. *золотой парашют* < англ. *golden parachute*) «действия руководства акционерного общества, направленные против враждебного поглощения. Они заключаются во внесении таких изменений в документы, регламентирующие деятельность общества, которые предусматривают для руководства компании крупные компенсации, высокие выходные пособия и т.п. в случае их увольнения новым владельцем общества» [СФЭТ 2018, 1155–1156].

91 Wikipedia, the free encyclopedia. *Dead Cat Bounce*. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Dead_cat_bounce#cite_note-auto-2>.

92 Investopedia. *Dead Cat Bounce Definition*. By JAMES CHEN. Updated Apr 13, 2019л [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.investopedia.com/terms/d/deadcatbounce.asp>.

93 Ср. в русском языке: Академик. dic.academic.ru. Спящая красавица. «С французского: *La belle au bois dormant*. Буквально: Красавица в спящем лесу. Русский перевод французской народной сказки, обработанной и изданной (1697) французским писателем Шарлем Перро (1628–1703). Иносказательно: о людях невнимательных, мечтательных, медлительных, не проявляющих должного интереса к своей работе (ирон.)». (*Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. Москва: «Локид-Пресс». Вадим Серов. 2003). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2601.

94 Ср. в русском языке: Академик. dic.academic.ru. Спящая красавица «1. *Жарг. арм. шутл.* Часовой. 2. *Жарг. арм. шутл.* Дежурный по роте. 3. *Жарг. студ., шк. шутл.-ирон.* Студент, школьник на занятиях. Максимов, 204. 4. *Жарг. студ. пренебр.* Глупая, несообразительная студентка. (Запись 2003 г.). 5. *Жарг. арест.* Тюрьма с камерами-«сейфами» для особо опасных преступников» [Большой словарь русских поговорок. Москва: Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, 2007]. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/27304>.

Виды калькированных терминологических фразеологизмов в болгарской и русской экономической терминологии.

В зависимости от точности передачи структуры и семантики иноязычного образца калькированные терминологические фразеологизмы подразделяются на следующие виды [см. подробнее: Стоянова 2020, 173–181]:

1. Терминологические фразеологизмы в виде калек.

а) Терминологические фразеологизмы в виде точных калек. Такие языковые единицы с точностью воспроизводят структуру и значение образца из языка-донора: болг. *бял слон* – рус. *белый слон* < англ. *white elephant*; болг. *бързи пари* – рус. *быстрые деньги* / *квик мани* < англ. *quick money*, ср.: укр. «*швидкі гроші*»; болг. *мръсни пари* – рус. *грязные (нечистые) деньги* < англ. *dirty money*; рус. *китайская стена* < англ. *Chinese wall*; болг. *златни белезници* – рус. *золотые наручники* < англ. *golden handcuffs*; болг. *данъчен рай* (*данъчен оазис*) – рус. *налоговый рай* (*налоговая гавань*) < англ. *tax paradise* (*tax haven, tax heaven tax oasis*) и др.

б) Терминологические фразеологизмы в виде неточных калек. Такие языковые единицы имеют грамматические и лексические различия от лексического образца из языка-донора: болг. *нападение на мечката* – рус. *налёт медведей, медвежий налёт* < англ. *bear raid*, ср.: укр. *наліт медведів*; рус. *наблюдатель за акулами* < англ. *shark watcher*, ср.: укр. *спостерігач за акулами*; болг. *тлъсти котараци* < англ. *fat cat*, ср. рус. *жирный кот* и укр. *жирний кіт* и др.

2. Терминологические фразеологизмы в виде полукалек.

Сюда входят термины, в составе которых один из компонентов является калькой из языка-донора, а другой компонент является заимствованной лексемой.

а) Терминологические фразеологизмы в виде точных полукалек. Такие языковые единицы отличаются точностью воспроизведения структуры иноязычной модели: болг. *сенчест бизнес* – рус. *теневой бизнес* < англ. *shadow business*; рус. *бумажный баррель* < англ. *paper barrel*; рус. *«идеальный хедж»* < англ. *perfect hedge* и др.

б) Терминологические фразеологизмы в виде неточных полукалек. В таких языковых единицах наблюдаются грамматические различия по отношению структуры воспроизводимой иноязычной модели – инверсия составных компонентов, несоответствия в синтаксической структуре кальки и языковой единицы из языка-донора (предложное выражение синтаксических отношений в языке-реципиенте и беспредложное выражение синтаксических отношений в языке-доноре, падежное выражение синтаксических отношений в русском языке): болг. *брокер на пода* < англ. *floor broker* (ср. рус. *брокер торгового зала, брокер биржевого зала*); болг. *управление на риска* – рус. *управление риском, управление рисками, менеджмент риска* < англ. *risk management*, но: рус. *риск-менеджмент* и др.

3. Словосочетания междинного типа между терминологическими фразеологическими кальками и полукальками.

С. Колковска отмечает, что словосочетания междинного типа «состоят из калькированного компонента и интернационального слова (греко-латинского происхождения)» [Колковска 2006, 210].

а) Точные словосочетания междинного типа между терминологическими фразеологическими кальками и полукальками: болг. *бизнес ангел* / *бизнесангели* – рус. *бизнес-ангел* < англ. *business angel*; болг. *брейди облигации* < англ. *brady bonds* (ср.: рус. *брейди-бонды*); болг. *гореца емисия* < англ. *hot issue* (ср.: рус. *горячий выпуск*); болг. *данъчен оазис* < англ. *tax oasis* (ср.: рус. *налоговый рай, налоговая гавань*); болг. *зелен икономически растеж* – рус. «зелёный» <экономический> *рост* < англ. *green economic growth*; болг. *зелен транспорт* – рус. *зелёный транспорт* < англ. *green transport*; болг. *зелена енергетика* – рус. *зелёная энергетика* < англ. *green energy*; болг. *зелена икономика* – рус. «зелёная» *экономика* < англ. *green economy*; болг. *златен стандарт* – рус. *золотой стандарт* < англ. *golden standard, gold standard*; болг. *златна акция* – рус. *золотая акция* < англ. *golden share, golden shares*; болг. *инфлационна спирала* – рус. *инфляционная спираль* < англ. *inflationary spiral*; болг. *млада емисия* – рус. *облигация младшая* /ср. рус. *субординированная облигация*/ < англ. *junior bond*; болг. *финансов мехур* – рус. *финансовый пузырь* < англ. *financial bubble* и др.

б) Неточные словосочетания междинного типа между терминологическими фразеологическими кальками и полукальками. Такие языковые единицы характеризуются разного рода различиями: порядком слов (болг. *облигация «боклуци»* < англ. *junk bond* /ср. рус. *мусорная облигация*/; рус. *контракт «жёлтой собаки»* /ср. рус. «жёлтое обязательство»/ < англ. *yellow-dog contract*; рус. *облигации самурай* < англ. *samurai bonds* /ср. болг. «самурай» *облигации, самурайски облигации*/; рус. *облигация бык-медведь* < англ. *bull-bear bond*; рус. *облигация кенгуру* < англ. *kangaroo bond*), количеством составляющих компонентов (рус. *сдерживать экономику* <от перегрева> – <англ. *to curb the economy* /ср. болг. «задържане на икономиката от прегряване»/), семантикой (болг. *изтичане на капитали* – рус. *утечка капиталов* < англ. *capital flight*), выражением грамматической категории числа (рус. «зелёная» *политика* < англ. *green politics, ecopolitics* (ср.: болг. *зелени политики*), а также комбинированными вариантами этих различий (болг. *червен акредитив* – рус. *аккредитив с красной оговоркой* < англ. *red clause letter of credit, red clause credit*; болг. *зелен акредитив* – рус. *аккредитив с зелёной оговоркой* < англ. *green clause letter of credit, green clause credit*).

Выводы

Обновление, глобализация и интернационализация экономической терминологии в славянских языках связаны с процессами глобализации, интернационализации экономических, финансовых, политических и общественных отношений.

Терминологические фразеологизмы, функционирующие в корпусе терминологии в болгарском и русском языках, являются сложными образованиями, обладающими системными свойствами, характерными как для терминов, так и

для фразеологических единиц. В своей массе они являются полными или частичными кальками с английского языка.

В терминологических фразеологических кальках пересекаются тенденции к интернационализации и национализации (т. е. к активизации исконных элементов языка и сохранению национальной специфики) славянских языков. Терминологические фразеологические полукальки являются ярким отражением тенденции к глобализации и интернационализации болгарского и русского языков, проявляющейся не только в калькировании по модели языка-донора, но и в наличии компонента интернационального характера в составе термина.

Терминологические фразеологизмы в болгарской и русской экономической терминологии демонстрируют проявление тенденции к глобализации и интернационализации не только определенных терминологических и фразеологических структур, но также когнитивных моделей и концептов. Это является подтверждением высказанного рядом лингвистов мнения, что активизация заимствований из английского языка и его американского варианта во многих языках мира превращает американскую этнолингвокультуру в «лингвокультурный донор» [Привалова 2005, 317].

Владимир Иванович Коваль, ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь
vlad-kov@mail.com

Является ли калькой фразем а *Вот где собака зарыта*?

При рассмотрении происхождения предикативной фраземы *Вот где собака зарыта* 'именно в этом истинная причина, суть дела, заключается самое главное' она традиционно характеризуется как калька немецкого *Da liegt der Hund begraben*. Не отрицая общепринятой точки зрения, обратим внимание на необходимость учёта в данном случае широко известных в сфере традиционной культуры славян и других европейских народов обрядов ритуального зарывания животных (собак, кошек, лошадей, овец, петухов), наделявшихся апотропейной символикой. Широко известны такие магические практики, как обращение к способности собак предсказывать будущее во время гаданий; использование собаки в народной медицине для «перенесения» на неё болезни человека. Особенно высоко ценилась способность этого животного не только видеть нечистую силу, болезнь или смерть, но и отпугивать их от человека. Именно это обстоятельство и послужило, как можно считать, причиной использования этих животных в многочисленных ритуалах жертвоприношения – закапывания (зарывания) собак в землю во время эпидемий.

Вопрос, поставленный в названии статьи, покажется, скорее всего, совершенно обосновательным, поскольку, по данным такого авторитетного источника, как историко-этимологический словарь «Русская фразеология», версия о том, что русский фразеологизм является калькой с немецкого выражения *Da liegt der Hund begraben*, отражена в тринадцати русскоязычных источниках, «старейшему» из которых почти 90 лет. Вполне естественно, что данное выражение

приводится как «классический» пример фразеологического калькирования во многих учебниках и учебных пособиях по фразеологии.

Попытки осмысления внутренней формы фразеологизма *Vom где собака зарыта* относятся к началу новой эры и обычно связываются с упоминавшейся ещё Плутархом народной легендой о верном псе, догонявшем своего уплывающего на корабле хозяина и погибшем из-за чрезмерного переутомления. Признательный хозяин закопал собаку и эту могилу показывал всем, кто интересовался легендой и местом, где была зарыта собака. Согласно ещё одной версии, происхождение данной поговорки связано с историей о погребённом верном псе, спасшем жизнь немецкому рыцарю. Более загадочно и «мистично» выглядит предположение о том, что слово *собака* употребляется в этом выражении вместо слова *клад*, поскольку считалось, что зарытые в землю клады охраняются нечистой силой в образе чёрного пса. Согласно современной трактовке, фразема *Da liegt der Hund begraben* является одной из реализаций модели, породившей длинный ряд немецких фразеологических оборотов, куда входили существительные *Jude* (еврей), *Musikant* (музыкант), *Hund* (собака), *Geld* (деньги), *Teufel* (чёрт), *Hexe* (ведьма) и др. Данные выражения произносили, когда спотыкались о камень и т. п. При этом словосочетание *liegt begraben* указывает на то, что оборот первоначально соотносился с людьми. В русский язык попал только один из синонимов, а именно оборот со словом *собака*, так как этот вариант был поддержан историями о памятниках верным собакам и другими сведениями этнографического характера [БМС 2005, 650; Mokienko 2018].

Разумеется, калькирование рассматриваемого фразеологизма не может быть исключено, хотя само по себе наличие оборота-«прототипа» в немецком языке не является достаточным основанием для такого утверждения. На наш взгляд, в данном случае важно учитывать рассмотрение фраземы *Vom где собака зарыта* в этнокультурном аспекте, который позволяет соотнести ее происхождение с ритуальным зарыванием в землю животных, известным славянским и другим европейским народам.

Очевидно, что свободное (нефразеологическое) предикативное сочетание *Vom где собака зарыта* достаточно отчётливо членится в структурно-семантическом отношении на два фрагмента (*Vom где // собака зарыта*), в одном из которых содержится указание на локальность – место совершения действия, а в другом констатируется совершение самого действия. В таком случае можно предположить, что семантика эквивалентного устойчивого словосочетания (фраземы *Vom где собака зарыта*) – ‘именно в этом истинная причина, суть дела’ – могла сформироваться в результате метафорического переосмысления свободной синтаксической конструкции, ранее обозначавшей определенное ритуальное действие – зарывание в землю собаки, место совершения которого имело особую сакральную значимость.

Известно, что у многих народов мира собака (наряду с быком, лошадей, овцой, кошкой, петухом) осмыслялась как магически маркированное животное, наделённое важными сакральными характеристиками, объясняющимися, в свою очередь, известными природными качествами собаки: тонким обонянием, острым зрением, выносливостью, выучкой, преданностью. Особая значимость этого животного в жизни людей выявляется в известной славянам «легенде о хлебном колосе»: именно благодаря заступничеству собаки перед Богом был

сохранён для людей хлебный колос, что позволило им выращивать хлеб – основной продукт питания. Содержанием этой легенды объясняется обычай кормить собаку первым куском хлеба нового урожая. Вера в то, что собаки определённым образом могут предсказывать судьбу, отразилась в широко распространённых гаданиях молодёжи о замужестве (женитьбе): после выполнения ритуальных действий и произнесения магических слов гадающие прислушивались, в какой стороне слышен собачий лай, и в зависимости от этого определяли, где живет жених (невеста). В других случаях девушки пекли блины из остатков ржаной муки и бросали эти блины собаке: чей блин собака съест первым, та девушка, как считалось, первой выйдет замуж. Согласно белорусскому поверью, благодаря особому чутью «собака узнает тайного вора: как бы близок ни был этот человек к данному дому, как бы ни ласкал собаку, последняя встретит и проведёт его лаем» [Никифоровский 1897, 162].

Наиболее существенной сакральной особенностью собак считалась их способность не только видеть нечистую силу, болезнь или смерть, но и отпугивать их от человека. Характерна в этом отношении быличка о собаке, которая будит хозяина в тот момент, когда к нему приближается чёрт [Демидович 1896, 118]; собака считается защитницей от злых духов, которых отгоняет «собачий лай, её кровь, шерсть, череп, даже кличка» [Нікольскі 1933, 12]. По русским поверьям, «собака узнаёт присутствие нечистых духов, чует приближение Чумы и Смерти и кидается на них как верный страж домохозяйина» [Афанасьев 1983, 339]. Именно способность собак видеть скрытую от людей опасность и магически противодействовать ей и послужило, как можно считать, причиной использования этих животных в ритуалах жертвоприношения – закапывания (зарывания) собак в землю.

Ритуальное зарывание в землю животных совершалось прежде всего при эпидемиях и падежах скота. Так, англичане ещё в 19 веке зарывали в землю лучшего в стаде телёнка, чтобы спасти зачумленное стадо [Тайлор 1989, 483]. Кашубы в том случае, когда болели гусята, закапывали на перекрёстке дорог одного больного гусёнка, чтобы избавить от смерти оставшихся в живых гусей [Hilferding 1989, 91]. Рязанские крестьяне, борясь против «скотного падежа», зарывали двух живых кошек в яму вместе с павшими животными [Городцов 1897, 185–186]. В Гродненской губернии для отвращения эпидемии в землю закапывали петуха и ворону [СД 1995, 1, 437]. Оберегающим магическим приёмом против эпидемий было ритуальное опаживание деревни её жителями. При этом участники обряда могли нести с собой чёрного кога или петуха, которых зарывали в землю. Во время опаживания в Речицком уезде Минской губернии для отпугивания «коровьей смерти» (антропоморфного мифологического воплощения болезни) зарывали в землю живую щуку [К вопросу 1910, 178]. В Нижегородской губернии «первую павшую от мора скотину зарывали в глубокую яму на самом месте её смерти вместе с живыми кошкой и собакой» [Богданов 1916, 106]. При опаживании «на вдову надевали хомут без шлеи, запрягали её в соху и гурьбой обходили деревню. Обязательно захватывали с собой петуха, кошку и собаку. Во время опаживания выкрикивали: *Смерть, смерть коровья, не губи нашу скотину; мы зароем тебя с кошкой, собакой и кочетом в землю!*» [Круглый год 1989, 105].

Особенно ценным для понимания внутренней формы фраземы *Вот где*

собака зарыта является подробное описание ритуального зарывания в землю собаки, имевшего место во Владимирской губернии во время большого падежа скота в 1857 году. Для противодействия эпидемии крестьяне одной из деревень «вытирала из дерева живой огонь», которому приписывалась целительная сила и способность отгонять смерть от животных. Этому действию предшествовал другой, не менее важный ритуал – зарывание собаки. С этой целью за деревней вырыли яму, куда и была брошена живая собака, ценившаяся особенно высоко, так как помогала пастуху пасти стадо. В эту же яму бросили павшую скотину и засыпали землей; затем в яму был поставлен столб, от которого в результате трения о него санного полоза и был получен «живой огонь». Здесь же разложили костер, через дым которого прогнали уцелевший от падежа скот [Завойко 1914, 85].

Очевидно, что зарывание в землю животных (в том числе и собак) было достаточно распространенным и жизненно важным ритуальным действием, выполнявшим функцию оберега. Жертвенное животное, в роли которого выступала собака, обладающее важными магическими свойствами, как бы отгоняло, отпугивало находящуюся рядом с ним болезнь или смерть, связывавшиеся с проявлением деятельности нечистой силы.

Можно предположить, что не только сам обряд, но и место его совершения осознавались как нечто чрезвычайно важное, оказывающее магическое влияние на жизнь людей и животных. Ритуальное зарывание в землю животных обычно производилось на перекрестках или на границе между селениями. Выбор этого места не был случайным: именно на перекрестках и «межах» совершались различные магические действия. Так, на перекресток выходили гадать о замужестве; это место осознанно избиралось для общения с нечистой силой с целью приобретения человеком магических способностей; при приближении к перекрестку свадебного поезда предпринимались обереговые магические действия, чтобы встретившийся в этом месте случайный прохожий не смог навести порчу на молодых. В русской разговорной речи конца XIX – начала XX веков выражение *в дурное место ступить* употреблялось в прямом значении для названия причины тяжелой болезни: *Вот попритчилось ему что-то: надьсь шел с гумна – вдруг в бок кольнет, так с того времени и слег, словно в дурное место ступил* [Попов 1903, 39]. В тесной связи со сказанным находится сербский обычай ритуального зарывания в землю (в поле) на Юрьев день живого цыпленка, вылупившегося на Благовещенье: в таком случае, как считалось, град не погубит урожай, так как «град бьет в нечистое, оскверненное место и не бьет там, где люди приняли специальные защитные меры» [СМ 1995, 147; Mokienko 2018].

Очевидно, при обряде ритуального зарывания в землю собаки не только само жертвенное животное, но и место совершения этого обряда сакрализовалось: с ним, очевидно, были связаны определенные запреты или оно могло использоваться (как и перекресток) для совершения других магических действий. Первоначально, как можно предположить, рассматриваемый оборот имел прямое «предупреждающее», «предохранительное» значение – «Вот здесь находится очень важное, сакральное место, где в результате проведенного ритуала захоронена (зарыта в землю) собака, что способствовало защите животных и людей от болезни и смерти». Позднее, из-за забвения архаичных представлений, наступивших в результате десакрализации магического обряда,

свободная предикативная конструкция *Vom где собака зарыта* стала употребляться как образное выражение, актуализировав в своем значении сему важности, значимости каких-либо деталей, обстоятельств, существенных для понимания природы какого-либо явления или предмета.

Таким образом, рассмотрение фраземы *Vom где собака зарыта* «сквозь призму» этнокультурных представлений позволяет говорить не о легендарной, вымышленной, а о прямой, непосредственной «материализации», что служит подтверждением высказанной Ф. И. Буслаевым мысли о том, что «язык ... удерживает на себе следы первоначального мышления» [Исторические 1861, 138]. Приведенные сведения, однако, являлись бы наглядной иллюстрацией отражения в языке архаичных мифологических представлений в том случае, если бы речь шла о собственно русском устойчивом сочетании слов, но в русской фразеологии, как известно, образ зарытой в землю собаки отсутствует, хотя, казалось бы, мотивирующая база для этого в виде описаний ритуального зарывания собаки имеются.

В данном случае в определенном смысле можно говорить о так называемом «когнитивном диссонансе». С одной стороны, бесспорно наличие в немецком языке фраземы-источника *Da liegt der Hund begraben* и ее вариантов с другими смыслообразующими компонентами: *Jude, Musikant, Hund, Geld, Teufel, Hexe*. Данное выражение известно и в других европейских языках – английском, французском, испанском, итальянском, голландском, польском, а также в неиндоевропейских языках – финском и венгерском [Walter, Mokienko 2011, 2010–211], что может свидетельствовать о его типологическом характере. С другой стороны, в ряде славянских (в том числе и в русской) культурных традиций представлены неязыковые сведения, иллюстрирующие ритуальное зарывание собаки, но не вербализованные в виде какой-либо паремии или фраземы. Вместе с тем, по наблюдениям автора данной статьи, в белорусской традиции в том случае, когда в каком-то конкретном месте (чаще всего на дороге) регулярно происходят какие-то неприятные происшествия (например, автомобильные аварии с потерпевшими), говорят: *Тут, мабыць, чорт закапаны*.

Ответить на вопрос, почему именно таким образом проявилось соотношение языкового и неязыкового материалов применительно к рассматриваемой фраземе, очень сложно. Прежде всего, здесь нельзя не учитывать роль почти столетней традиции, в соответствии с которой фразема *Vom где собака зарыта* не без оснований считается калькой выражения *Da liegt der Hund begraben*, функционирующего в немецком языке в различных вариантах. Отсутствие (вопреки внеязыковым «предпосылкам») соответствующего (не зависимо от немецкого источника) оборота в русском языке можно объяснить разными причинами, среди которых основная – таинственный, непредсказуемый и прихотливый путь формирования национальной фразеологии. Еще одним обстоятельством, помогающим понять отмеченный «диссонанс», является гораздо более «поздняя» (в сравнении с западноевропейской и польской) российская фразеографическая традиция. В этом смысле интересно еще одно высказывание выдающегося русского филолога XIX века Ф. И. Буслаева: «Крепкая память пословицы и доселе еще не забыла мифических обрядов» [Исторические 1861, 119]. Однако, если пословица просто не была зафиксирована (или была представлена в

малоизвестном источнике), то ее «память» по каким-либо причинам оказалась недостаточно «крепкой».

Невзорова-Кмеч Елена Александровна, Лодзинский университет, Польша
lena_kmiec@hotmail.com

Новые слова и фразеологизмы в современном ученическом и студенческом жаргоне

Каждая эпоха характеризуется своими языковыми особенностями, в частности появлением новых слов и выражений. Интенсивность таких изменений особо заметна в речи молодежи. В настоящей работе описываются «новые» единицы, которые появились и активизировались в современном польском ученическом и студенческом жаргоне за последние пять лет. Основная цель данного раздела – это показать динамику развития польского субстандарта, пути обогащения польского языка за счет жаргонизмов. Результаты статьи могут служить материалом для комплексного лексикографического описания польского жаргона.

Польский ученический и студенческий жаргон живет так долго, как долго существуют школы. О том, как ранее выглядел этот социолект, можно узнать из дневников, мемуаров, романов писателей и публицистов. Научное описание названных жаргонов приходится на начало XX в., хотя материал, на который опираются лингвисты, может касаться разного времени. Например, Б. Вечоркевич в известной книге *Gwara Warszawska dawniej i dziś* упоминает названия учеников давней академической школы при коллегии св. Яна (Иоанна), основанной в XV в.: *bartoszek* ‘от имени иезуита, ксендза, воспитанника этой школы Бартоломея Холцхаузера, жившего в XVII в.’ или *fiolatek* ‘от фиолетового платья, которое носили воспитанники’ [Wieczorkiewicz, 1974, 316–317]. Развитие школьного образования в XVIII в. осуществилось благодаря учреждению Комиссии народного образования. К этому временному периоду, по утверждению Б. Вечоркевича, относятся слова: *bakalarnia* ‘элементарная школа’, *prezes* ‘самый лучший студент’, *radcowie/ podradcowie* ‘ученики, доносящие на слабых учеников учителю’, *kajet* ‘тетрадошка, записная книжка’, *kasjer* ‘дежурный’, *ośla lawa* ‘место для неуспевающего ученика’, *odbywać kożę* ‘оставаться после уроков’, *skazać na plagę* ‘приговорить к телесному наказанию’, *kanarek* ‘сторож школы’ [Wieczorkiewicz 1974, 317]. Исследователь также приводит жаргонизмы XIX в. как в названной работе, так и в другой им написанной, а именно *Słownik gwary warszawskiej XIX wieku* [Wieczorkiewicz 1966]. Первые же упоминания об ученическом жаргоне находим в статье И. Воляновского *Gwara uczniów lubelskich z lat 1875–1885* [Wolanowski 1902]. На ученический жаргон также одним из первых обратил внимание Г. Улашин, который собрал и описал материал, относящийся к периоду с 1871 по 1914 гг., в работе *Trzy gwary uczniowskie* [Ułaszyn 1938]. В ней представлены три словарика: великопольского (173 единицы), крулеяцкого (404 единицы) и галицийского (430 единиц) ученических жаргонов. В межвоенный период выходит словарь Ф. Гуцвы *Gwara uczniowska w Lublinie* [Gucwa 1938].

Ученический жаргон 30-х гг. описан в словаре И. Шрайбера [Schreiber 1939]. Современное же состояние этого социолекта представлено в изданных словарях под редакцией Х. Згулковой: *Słownik gwary uczniowskiej* [SGU 1991], *Nowy słownik gwary uczniowskiej* (NSGU 2004), а также М. Креса *Słowniczek współczesnej gwary uczniowskiej* [Kres 2016] и др. Также опубликованы, прежде всего, в интернете, словари, словарики, собранные силами учителей и учеников школ в разных регионах Польши [см. Szczerbowski 2018]. Немало также статей на тему ученического жаргона. Их авторами являются Ст. Кая, Ст. Грабяс, Д. Бартоль, Д. Буттлер, Х. Згулкова, К. Чарнецка, Э. Банецкая и другие.

Студенческая субкультура в Польше зародилась с появлением первого университета (1364 г.), и ее описание представлено в труде историка Я. Пташьника [Ptański 1934]. Однако языковым вопросам автор посвятил немного места. Это прежде всего единичные названия общежитий, одежды, некоторых выплат, прозвищ студентов – *Комм. нау*). Можно, тем не менее, по принципу аналогии с трудами о преступном аргю предполагать, что язык средневековых учащихся очень отличался от современного студенческого жаргона» [Szczerbowski 2018, 139]. Больше о жаргоне студентов, но не краковских, а варшавских, и относящегося к XIX в., находим у Б. Вечоркевича [Wieczorkiewicz 1974, 336–351]. В XX в., в конце 60-х гг. был собран материал для словаря польского студенческого жаргона (*Słownik gwary studenckiej* – SGS), а сама работа была опубликована по причинам цензуры лишь в 1994 г. В начале 70-х гг. также занимались описанием речи студентов варшавских вузов Я. Сулковска, Д. Бартоль и др. В 2010 году появляется следующее лексикографическое описание студенческого жаргона – *Słownik slangu studentów Uniwersytetu Gdańskiego*. С 2009 года собираются данные в области студенческого жаргона в Познанском университете. Исследователи сосредотачиваются на локально-жаргонной лексике и фразеологии, т.е. единицах, которые отличают речь познанских студентов от речи учащихся других вузов. В варшавском университете с 2015 г. ведется работа по описанию современного студенческого жаргона, и уже был издан *Słownik języka studentów Uniwersytetu Warszawskiego* (SJSUW). В настоящее время ученые делают акцент на описании локальных ученических и студенческих жаргонов, анализе Интернет-источников, среди которых наиболее популярными являются miejski.pl, www.vasistdas.pl, slang.pl, sjp.pl. Отдельное место занимает исследование текстов Интернет-коммуникации. Ученые отмечают, что «интернет-тексты ввиду своей спонтанности во многом приближаются к записям живой речи и содержат большую квоту современного жаргона» [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005, 10].

Терминологические вопросы.

1.1. Ученический и студенческий жаргон. Следует также заметить, что последние работы значительно ограничивают материал по сравнению с более ранними: SGU, NSGU, SGS. Связано это с тем, что предпринимается попытка отграничить ученический и студенческий жаргон от общемолодежного. Справедливо В. В. Химик (2000) и авторы *Толкового словаря русского школьного и студенческого жаргона* [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005] считают, что отличительной чертой студенческого жаргона является его социально и профессионально ориентированная лексика и фразеология, группирующаяся вокруг определенных идеографических блоков. Тем не менее замечается, что

узкое определение специального жаргона не достаточно для представления его полной картины, поскольку «профессиональное» арготическое ядро, связанное с учебой, составляет лишь одну третью часть всего объема жаргона школьников и студентов [см. SGS, VIII], но, тем не менее, «ориентация на очерченные идеографические блоки, с одной стороны, позволяет достаточно определенно ограничить концептуальную зону функционирования подавляющей массы школьно-студенческих жаргонизмов, с другой – не отсекают от этой массы тех слов и выражений, которые генетически восходят к [иным] источникам» [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005, 10]. Редакторы SJSUW М. Сабаля и А. Журек считают, что при синхронном подходе последствием уделения внимания внешкольным и внеуниверситетским реалиям становится появление в материале жаргонных единиц иных социальных групп (например, работающей молодежи). Мы, учитывая представленные подходы, также старались ограничить материал тематико-идеографическими блоками, связанными с учебой и бытом студентов и школьников (классификации представлены в работах Ст. Кани (1995), К. Войтчук (2000), К. Руты, М. Вжесьневской-Петшак (2013), М. Пахович (2013), М. Сабали и А. Журек (2015), Б. Тарас (2017) и др.) В **ученическом жаргоне** выделяются следующие группы: 1) название (переименование) школы и помещений в школе, 2) школьных объектов, 3) прозвища учителей и сотрудников администрации, 4) названия учеников, 5) школьные приборы и дидактические материалы, 6) названия предметов (уроков), перемены и организованных школьных мероприятий, 7) названия оценок, 8) поведение, связанное с пребыванием в школе, 9) школьные реалии и быт (фольклор); в **студенческом**: 1) название вуза, его подразделений, зданий, помещений, мест, относящихся к нему; 2) прозвища преподавателей, сотрудников администрации, студентов; 3) экзамены и сессия, 4) оценки, 5) названия документов, сетевых систем и платформ (напр. USOS); 6) стипендия или другая социальная или материальная помощь, 7) иные реалии, связанные с учебой и бытом в университете (фольклор).

1.2. Неологизм

При попытке выявления новых единиц следует определить, какие из них могут считаться такими. *Obszwaratorium Językowe Uniwersytetu Warszawskiego* отслеживает и фиксирует неологизмы, появляющиеся, по наблюдениям ученых, каждый день в польском языке ежедневно. По мнению разработчиков и редакторов проекта проф. М.Банько, М. Чешевского, Я. Бужинского и др., новыми единицами, с точки зрения представителей старшего поколения, считаются те, которые вошли в язык после 1989 года, а младшего поколения – после 2000 года. Именно такую цезуру приняли сотрудники OJW, хотя включают в свой словарь и те единицы, которые появились ранее. Они пишут, что «есть и такие люди, которые считают новыми только слова, появившиеся за последний год. Однако такое мнение почти не применяется на практике, поскольку очень сужает объем неологизмов и не учитывает того, что люди не усваивают новых слов одновременно. То, что для одного находится на пике моды, для другого может быть *passé* и *démodé*. Как правило, чем моложе среда общения, тем время течет быстрее, а слова быстрее устаревают» (OJW). Из этого следует, что грань между новым и старым условна и ее очерчивание субъективно. В. М. Мокиенко пишет, что «в любой – самой узко очерченной

хронологически тетради неминуемо отразятся и лексемы и фраземы, пришедшие из более раннего состояния. Это и правомерно, ибо даже самое стремительное движение языковой системы далеко не сразу отсекает путь к употреблению и самых пассивных ее элементов», а «словари неологике могут иметь иметь разный хронологический и пространственный диапазон уже потому, что само понятие «новизны» лексики и фразеологии относительно и нестабильно во времени и пространстве» [Мокшенко 2002, 72–73].

Если говорить о неологике в жаргоне, то представляется, что мы имеем дело с еще более размытым явлением, чем неологикой литературного языка, поскольку для рассматриваемого социолекта характерна большая локальная дифференциация, «индивидуализация» и «окказионализация». Нельзя, несомненно, отрицать наличие ряда общих единиц. На втором месте среди критериев после новизны стоит фиксация единицы словарями жаргона. Этот параметр играет лишь вспомогательную роль в реалиях интернет-жаргонографии, поскольку включает в себя разновременный материал, и мы можем опираться лишь на даты публикации, комментарии (голоса) пользователей, анкеты, опыт и интуицию.

Говоря о школьном и студенческом (молодежном) жаргоне, лингвисты замечают быстрое его изменение. Часто утверждается, что ежедневно возникает новый жаргонизм. Думается, что каждое создание кем-либо молодым (непопулярным) человеком слова и сочетания, однократное их употребление, не получившее сколько-нибудь широкого использования, мы не можем считать жаргонным неологизмом, поскольку жаргон – это прежде всего речь какой-либо социально-возрастной, социально-профессиональной *группы* людей.

Несмотря на это, нельзя отрицать факта, что индивидуально-авторские слова и выражения могут тиражироваться и переходить в социолекты и литературный язык. Б. Хацынский говорит, что все более сильное влияние на язык молодежи во времена соцсетей оказывает деятельность популярных личностей, например, ютуберов, рэперов и т. д. [Chaciński 2019]. Исследователь замечает, что словотворчество играет важную роль в популяризации и продвижении на рынке самих исполнителей рэппа, хип-хопа. Они могут просить поклонников предлагать созданные ими новые слова (которые, например, являются названием песни-хита, альбома и т. д.) для голосования в ежегодном плебисците «Młodzieżowe słowo roku», из которых жюри выбирает наиболее популярные (например, *Patointeligencja (pato)* ‘поколение родителей, которые отправляют своих детей в элитные школы, заставляют их учиться и участвовать в крысиных гонках за хорошими оценками’ (рэппер Maty), не выигравшее место в списке слов: *Chillwagon* ‘название музыкальной группы; проект’; не прижившееся значение ‘спокойствие, расслабленное состояние’ в 2019 г.). К молодежным неологизмам из популяризованных рэппом относятся: *alternatywka* ‘девушка, которая отличается от других альтернативными предпочтениями в музыке (Lil Peep, Billie Eilish) и одежде’ (Koza), *kadimakara* ‘новый человек, новичок в какой-либо группе’ (Koza), *jagodzianka* ‘(-> *jagodzianka* – ‘разг. булочка с черничной начинкой’) банкнота в 500 злотых (по сходству с фиолетовым цветом)’ (Malik Montana), *prestiz* ‘что-то привлекательное, превосходное, отличное’ (Young Igi, Żabson), *hallo* ‘приветствие по телефону’ (Mobbyn, Belmondo), *eluwina* ‘форма приветствия знакомых’ (Kasper Błoński). Многие из таких слов и выражений быстро приживаются, но и быстро в течение

года – полутора выходят из употребления в связи с изменением реалий, моды и других факторов. Это не означает, что они не обретут когда-либо новую жизнь через несколько лет, как это произошло со словом *byk, dzik, mordo* ‘приветливое обращение к другу, приятелю’ (популярное в 90-е гг. XX в. благодаря выходу на экраны фильма «Kiler» (реж. Ю. Махульский) и реактивированное Тасо Hemingway и Belmondo) вместо *typ* и *typiara* ‘то же зн.’ [Chaciński 2019].

Известность, популярность человека, события, героя, созданная произведениями массовой культуры, СМИ, а также интернет-общение способствуют как появлению новых единиц, так и их устареванию. Новизна ощущается молодыми людьми в течение от 1 до 5 лет (на этот срок указывают, в частности, исследователи И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева, В. Е. Щербина). М. Ницкорска в статье от 10.01.2018 г. для газеты *m.trojmiasto.pl* «*Dissują, prankują i ogarniają. Czyli co się odjaniepawła w młodzieżowym slangu*» (*dissować* ‘закрывать кому-либо рот’, *prankować* ‘подшучивать над кем-либо’, *ogarniać* ‘понимать что-л., разбираться в чем-л.’, *odjaniepawłać* ‘вести себя необычным образом; наносить вред кому-л. своими действиями, поведением’) приводит высказывание некоего Томека из Гданьска, отца 15-летнего юноши, которое в полной мере отражает процесс обновления жаргона: «*Kiedy zadążyłem już przyswoić wyrażenia typu: być na prosię, rozkminić coś, ale beka, masakra, LOL, ziom, cool, cebula, melanz, kozak, gimbaza, okazało się, że to już oldskul*». А по данным словаря сленга «*miejski.pl*» (дата внесения указана в скобках): *props* ‘уважение, признание’ (2010), *rozkminić* ‘понять что-л., думать над чем-л., пытаться найти решение’ (2007), *beka* ‘что-то смешное, забавное’ (2013), *masakra* ‘преувелечение проблемы’ (2006), *LOL* ‘очень смешно’ (по данным названного словаря, в 2008 году этот акроним набирает 2144 голоса «за», в то время как в 2019 – их остается лишь 13, а с 2020 г. получает 9 отрицательных голосов), *ziom* ‘приятель, друг’ (2007), *melanz* ‘вечерика, попойка’ (2006), *kozak* ‘отважный, сильный, но глупый человек, 2) человек, который высоко себя ценит’ (В 2006 – 54 «за», в 2011 – 20 «против»). Слово также отмечено во 2-ом значении в NSGU, 177; появилось же оно значительно раньше, а именно в конце XIX в. в значении ‘бандит’ в преступном арго (SGWar, 242), ‘преступник, часто сидящий в тюрьме’ (Ludwikowski 1922 /вслед за Estr./, 40), ‘1) смелый хитрый человек, хулиган, задира, опытный преступник (1967), 2) преступник, специализирующийся в каком-л. виде деятельности, вор, 3) тюрем. часто приговоренный к тюремному заключению, преступник с большим опытом, 4) совершивший разбойное нападение, 5) шулер, 6) фальшивомонетчик, 7) тюрем. мастер на тюремном производстве, 8) драка, избивение, 9) число «один», единица, 10) сто злотых, 11) золотой рубль (монета), 12) немецкая марка, 13) табулет’ (STGP, 257 – 258), также отмечается и в варшавском просторечии – ‘молодец’ (SGWar, 242), в галицийском ученическом социолекте ‘1. пренебр. о слабом человеке, который пробует помериться силами с более сильным, 2. смелый человек’ [Ułaszyn 1938, 103], в студенческом жаргоне (SGS, 66) – *kozak* ‘разг. общепол. талантливый, выделяющийся на фоне других особенно в учебе человек’, но в 2018 году *kozak* – это определение чего-л., кого-л. хорошего, отличного, замечательного. Оно заняло место таких популярных единиц, как: *fajnie, super, zajebiście, sztos* ‘то же зн.’; *cebula* ‘провинциал из деревни’ (в 2015 возникло на месте слов: *burak, sloik*, но не прижилось, употребительным стало в ином значении – ‘примитивное поведение, манеры, указывающее на отсутствие воспитания’ (2017)).

Новое-неновое в ученическом и студенческом жаргоне.

Ученический, так же, как и студенческий жаргон, отличается преемственностью поколений, т. е. часть лексико-фразеологических единиц имеет уже более чем вековую историю [Zgółkowa 2005]. Например, с XIX в. остались *pierwszaczki/pierwszaki* 'ученики первых классов', *buda* 'школа', *leje* 'уроки', *frani* 'французский язык (урок)', *niemiec* 'немецкий язык (урок)', *polak* 'польский язык (урок)', *kacarp* 'русский язык (урок)', *gimna* 'гимнастика, физкультура', *kujon* 'зубрила', *kowal* 'прилежный ученик, зубрила', *nygus* 'слабый неуспевающий ученик', в конце XIX – начале XX в. зафиксированы Г. Улашиным в великопольском ученическом социолекте: *byk* 'ошибка', *dać fak* 'человек [ученик], который не нравится окружающим', *fujara* 'нерасторопный человек, неумеха', *kajet* 'тетрадь', *kapować* 'понимать', *klaja* 'класс (аудитория)', *kniga* 'книга, учебник', *kuć* 'учить (усиленно, интенсивно)', *lizus* 'ученик/ученица, которая подлизывается к учителю', *pila* 'строгий учитель', в крулевицком – *belfer* 'учитель', *belferka* 'учительница', *buda* 'школа', *dwója* 'неудовлетворительная оценка, двойка, единица', *dykta* 'диктант', *dyr/dyra/ dyrek* 'директор школы', *franc* 'французский язык (предмет)', *geś* 'ученица', *gość* 'человек', *granda* '1) группа одноклассников; 2) ругань, ссора, конфликт', *kaczka*, *kic*, *koł*, *koń*, *lufa*, *pala* 'неудовлетворительная оценка', *klasówa* 'контрольная (самостоятельная) работа', *kory/ korki* 'дополнительные уроки с репетитором', *kowal* 'прилежный ученик, зубрила', *niemiec* 'немецкий язык (школьный предмет)', *dać nogę* 'убежать с урока', *obkuty* 'подготовленный к уроку, экзамену', *pedrak* 'неуважительно, пренебрежительно о младшем ученике', *piątka*, *piona* 'оценка «пять» (отлично)', *pila* 'строгий требовательный учитель', *piłować* 'страшать ученика', *rela* 'религия (предмет)', *ruch* 'русский язык (предмет)', *skapować* 'понять', *ściągaczka* 'шпаргалка', *ściągać* 'списывать', *tornister* 'ранец, рюкзак', *trója* 'удовлетворительная оценка', *uczniak* 'ученик', *zwiad* 'убежать с урока'; в галицийском – *dziopa* 'ученица; девушка', *fiza* 'физика (предмет)', *kier* 'глупый человек, слабый ученик', *kowal* 'зубрила', *kuć* 'зубрить', *lizus* 'подлиза', *obkuwać* 'учить наизусть', *oblać* 'получать неудовлетворительную оценку', *odwalać lekcje* 'списывать', *paczka* 'группа учеников/ студентов', *pila* 'строгий, требовательный учитель', *piłować* 'мучать кого-либо', *psor* 'профессор', *sztama* '1) дружба, 2) форма приветствия'. Эти единицы в той же форме и в том же значении находим и в NSGU.

После сравнения одного из последних собранных материалов в SiGU (400 единиц, из которых 152 связаны семантически со школьными реалиями) с данными NSGU, отметим, что лишь 53 единицы не зафиксированы в последнем (т. е. условно темп обновления – это ок. 4 – 5 слов в год), из которых обновлений больше в следующих полях: оценки – 11 лексических единиц, а новых названий для «5» (пятерки) – 5; школа – 9 единиц (2 – обозначают гимназию); школьные предметы – 15 единиц, из которых 3 для ИЗО, а 2 для природоведения. Лексические неологизмы представляют собой:

1) **формальные преобразования** (15): *ang* 'английский язык (предмет)', *biblio* 'школьная библиотека', *bibliotekara* 'сотрудница библиотеки, женщина-библиотекарь', *biolcha* 'биология (предмет)', *dwójca* 'оценка два', *gimba*, *gimbazium* 'гимназия', *gimka* 'sala gimnastyczna', *piątka*, *piątunia* 'оценка «5»', *przyra*, *przyrka* 'природоведение (школьный предмет)', *reli* 'религия', *spirac* 'убегать, сбежать', *stolówa* 'столовая', *trójczynka* 'оценка «3»';

формально-семантические (10): *fifciak* ‘оценка «5»’, *kompy* ‘информатика (школьный предмет)’, *kujonowo* ‘школа’, *majsa* ‘математика’, *nudzarnia* ‘1. урок, 2. школа’, *pentakill* ‘ученик, который получает много оценок за один день’, *plastyk* ‘изобразительное искусство (школьный предмет)’, *stypa* ‘стипендия’, *technik* ‘труд (школьный предмет)’, *wuefik* ‘физкультура’;

семантические: а) заимствования из английского языка (4): *art, paint* ‘изобразительное искусство (школьный предмет)’, *ask* ‘вопрос’, *fejm* ‘популярный в кругу школьной общественности человек (ученик)’, *history* ‘история (школьный предмет)’, *mjuzik* ‘музыка, новый предмет’, б) внутренние заимствования из литературного языка, разговорного языка или жаргонов (13): *bazar* ‘школа’, *brzuchu* ‘удовлетворительно (оценка «3»)', *hiszpan* ‘испанский язык (школьный предмет)’, *karton* ‘школа’, *jeden* ‘неудовлетворительная оценка’, *pede* ‘домашнее задание’, *pigula* ‘отлично (оценка «5»)', *plastuś, plastyk* ‘изобразительное искусство (школьный предмет)’, *sztos, szuja* ‘оценка «6»’, *światlik* ‘место внешкольных занятий, внешкольные занятия’, *tortury* ‘школа’; фразеологические – а) преобразованные семантически и/или формально сочетания (5): *Być albo nie być, oto jest pytanie* ‘высказывание, направленное в сторону того, кто очень долго думает’, *drugi dom* ‘школа’, *Dzień niepodległości* ‘день учителя’, *Jedz placki, będziesz wielki!* ‘высказывание, обращенное к человеку, который на уроке физкультуры должен показать свою силу’, *puudelko zła* ‘коробочка, из которой учитель достает вопросы на уроке’, б) заново созданные сочетания (6): *ciocia Wikipedia* ‘Википедия – интернет-энциклопедия’, *doktor Google, wójo Google* ‘поисковая система Google’, *dom zua* ‘школа’, *łoża loosera* ‘школа’, *miejsce edukacji lbów* ‘школа’, *noc niemoc* ‘немецкий язык (школьный предмет)’. Из перечисленных неологизмов из SĪGU продуктивны формально-структурные (мотивированные) неологизмы и семантические преобразования слов других жаргонов и слов литературного, разговорного польского языка. Вопреки тенденции англоизации польского языка заимствования из английского в ученическом жаргоне не стоят на первом месте в ряду путей его обновления. Такая же тенденция присутствует и в студенческом жаргоне.

По данным С. Грабьяса, в нем только 1% заимствований (не только англицизмов). Отметим также, что представленные в классификации единицы не относятся к общепольским. Опрос, например, лодзинских школьников (30 человек) на знание и употребление этих слов и выражений не дал положительного результата (ни один из учащихся не использует в речи этих единиц, но может понять большую часть их них), что совпало и с данными, полученными в результате проверки на наличие этих жаргонизмов в интернете. Причинами этого, думается, являются: 1) окказиональное употребление или, возможно, 2) выход из употребления или использование в официальном названии (например, проект *#kujonowo*). Реформы (*deformy*) в системе образования, события, связанные с ней, также влияют на обновление жаргона (*zadanie 19* ‘самое трудное задание в экзаменационном тексте для восьмиклассников’). Введение гимназий породило ряд единиц в жаргонизированной разговорной речи (*gimbus* ‘1) ученик гимназии, 2) глупый учащийся’, *gimbaza, gimba, gimbasiarnia, gimbuda, gimna, gimnaja, gimpel, gimbazjum* ‘гимназия’, *gimboquiz* ‘выпускной экзаменационный тест или

подобный ему тест'), их ликвидация вызовет исчезновение, трансформацию и переход в иной жаргон, разговорный или литературный язык.

Благодаря вспышке эпидемии коронавируса и переходу на дистанционное обучение появились *koronaferie* 'каникулы во время эпидемии коронавируса', *koronaświrus* '1) коронавирус, 2) учащийся на уроках on-line', *koronaidiota*, *koronazjeb* 'человек, не соблюдающий правил безопасности во время эпидемии'. Активизировался и без того активный сетевой и компьютерный жаргон, взаимодействующий с ученическим, студенческим (общемолодежным): *offtorować* 'принимать участие в дискуссии на форумах и говорить не на тему', *iwonka*, *grażynka* 'сетевой администратор', *zadanie kopiuj-wklej* 'задание, не требующее многих усилий', *pasta* 'копировать и вставлять текст в документ', *aktywować WinRAR'a* 'делать что-л. бессмысленное', *zapdejtowany* 'продвинутый студент', *sieciowanie* 'занятия on-line', *wejście trolla* 'нелегальное вхождение на платформу, на которой проводится урок, с целью его сорвать', *być na linie* 'участвовать в занятиях on-line', *tapka w górę* 'нажать значок, который покажет, что вы хотите взять слово, отвечать на занятиях on-line', *odzobaczyć*, *odusłyszec* (< по образцу напр., *odłączyć*, обычно в сочетании с *nie da się ...* 'не получится не увидеть то, что увидел; не услышать то, что уже услышал' и др.). Благодаря исполнению президентом А. Дудой рэпа в проекте #Hot16ExChallenge2 фраза *Nie pytają Cię o imię, Walczą z ostrym cieniem mgły* стала популярной в ученической и студенческой среде. Непродолжительное время употреблялись единицы, возникшие на фоне сделанных учителями ошибок в телепрограмме для учащихся школ *Szkola z TVP: zdalnian lekcjanu* 'плохой урок on-line'; *być parzystym* 'о людях, состоящих в дружеских и/или семейных отношениях'. Среди других единиц, появившихся в языке, можно назвать: *bezmaskowiec* 'разг. человек, не носящий маски', *kowidowiec* 'разг. человек, зараженный COVID-19', *koronacelebrysta* 'разг. известный человек, заболевший коронавирусом', *koronews* 'разг. новости во время эпидемии коронавируса', *koronabus* 'разг. автобус телекомпании TVN'.

Студенческий жаргон, как и ученический, заметно не обновился за последние пять лет, а появившиеся новые единицы можно отнести к окказиональным или жаргонным регионализмам. Например, в Лодзинском университете (13 факультетов) к таким единицам относятся: *kalafior* 'фонтан перед зданием университетской библиотеки', *szklany dom* 'здание филологического факультета', *Filo* 'главный вход филологического факультета', *eksoc* 'экономическо-социологический факультет', *kokakola* '<koło naukowe – студенческий научный кружок'. Названия могут прижиться и даже перейти в разряд официальных или полуофициальных, как произошло с жаргонизмами *Wieża Babel* 'студенческое общежитие № XIV (в котором проживают преимущественно иностранные студенты)', *BUŁa* 'библиотека Лодзинского университета', *Paragraf* 'здание юридического факультета', *Lumumbowo* 'студенческий городок'. Не только в Лодзи, но в вузах других городов появились новые, характерные для студенческого жаргона единицы, которые входят в такие поля, как процесс обучения, виды занятий, экзамены, зачеты (*dokształty* 'консультации', *adapciak* 'интеграционный лагерь для новых студентов', *studbaza* '1) обучение в вузе; 2) студенты вуза', *semka* 'семинар', *zalka* 'легкий

зачет'), студенты, аспиранты (*postdoc* '1) аспирант, находящийся на стажировке; 2) стажировка', *uołowiec* 'беззаботный студент', *uk* 'студент, который хорошо учится и много знает (антонимичное *nieuk* (неуч))', *kuc* 'студент, изучающий точные науки', *bezzębny* 'организация, группа, человек слабый, безрезультативный в своих действиях', *wykształciuch* 'человек, считающий себя образованным', *dżban, tęgoryjec* 'глупый студент'), атрибуты, документы студента (*legitka* 'студенческий билет', *dresacze* 'удобная одежда на занятия'), отношения студент-преподаватель (*żebromeil* 'e-mail, содержащий просьбу к преподавателю') – и образованы теми же продуктивными способами, что и неологизмы ученического жаргона: морфологический (вместе с аббревиацией и усечением производящей основы), метафоризация и метонимизация.

Фразеологизмы, которые характерны для студенческого жаргона, – это: структурные неологизмы (а) заново созданные (*wiarygodny jak pasek w TVP* 'человек, говорящий неправду' (TVP – центральный государственный телеканал), *tryb studencki* 'принимать амфетамин во время сессии', *zadanie z rakiem* 'очень трудное задание' (< *dać raka* 'поставить в тупик'), *golić parasol* 'отвечать невпопад, говорить ерунду, не на тему', *iść/ zdawać na głupa* 'сдавать экзамен, не зная предмет и не готовясь к нему, рассчитывая на везение, удачу' (образовано по активной модели [gobić] + na + сущ. или наречие '[делать] по образцу кого-л., как кто-л., что-л.': *na Adriana, na czaban, na Leona, na Niemca, na Hiszpana, na Szymona, na waleta, na Wałęsę, na żula*); *podanie o sranie* 'заявление (документ) для решения какого-л. мелкого вопроса', *lecieć na fance* 'получать неудовлетворительные оценки', б) трансформированные единицы: *marsz ludu* 'группа студентов, которая ходит по университету в поисках преподавателя, чтобы тот подписал какой-либо документ' (< *wędrówka ludów* 'переселение народов'), *lecieć w grzyba* 'давать неправильные ответы' (< вульг. *lecieć w chu..a* 'смеяться над кем-л., надсмеяться' и неосемантизмы: *komnata tajemnic* 'деканат' (от названия одной из книг серии о Гарри Потере).

Подводя итоги, можно сказать, что несмотря на реформы в образовании, изменения программ обучения, студенческий и ученический жаргон живо на них не реагирует, сохраняется значительный пласт лексики и фразеологии прежних эпох, а отдельные неологизмы на него наслаиваются, таким образом рассматриваемый жаргон представляет собой своего рода «палимпсест» [Kołodziejek 2005, 194]. При дальнейшем изучении необходимо отмечать и фиксировать новые появляющиеся фрагменты, которые, собранные в целое, могут показать полную картину изучаемого языкового явления.

Игнатъева Наталья Дмитриевна, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург,
Россия
nataliagasheva@yandex.ru

Диалектизмы в новой русской фразеологии и фразеологические неологизмы в диалектной речи

Неологизация в русских говорах стала предметом изучения в первой половине XX века. Ф. П. Филин писал в конце 40-х годов XX в.: «...на наших

глазах происходят грандиозные изменения в языке деревни, вызванные социалистической перестройкой сельского хозяйства. То, что мы можем записать теперь, когда процессы изменений диалектной речи предстают перед наблюдателем в своем обнаженном виде, вряд ли смогут записать грядущие поколения ученых» [Филин 1949, 7]. В XXI веке эти слова остаются такими же актуальными, так как то огромное количество лексико-фразеологических инноваций, вошедших в диалектизмы вслед за установлением нового советского образа жизни в первой половине XX века, уже не повторилось в последнее столетие.

О. Г. Борисова в своем исследовании, посвященном кубанским говорам, отмечает, что число «диалектных новообразований, появившихся в последние годы, невелико. Большинство из них – это уже неактуальные неологизмы советского периода. Именно в этот временной отрезок лексическая система кубанского диалекта пережила своеобразный «неологический взрыв» [Борисова 2012, 169].

Неологизмы, которые будут рассмотрены нами ниже, уже утратили один из своих признаков – новизну. Однако, руководствуясь конкретной задачей нашего исследования – анализом неологизмов в диахроническом разрезе, для нас важны не только *актуальные* неологизмы-новообразования «нашего времени, в котором живет носитель языка», но и *неактуальные*, привязанные к определенному историческому этапу [Лыков 2003, 121].

Рассмотрим несколько примеров на материале «Полного словаря фразеологии русских народных говоров» (ПСФРНГ) – масштабного проекта фразеологического семинара профессора В. М. Мокиенко (2017–2019 гг.).

Ванька с трудоднями. 1. Пск. Шутл. О трудолюбивом колхознике с хорошим заработком. 2. Волг. Пренебр. Ничем не выдающийся, незначительный человек.

Чёрный ворон. 1. Пск. Пск. (Латгал.) Разг., Том. Закрытая автомашина для перевозки арестованных. 2. Жарг. мол. Шутл.-ирон. Боец ОМОНа.

Чёрный ворон прилетел. Том. О ситуации ареста.

Работать за колышки. Арх. Неодобр. Трудиться за колхозные трудовни (отмечаемые ровной чертой – «палочкой», «колышком»).

Работать на колышек. Забайк. Получать оплату труда, исчисленную в трудовнях.

Приписать пятилетку кому. Прибайк. Осудить кого-л. сроком на 5 лет. ФСРГП 2006, 143.

Заходить/ зайти в колхоз. 1. Пск. Входить, вступать в какую-л. организацию. 2. [залезть] Прибайк. Вступить в колхоз.

Началсь в колхозе утро. Жарг. мол. Неодобр. О начале чего-л. нежелательного.

Всем колхозом. Пск. Всем коллективом, всей группой (родственников, друзей, односельчан и т.п.).

В то время как одни фразеологические неологизмы уже ушли вслед за покинувшими нас историческими реалиями (*трудодни*, *пятилетка*, *работать за колышек*, *чёрный ворон*), другие не утратили своей актуальности и сейчас. Так, выражение *всем колхозом* сохранилось в своем первоначальном значении 'все вместе, совместно, коллективно' и в сегодняшней разговорной речи: «Да и я, признаться, чертовски устал от ночных посиделок на лестнице и от хождения

по этажам в поисках не знаю чего. И вообще, надоело всем колхозом... Я вот что подумал. Хочешь, мы тебе комнату устроим?» [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)].

Войдя в язык диалектов в первой половине XX века, прилагательное *колхозный* довольно активно функционирует и в разговорно-обиходной речи XXI века, приобретает уже новую коннотацию. Если в словаре под ред. Д. Н. Ушакова мы находим два значения к слову *колхозный*: ‘прилагательное к *колхоз*’ и ‘ставящий себе целью создание колхозов; связанный с управлением ими’, то в современном русском разговорно-обиходном языке частотное употребление получило и новое оценочное: ‘безвкусный, отсталый’: *колхозный тюнинг, колхозная мода, колхозный сайт, колхозный стиль*. Любопытное толкование выражения *колхозный тюнинг* приводится на одном из автомобильных интернет-сообществ. «Термин *колхозный тюнинг* появился в России в 90-х годах. Означает нефункциональную внешнюю “доработку” автомобиля с целью придать ему более дорогой и представительный, по мнению владельца, внешний вид. Зачастую ухудшает технические характеристики автомобиля и часто становится объектом насмешки окружающих. Название, вероятно, появилось по причине того, что в 90-х годах первыми объектами колхозного тюнинга становились старые автомобили советского производства в сельской местности»⁹⁵.

Следует признать, однако, что в целом процесс неологизации диалектизмов в последние годы не является активным: преобладают уже неактуальные неологизмы, привязанные к определенным историческим периодам, преимущественно к советскому; заметна также динамика, направленная на освоение носителями говоров литературной нормы; ввиду социального ограничения диалектизмов (в основном, это крестьяне старшего поколения) значительный пласт современных неологизмов из литературного языка остается неосвоенным (экономическая, общественно-политическая, техническая сферы) в диалектах.

С другой стороны, сами диалектные обороты, наряду с искусственно созданными словами, кальками, могут активно пополнять корпус фразеологических неологизмов. В отличие от заимствований, характеризующих политический дискурс, экономику, моду, спорт, научно-технические и другие реалии, диалектизмы направлены на характеристику человека и различные сферы его деятельности, преимущественно негативно окрашенные.

Подход С. И. Алаторцевой, в котором подчеркивается относительность понятия «новое» [Алаторцева 1999, 16], дает нам возможность включить и диалектизмы в контекст неологизмов. «Новыми в литературном языке N-го периода времени могут быть признаны слова, значения и сочетания, представляющие собой как новообразования данного периода, так и внешние и внутренние заимствования в нем, а также слова и сочетания, вновь ставшие актуальными в указанный период» (там же).

Наряду с ПСФРНГ материалом для анализа послужил Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи В. В. Химика (2017), из которого были взяты примеры с пометой *диал.* Критерий общепонятности и общеизвестности, применяемый для отбора лексики и фразеологии в словаре В. В. Химика,

⁹⁵ <https://www.drive2.ru/b/783787/> (дата обращения: 03.06.2020)

позволил нам проследить путь выхода местных диалектизмов за пределы узких территориальных групп населения и их становление общеупотребительными в неофициальной сфере общения. Рассмотрим несколько примеров.

Ботан ‘прилежный, старательный ученик, отличник; зубрила’ произошло из угол. *ботать* ‘говорить’ или от диал. ‘шуметь, стучать’ [Химик 2017, 72]. «Нормально так себе жил. Не как **ботан** какой-нибудь. Школу свою терпеть не мог, ну чего там интересного?» [Ольга Андреева, Григорий Тарасевич. Отличники с Манежной // «Русский репортер», № 3 (181), 27 января 2011]. «Ну ладно, если ты какой-то воспитанный ботан, а если вот такой балбес-непоседа?» [Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)].

В ПСФРНГ находим следующие производные от глагола *ботать*:

Надавать ботанцев кому. Волог., Курск. (1859), Симб. ‘избить кого-л’. < Ботанцы – побой.

Принима́ть ботанцы [от кого]. Урал. (1930). ‘быть побитым, испытывать побой’.

Примеры, приведенные ниже, иллюстрируют более широкую сферу распространения и разнообразие стилистических коннотаций фразеологических единиц (ФЕ) в областных говорах по сравнению с достаточно ограниченной и закрытой структурой фразеологизмов в разговорно-обиходной речи.

Съехать с глузда (глузду) ‘сойти с ума, стать ненормальным; совершить заведомую глупость’. В диалектах *глузд* обозначает ‘разум, ум’ [Химик 2017, 150]. Многие слависты считают это слово украинизмом.

В ПСФРНГ зафиксированы различные варианты употребления:

Со всех глуздов. Смол. (1853). Со всей силы.

Глузду не сварить кому; **глузды не варят** у кого. Пск. Шутл. Об утрате способности понимать, соображать.

Сбивать/ сбить с глузду кого. Волг. Запутывать, дезинформировать кого-л.

Сбиваться/ сбиться с глузду. Курск. (1849). Приходить в замешательство, запутываться.

В разговорной речи преобладает *съехать с глузду*: «– **С глузду съехал? Дай хоть кусок спокойно проглотить! В одной, чай, спецколле учились!**» [Валерий Попов. Будни гарема (1994)]. «*Саша угадал ее мысли. – Что, считаешь, я с глузду съехал? С роликов скатился? – Честно говоря, да...*» [Марианна Баконина. Школа двойников (2000)].

Карачун ‘смерть, гибель (обычно внезапная, мгновенная), неблагоприятный исход’. От др.-русск. ‘день зимнего солнцеворота’ или от диал. ‘смерть, злой дух’ – пень, деревянный обрубок, ритуально сжигаемый в день зимнего солнцеворота [Химик 2017, 343].

Дать/ задать карачун (карачун). 1. Прост. Умереть. 2. кому. Влад., Волог., Казан., Перм., Ряз., Тамб., Твер., Том., Яросл. Убить кого-л.

Карачун его знает. Ворон. Бран. (1892). Известно; черт знает.

Карачун пришёл кому. Прост. Кто-л. умер.

Карачун тебя (его, их и т.д.) возьми! Ворон. Бран. (1892). Недоброе пожелание, проклятье.

Карачун хватил кого. Орл. (1901), Прибайк. Кто-л. умер.
«Обустроился, наладил хозяйство, жить собрался, да тут ему и карачун пришел» [Афанасьев. Зона номер три]. «В Ленинграде в издательстве <<Советский писатель>> рассматривали мою рукопись, и рукописи грозил карачун» [Час пик 17-23.10.2001]. «Ему по некоторым причинам выбраться затруднительно, а разговор не для телефона, так не мог бы я сам подъехать, но только сразу с покупателем и задатком, а то ему карачун» [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Голимый ‘дрянной, негодный, жалкий’. От диал. ‘достигший предела, полный’ [Химик 2017, 158]. В ПСФРНГ встречаем следующие примеры:
Наголицмый дурак. Новг. Пренебр. О крайне глупом человеке. < Наголимый – сплошной, без примеси.

Голь голцмая. Сиб. Открытое место.

В Большом словаре русских пословиц [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010]: **Мёд да малина – вкус наголимый.** Волог. Наголицмый ‘вкусный, приятный, сладкий’.

«Хозяйка считает, что студенты пьют пиво, ругаются матом, живут на нечестные деньги и все такое. – Идут и орут передо мной: дрянь гонимая! Сами они – дрянь гонимая! – возмущается бывшая работница авиационного КБ. – ...Голимая, – машинально поправляю я, и она в ужасе всплескивает руками» [Час пик 17-23.10.2001].

Калган ‘голова’ от диал. ‘деревянная миска, кружка, ковш’, возм. из тюрк. [Химик 2017, 339]. В ПСФРНГ находим разнообразные примеры употребления:

Взять на калган. 1. что. Омск. Ударить головой по мячу. 2. кого. Жарг. Угол. Ударить головой в лицо кого-л. 3. кого. Жарг. Угол. Ударить кого-л. по голове. < Калган – голова; первоначально – деревянная чашка, горшок (обл.).

Гнилой калган. Волг. Бран. О крайне глупом человеке.

Закрывать калган кому. Жарг. угол. Проломить череп кому-л.

Калган не варит/ не сварит у кого. Вят., Орл., Печор., Прост., Сиб. О бестолковом, плохо соображающем человеке.

Калган не дошёл у кого. Пск. Кто-л. не понял, не сообразил.

Калган пелами набит [у кого]. Пск. Ирон. или Неодобр. О глупом, бестолковом человеке. < Пелы – мякина, отходы при обработке зерна, льна.

Калган пустой. Ряз. Бран. (1911). О глупом, бестолковом человеке.

Калган раздумывается у кого. Прост. О головной боли.

Калган с букашками у кого. Пск. Ирон. О глупом, тупом человеке.

Насадить на калган кого. Жарг. угол. Ударить головой в подбородок кого-л..

Калганом не варит. Пск. Неодобр. О бестолковом, плохо соображающем человеке.

В современном разговорно-обиходном языке употребление данной единицы более ограниченное:

«Я тоже эту оперу по радио слышал... Если выключить нельзя, калган от нее трецит» [Г. Г. Демидов. Оборванный дуэт (1973)]. *«Я ему в калган шмальну, потом сброшу к Лёхе в карьер»*. [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21–39 (2011)].

Примеры с единицами *калган*, *голимый* демонстрируют возникающую при анализе диалектизмов в новообразованиях проблему происхождения единицы, которое не всегда можно однозначно определить (от диал. или тюрск (*калган*); от диал. или укр. (*голимый*)).

Итак, мы попытались рассмотреть два процесса, связанные с диалектизмами: возможность обогащения диалектного фонда литературными новообразованиями для обозначения собственно новых реалий и пополнение самих неологизмов за счет местных говоров с целью наименования уже существующих явлений и фактов. Наши наблюдения позволили убедиться в довольно стабильной ситуации внутри диалектной лексики, где после мощного советского лексического всплеска, количество новообразований уже больше так активно не появлялось, а также в возможностях расширения состава фразеологических неологизмов в литературном языке за счет диалектизмов.

III. Фразеологические неологизмы в тексте и прецедентном тексте

Королькова Анжелика Викторовна, СмолГУ, Смоленск, Россия
lika.korolkova@bk.ru

Фразеологические неологизмы и фразеологические окказионализмы в современной русской афористике

Русский язык рубежа XX–XXI веков отражает структурные изменения, происходящие в социуме, в общественной, экономической, политической жизни. При этом наблюдаются активные динамические процессы неологизации и архаизации (деархаизации) лексической и фразеологической систем языка, обусловленные экстралингвистическими и внутриязыковыми факторами.

Фразеологические неологизмы (как и неологизмы-лексемы) появляются в языке в связи с социальной потребностью в наименовании новых явлений и процессов. Однако более важным фактором, обуславливающим появление фразеологических неологизмов и окказионализмов, является тенденция к экономии языковых средств и экспрессивно-эмоциональная выразительность. Количество фразеологических неологизмов, появившихся в современном русском языке за последние десятилетия, значительно.

Современная русская афористика отражает трансформацию общественно-политического сознания и ментальности, следовательно, и все изменения, происходящие в языке и речи. Фразеологические неологизмы и окказионализмы афористики в полной мере соответствуют динамике развития современного русского языка.

Афоризмы нашего времени условно можно разделить на несколько групп: афоризмы массовой коммуникации, афоризмы литературных текстов (вводные афоризмы, по терминологии Федоренко и Сокольской) (1990), афоризмы как отдельные литературные тексты, афоризмы научных текстов, ернические афоризмы (обиходно-бытовые), а также антиафоризмы [Мокиенко, Вальтер, 2005]. В каждой из этих групп современной афористики в большей или меньшей степени присутствуют фразеологические неологизмы.

Отметим, что фразеологические неологизмы в современной речи (особенно в публицистическом дискурсе) довольно быстро перестают восприниматься как нечто новое, становятся привычными и повседневными, утрачивают яркость, необычность, так как СМИ постоянно их транслируют. Так, фразеологические неологизмы *голубые фишки*, *золотой парашют*, *голосовать ногами*, *закручивать гайки*, *дорожная карта*, *эффект бабочки* практически утратили новизну и вошли в активный запас языка.

Фразеологическая неология проникает в обиходно-бытовую афористику, афористику массовой коммуникации и афоризмы, созданные как отдельные тексты, в меньшей степени – в афористику художественных текстов.

Руководство на золотых парашютах планирует прочь (АИФ)

Золотое правило корпорации: чем выше золотой человек, тем больше золотой парашют (АИФ)

Фразеологические неологизмы и особенно фразеологические окказионализмы необходимы афористике для придания изречению экспрессивно-эмоциональной окраски, для привлечения внимания к

парадоксальности и новизне идеи. Современной афористике присуща ироничность, интертекстуальность, языковая игра. Часто встречается окказиональное каламбурное переосмысление известных фразеологических единиц, пословиц, поговорок, крылатых выражений.

Бывает, что и добро не к добру (Олег Кривченко)

Чему быть, того не миновать, а побарахтаться в любом случае стоит (Борис Акунин)

Человек – это звучит больно (Эдуард Кочергин)

Мы не теряем времени. Это время теряет нас... (Михаил Мамчич)

В афоризмах из литературных текстов окказиональная фразеология более активна, чем просто фразеологическая неология. Так, например, в афористике Юрия Полякова обнаруживается множество фразеологических окказионализмов. Например: *Вот тебе, бабушка, и Гайдаров день! Телевизор – это окно в коллективное бессовестное*. Или название фильма *«Игра на вылет»*, снятого по книге Юрия Полякова.

Афористичность присуща произведениям не всех современных авторов и может считаться приметой индивидуально-авторского стиля. Юрий Поляков афористичен, о чем свидетельствуют две книги афоризмов *«Бахрома жизни»* (2013) и *«От А до Я. Самая полная энциклопедия афоризмов, мыслей и цитат»* (2015). Афористике Юрия Полякова присущи тематическое разнообразие и стилистическое богатство, а его авторская позиция, зафиксированная в изречениях, часто совпадает с общеязыковыми оценками. Афоризмы писателя ироничны, сатиричны, часто основаны на языковой игре, каламбурны. В них довольно много окказиональных фразеологических единиц, возникших путем трансформации.

Напьемся до синих зайцев!

...и с чистой печенью на свободу!

На девчатинку потянуло!

Окказиональные фразеологизмы Полякова употребляются в афоризмах в конкретных условиях речевой коммуникации (они извлечены составителем книг Н. Казаковым из художественных и публицистических текстов автора). Эти афоризмы создают особую экспрессивную заряженность фразы, которая становится или основой каламбура, или субъективной оценки события. Данные фразеологические новообразования из афористики Полякова прагматически обусловлены разнообразными идеологическими изменениями в ментальном пространстве современного российского общества.

Нет пророков в своем Отечестве – одни пороки.

Это неизвестным солдатом быть почетно, а неизвестным актером – стыдно.

Все-таки алкоголь – это сироп бессмертия.

В афоризмах Полякова, точнее во фразеологических окказионализмах, появляются фразеологические образы, реализованные чаще посредством метафорического переноса.

Писать надо навынос, то есть помня о том времени, когда тебя вынесут вперед ногами.

«Афоризмы и мысли» Юрия Полякова популярны, можно утверждать, что они способствуют формированию языковой личности читателя, так как включены в популярный публицистический дискурс, о чем свидетельствует большое количество цитирований его изречений в интернете.

Использование фразеологической неологии и фразеологических окказионализмов в афористике начала XXI века делает изречения яркими, образными, выразительными, привлекает внимание читателя. Фразеологические окказионализмы практически не утрачивают игровую функцию и не переходят в активный запас языка, в отличие от фразеологических общеязыковых неологизмов.

Особенности фразеологических неологизмов и окказионализмов в современных афоризмах из литературных текстов зависят от индивидуального авторского стиля. Так как окказиональные фразеологизмы употребляются в афоризмах в конкретных условиях речевой коммуникации (в конкретном тексте) и создают особую экспрессию, то они становятся частью субъективной оценки чего-либо. Так, в афористике Юрия Полякова преобладают окказиональные фразеологические единицы, а в изречениях Евгения Водолазкина наблюдается тенденция к употреблению фразеологических неологизмов, причем они образованы от имеющихся в языке фразеологических единиц (крылатых выражений), приобретая несвойственное им значение.

Люби тех, кто кусает локти: они делают тебя выше.

Хорошо, когда неприятности начинаются утром: на то, чтобы справиться с ними, имеется целый день.

Не сумев управлять государством, кухарки, по убеждению исследователя, еще и совершенно разучились готовить.

В афоризмах массовой коммуникации отражается интенсивность процесса неологизации в современном русском языке, поэтому в них содержится довольно большое количество фразеологических неологизмов. Чаще всего – это фразеологические неологизмы, являющиеся переосмыслением имеющихся в языке фразеологизмов. Употребление фразеологических неологизмов в текстах СМИ определяется потребностями языкового коллектива, потребностями времени. Так, в начале 2000-х гг. в газете «Аргументы и факты» была рубрика «Народные АИФоризмы», в каждом номере печатались удачные иронические, сатирические афоризмы на разные темы. Затем был издан и сборник «Суперальманах народных АИФоризмов. Золотая серия. Творчество читателей еженедельника» [Нечаев 1999]. В приведенных афоризмах авторы, сами того не подозревая, употребляли большое количество фразеологических неологизмов и окказионализмов.

Перекрестие прицела тоже может быть чьей-то точкой зрения (М. Маленов. Эссентуки)

Деньги – зло. Зайдешь на рынок и зла не хватает (К. Родионов. Ростовская область)

Средства массовой информации транслируют большое количество изречений политических деятелей. Особенно большое количество афоризмов обиходно-бытового характера содержала речь премьер-министра В. С. Черномырдина, изобилующая речевыми ошибками. Знаменитые фразы *Хотели как лучше, получилось как всегда* и *Здесь вам не тут* быстро превратились в крылатые выражения. В его афоризмах основой фразеологической неологии являлись общеязыковые фразеологизмы или пословицы и поговорки, которые автор трансформировал, придавая им новое окказиональное значение, произвольно меняя компонентный состав или форму компонентов.

А кто попытается мешать – о них знаем мы в лицо! Правда там не назовёшь это лицом!

А раньше где были? Когда думать было надо, а не резать сплеча семь раз... А сейчас спохватились, забегали. И все сзади оказались. В самом глубоком смысле. А Черномырдин предупреждал.

Кого на следующих выборах изберут, мы будем с тем и работать. А кто там нам по сердцу, кто там ниже сердца – это уже другой разговор.

Разговорная речь стала основой образования фразеологических неологизмов в обиходно-бытовых афоризмах В.С. Черномырдина.

В интернете насчитывается тысячи сайтов с различными перечнями афоризмов, в том числе и обиходно-бытовыми, которые необычайно популярны в социальных сетях, обычно они создаются неизвестными авторами (автор сознательно не указывается при ретрансляции). В подобных афоризмах зачастую происходит актуализация прямого значения одного из компонентов фразеологической единицы, что и делает ее фразеологическим неологизмом.

Держусь от греха подальше, но не теряю его из виду.

Обидно, когда жена после свадьбы перестает следить за собой, а за тобой не перестает.

Невыносимых людей нет, есть узкие двери.

Зачастую афоризмы из СМИ и обиходно-бытовые пересекаются в языковой практике с антипословицами и антиафоризмами, поскольку их структура повторяет двучленную конструкцию паремий.

Нужно отметить, что в обиходно-бытовой афористике довольно много фразеологических неологизмов жаргонного характера. В современной афористике из литературных текстов таких ФЕ практически нет.

Современное интернет-пространство содержит огромное количество индивидуальных сайтов авторов-афористов (мы их отделяем от сайтов, на которых представлены афоризмы классиков литературы).

Среди подобных площадок особого внимания заслуживает сайт «Московского клуба афористики», на котором размещаются изречения членов

клуба, проводятся конкурсы афоризмов и пр.⁹⁶ Афоризмы, представленные на суд читателей, самой разнообразной тематики, объединяет их только то, что они создавались как отдельные тексты. Представленные на портале изречения отличаются разнообразием тем и в значительной степени зависят от ряда экстралингвистических факторов, в частности, личности автора, уровня его образования и пр. В этих афоризмах также содержится множество фразеологических окказионализмов и фразеологических неологизмов.

*В ребро может постучаться не только бес, но и печень (Игорь Матросов, Пенза)
Кто не умеет себя вести, того ведет полиция (Александр Минченков)*

Подводя итоги наблюдениям над фразеологическими неологизмами и окказионализмами, функционирующими в русской афористике нашего времени, нужно отметить, что они открывают возможности осмысления новейшей истории русской фразеологии.

Фразеологические неологизмы и окказионализмы чаще всего появляются в языке (и афористике соответственно) в результате переосмысления компонентов фразеологических единиц.

Во фразеологической неологии, представленной в современной афористике, наиболее частотными фразеологическими образованиями в афоризмах из литературных текстов являются окказиональные ФЕ, а в обиходно-бытовых афоризмах и афоризмах из СМИ – фразеологические неологизмы с переосмысленными компонентами, измененными в результате метафоризации.

Фразеологические неологизмы в современной афористике наиболее употребительны в афоризмах массовой коммуникации и обиходно-бытовых, а также в антиафоризмах, что наблюдается в публицистическом и политическом дискурсах современных российских масс-медиа. Фразеологические окказионализмы чаще присутствуют в афоризмах из литературных текстов (вводные афоризмы), а также в таких современных афоризмах, которые создавались как отдельные литературные тексты.

**Елена Владимировна Ничипорчик, ГГУ имени Ф. Скорины, Гомель,
Беларусь
evnich@gmail.com**

Новая жизнь киноцитаты *без шума и пыли*

Активное изучение функционирования фразеологизмов в речи, связанное с формированием коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной исследовательских парадигм в конце прошлого столетия, в XXI веке закономерно набирает новые обороты. Во многом это происходит благодаря тем возможностям, которые дает исследователю сеть Интернет. Оцифрованность

⁹⁶ <http://mka.msk.ru/%d0%ba%d0%be%d0%bd%d0%ba%d1%83%d1%80%d1%81-%d0%b0%d1%84%d0%be%d1%80%d0%b8%d0%b7%d0%bc%d0%be%d0%b2-%d0%bb%d0%b8%d1%82%d1%81%d0%be%d0%b2%d0%b5%d1%82/>.

продуктов речевой деятельности прошлого, письменная передача традиционно устных форм общения в интернет-коммуникации, ставшей частью социальной жизни современного человека, дает значительные преимущества в поиске употреблений фразеологических единиц и, конечно же, стимулирует проведение исследований в этом русле.

Самой благодатной почвой для изучения являются свежие продукты речевой деятельности, ведь свежесть всегда ассоциируется с новизной, что и объясняет перманентную актуальность исследования инноваций в языке, в том числе фразеологических инноваций. «Проблема исследования неологизмов тем и хороша, – пишет В. М. Мокиенко, – что не успеваем мы, исследователи, собрать материал, обобщить его, подвергнуть лингвистическому анализу и лексикографическому описанию, как неумолимое Время снова расширяет нашу материальную “копилку”, вызывая к новому погружению в постоянно стареющую проблему неологизмов» [Мокиенко 2019в, 138]. Главные задачи, подлежащие решению во фразеологической неологии, как, впрочем, и границы самой фразеологической неологии (наиболее острый теоретический вопрос), в целом определены [Н. Ф. Алефиренко 2008, В. М. Мокиенко 2000; 2002; 2012, 2016, А. Pstyga 1998, И. Ю. Третьякова 2011 и др.], выявлены пути обогащения фразеондов, установлена типологическая общность процессов и механизмов неофразеологизации, систематизированы приемы обновления структуры и значения прецедентных единиц, даны прекрасные образцы анализа неофраземки [Н. Ф. Алефиренко 2008; Д. Благоева 2019; Т. Малински 1992; А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко 1997; 2011; 2014; 2019, И. Ю. Третьякова 2011, Д. Н. Давлетбаева 2012а; 2012б, Л. И. Степанова 2011 и др.]. Тем, кто сегодня становится на стезю изучения креативного использования фразеологизмов в речи, можно успешно идти по уже проторенным тропам, обогащая терминологический аппарат, укрепляя методологическую базу и внося свой вклад в развитие фразеологии (нельзя не упомянуть в связи с этим монографию молодого чешского ученого «Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект» [Доброва 2019], в которой удачно обобщен опыт предшественников и дается системное описание функционирования фразеологизмов в новых формах коммуникации.

Что же может обеспечить новизну исследований в названном русле? На наш взгляд, это определение степени востребованности, сферы распространения, семантического потенциала, стилистических коннотаций (в том числе подверженности / неподверженности их изменениям) новообразованных единиц; изучение условий, при которых происходит семантическое обогащение новообразований, степени «открытости» структуры новообразованных единиц для вариантности, продуктивности деривационных моделей. Проверим, какие плоды может дать изучение неофраземки в данных аспектах на примере анализа дискурсивных реализаций одной киноцитаты, вошедшей в узус и обогатившей фразеологический словарь носителя русской культуры.

Киноцитаты не являются приметой исключительно сегодняшнего дня хотя бы потому, что так же, как и вошедшие в узус цитаты из иных произведений искусства, относятся к крылатым выражениям. Одни крылатые выражения так и остаются «приложимыми» к узкому кругу ситуаций, другие обретают поистине новую жизнь, проникая во все сферы общения, подвергаясь семантическим

трансформациям, обрастая новыми коннотациями. Последнее в полной мере соответствует характеристикам киноцитаты *без шума и пыли*.

Первичным контекстом этого выражения является известная кинолента Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» (1968). Звучит оно дважды из уст персонажа фильма Лелика. Первый раз – при выражении уверенности, что такого «лопуха», как Семен Семенович Горбунков, «взять», то есть схватить для реализации своих намерений, будет очень легко: «*Лопух. Такого возьмем без шума и пыли. Давай пригласи его на рыбалку, на Черные камни, как условились. С ночевкой пригласи*». Второй раз – во время телефонного разговора с шефом и получения новых инструкций, связанных с известием о том, что Семен Семенович знает о драгоценностях и сотрудничает с милицией. Лелик заверяет шефа, что действия по новому плану будут тайными и не привлекающими стороннего внимания: «*Понял. Начинаю действовать без шума и пыли по вновь утвержденному плану*». Выражение пришлось «по вкусу» зрителям, легло на их уста и с течением времени нашло отражение в словарях, в том числе фразеологических [В. П. Белянин, И. А. Бутенко 1994, 19; Л. П. Дядечко 2001, 45; В. С. Елистратов 2010, 20; А. Ю. Кожевников 2005, 47; 164; В. Кузмич 2000; В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина 2007, 759; В. П. Смирнов 2003 и др.].

Узуализации сочетания *без шума и пыли* способствовало не только то, что зрители необычайно популярной в свое время комедии знали практически наизусть реплики героев любимого фильма, но, вероятно, и то, что сама грамматическая модель («без +сущ.+ и + сущ.», как вариант «без + сущ. + без + сущ.») необычайно легка, выразительна. Эта модель положена в основу многих клишированных единиц – фразеологизмов: *без конца и края* [Федоров 2008, 308]; *без роду и племени* [Федоров 2008, 575]; *без сучка и (без) задоринки* [БФСРЯ 2006, 34]; *без поры, без времени* [Мокиенко, Никитина 2007, 523]; – крылатых выражений: *без гнева и пристрастия*⁹⁷ [БСКС 2000, 90]; *без руля и без ветрил* [БСКС 2000, 93]; *без божества, без вдохновенья* [БСКС 2000, 89]. Укоренены в сознании носителей языка и такие коллокации, как *без суда и следствия* (352 вхождения в Национальный корпус русского языка [НКРЯ] – здесь и далее суммированы вхождения в основной и газетный корпуса); *без стыда <i>и</i> <без> совести* (43 вхождения); *без еды <i>и</i> <без> воды* (95 вхождений), *без вкуса и запаха* (32 вхождения в НКРЯ) и др. Входящие в состав таких коллокаций существительные представляют своеобразный бином – характеризуются устойчивой ассоциативной связью. Такой же бином образуют в русском языке существительные *шум* и *пыль*. Неслучайно пользователи прецедентной единицы *без шума и пыли* активно обращаются к таким приемам языковой игры, как буквализация и двойная актуализация значения (см., например:

Заодно – как превратить чайник в самогонный аппарат, в термос, в сбитенник; почему из восточного кумгана чай не наливают; каково назначение старинной штуковины, которую без подсказки «дрелью» не назовешь: «Без шума и пыли, не мешая соседям, час, сутки, трое – муж полочку в ванной вешает...» [Известия,

⁹⁷ Выражение имеет античные корни и своеобразно перекликается с возникшей значительно позже прецедентной единицей *Кто живет без печали и гнева, / Тот не любит отчизны своей* (из стихотворения «Газетная» Н. А. Некрасова (Серов 2003)).

2012.01.25)⁹⁸; *Серж, который очень хорошо говорит, продемонстрировал, как швейцарские танкисты без шума и пыли учатся воевать. – Швейцария – очень большая страна, – пошутил Краснобаевф, – но на танке особо не разъездишься. Да и экологи не разрешают. Поэтому основное обучение приходится проводить в виртуальном пространстве...* [Известия, 3.3.2003].

Значение выражения *без шума и пыли* в словарях определяется по-разному: ‘спокойно, не привлекая внимания’ [Белянин, Бутенко 1994, 19]; ‘тихо и скрытно’ [БТС 1998, 1508]; ‘незаметно, без привлечения внимания’ [Елистратов 2010, 20]; (о действиях) ‘быстро, чётко, по возможности скрытно’ [Кузьмич 2000]; ‘без особого труда, элементарно’ [Смирнов 2003]; ‘очень тихо, не привлекая внимания, в строжайшей тайне’ [Мокиенко, Никитина 2007, 759].

Как видим, общим семантическим звеном в большей части дефиниций является мотивированная первичными образами шума и пыли «бесшумность» и «незримость» совершения действия – ‘скрытость от стороннего внимания (ушей, глаз)’. В то же время составители словарей усматривают в семантике устойчивого сочетания и иные семантические признаки: ‘спокойно’, ‘быстро’, ‘чётко’, ‘элементарно’. Различны мнения составителей словарей и о коннотациях прецедентной единицы *без шума и пыли*: разговорная, шутливая [Мокиенко, Никитина 2007, 759], разговорно-сниженная [БТС, 1508].

Сегодня выражение *без шума и пыли* относится к числу высоко востребованных прецедентных единиц. В интернет-пространстве, предоставляемом поисковой системой Google, находим сотни употреблений этого выражения в разных сферах общения, в дискурсах на разные темы: это – политика, экономика и финансы, идеология, право, спорт, искусство. Выражение используется в названиях книг⁹⁹, виртуальных сообществ¹⁰⁰, компьютерных игр¹⁰¹, технических устройств¹⁰² и др. Большое количество употреблений прецедентной единицы *без шума и пыли* (98 вхождений) зафиксировано в НКРЯ.

В дискурсивных реализациях прецедентной единицы *без шума и пыли* наблюдается значительное расширение ее референциального поля: *без шума и пыли* можно *кредитовать, проголосовать, уйти* (‘подать в отставку’), *появиться, отсидеть, разойтись* (‘развестись’), *переехать, сформировать альянс, выдвигать кадры, принимать поправку, попирает нормы конституции, передать власть, рассматривать иски, выбивать показания, приводить в исполнение приговор, получить паспорт, взять билет, катать мяч, продолжать сворачивание офшорной вахханалии, грести лапами в нужном направлении* и мн. др.

⁹⁸ Здесь и далее с использованием квадратных скобок для выходных данных подаются контексты из НКРЯ.

⁹⁹ <http://loveread.ec/contents.php?id=42101>; <https://www.litres.ru/zafira-layter/dostizhenie-celey-bez-shuma-i-pyli/chitat-onlayn>; <https://knjiky.ru/books/bes-shuma-i-pyli>; https://bookz.ru/authors/anatolii-sari4ev/bez-6uma_745.html.

¹⁰⁰ <https://www.facebook.com/bezshuma>.

¹⁰¹ http://www.f-games.ru/brodilki/bez_chuma_i_pily.html.

¹⁰² <https://www.ferra.ru/news/computers/vga-kuler-arctic-cooling-bez-shuma-i-pyli-22-12-2007.htm>.

Расширение сочетаемости прецедентной единицы *без шума и пыли* (в первичном контексте выражение сочетается с глаголами, называющими действия, совершаемые в корыстных целях, имеющие злой умысел) – свидетельство ее активного переосмысления, переинтерпретации, обогащения или редукции ее понятийного содержания, выдвижения того или иного семантического признака в структуре значения на передний план.

Семантические, как, впрочем, и формальные, преобразования, которым подвергаются устойчивые сочетания в своих дискурсивных реализациях, – закономерное явление; фразеологические единицы, по меткому выражению В. Мидера, «мертвы» только в словарях [Mieder 2010, 1]. Эту же мысль неоднократно подчеркивали и составители первого в своем роде словаря, в котором иллюстрируется разнообразие «жизни» фразеологизмов в русской речи, дано системное описание типичных преобразований фразем (назовем эти преобразования приемами своеобразного «подстраивания» фразем под речевые намерения пользователя, «вживления» в смысловую ткань высказывания): «В речи постоянно наблюдаются спонтанные преобразования значения и формы ФЕ (фразеологических единиц), обусловленные их функционально-семантическими свойствами как особых экспрессивных единиц языковой номинации, способных отражать в своей смысловой структуре специфику единичных предметов и ситуаций [Мелерович, Мокиенко 1997, 13; Мокиенко 1989, 9–48; Мелерович, Мокиенко 2014, 235 и др.]¹⁰³. Латвийский исследователь А. Начисчионе вообще ставит под сомнение целесообразность применения по отношению к фразеологизмам таких дефиниций, как «фиксированные», «застывшие» единицы, и считает случаи стилистического употребления фразеологизмов, сопряженные со значительными изменениями их формы и значения (случаи «инстанционального» употребления), «не отклонением, искажением, нарушением или странным исключением», а таким же закономерным употреблением, как и употребление фразеологической единицы в ее наиболее распространенной форме и значении [Naciscione 2010, 9]. «Стабильность в системе языка и гибкость в дискурсе не противоречат друг другу. Напротив, они дополняют друг друга как набор диалектических противоположностей» [Naciscione 2010, 9]. А. Начисчионе подчеркивает, что окказиональные употребления фразеологизмов моделируемы (исследователь считает необходимым ввести понятие «паттерна стилистического употребления» – воспроизводимого ментального приема использования фразеологизма), и убедительно доказывает, что «инстанции» способны выступать средствами внутренней и внешней связанности в дискурсе¹⁰⁴ [Naciscione 2010, 9].

¹⁰³ Реферируя книгу А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко «Современная русская фразеология (семантика – структура – текст)» (2011), А. М. Кузнецов подчеркивает значимость мысли авторов книги о том, что «функция обозначения фрагментов конкретной ситуации приводит к преобразованию элементов фразеологического значения, способных отражать специфику единичных денотатов», создает условия для эксплицирования актуальных в данной ситуации элементов фразеологического значения: константных, узуальных либо факультативных и окказиональных [Кузнецов, 2013, 165].

¹⁰⁴ «Фразеологическая единица может распространяться за границы предложения, и даже на большие участки текста, создавая непрерывность, сеть уникальных

Несколько с иных позиций оценивает неординарное использование фразеологизмов в речи Н. Л. Шадрин. Исследователь считает целесообразным ввести понятие нормы при оценке функционирования фразеологических единиц, дифференцировать соответствующее и не соответствующее семантике фразеологизма контекстуальное окружение. Используя уже устоявшийся в лингвистике термин «фразеологическая дистрибуция», Н. Л. Шадрин выделяет три вида нарушений фразеологической дистрибуции: нарушение семантической дистрибуции (вызывается индивидуально-авторской трактовкой значения), нарушение стилистической дистрибуции (игнорирование присущей фразеологической единице стилистической коннотации), употребление фразеологизма в иностилевом контекстуальном окружении), нарушение предметно-логической дистрибуции (употребление фразеологизма со сбоем в предметной отнесенности) [Шадрин 1991, 158–167].

Нетрудно убедиться в том, что между дифференциацией основного и инстанционального употребления фразеологической единицы, предлагаемой А. Начисчионе, и дифференциацией нормативного и ненормативного употребления фразеологизмов, по Н. Л. Шадрину, различие непринципиальное. Разумеется, при анализе функционирования фразеологизмов в речи нужно учитывать, верно ли в принципе понимает значение фразеологизма его пользователь, употребление фразеологизма со сдвигом в денотативной области совершается по незнанию или со стилистической целью. Однако, на наш взгляд, решение вопроса о том, что, собственно, считать нормой, а что отклонением от нормы при оценке употребления фразеологизмов в речи (если принимать во внимание способность любой знаковой единицы приобретать новые значения, характеризоваться семантическими приращениями, неустойчивостью формы)¹⁰⁵, очень проблематично, если вообще правомерно. Грань между каноническим (словарным; по А. Начисчионе – «основным») и творческим (игровым; «ненормативным» – по Н. Л. Шадрину, «инстанциональным» – по А. Начисчионе) вариантами употребления фразеологизма очень зыбкая. Причина заключается, как уже было сказано выше, в функционально-семантической специфике фразеологизмов, а также в неослабевающей потребности человека выразиться с расчетом на креативное, нестандартное, «цепляющее» за ум и сердце адресата выражение мысли¹⁰⁶.

Общий анализ употреблений прецедентной единицы *без шума и пыли* показывает, что пользователи этой единицы употребляют ее для выражения следующего понятийного содержания:

1) ‘легко, без труда, без лишнего напряжения’: *Но удалась более чем уверенная победа. Без лишнего напряжения, нервов и драк. Сборную Суоми, как выразился*

взаимосвязей переносных и прямых значений, ассоциативных связей (перевод наш – Е. Н.)» [Naciscione 2010, 9].

105 «Употребление, функция и значение фразеологизма, – пишет В. Мидер, – вполне могут меняться с течением времени (перевод наш – Е. Н.)» [Mieder 2010, 2].

106 В этом смысле нельзя не согласиться с А. Начисчионе, которая считает, что так называемое «основное» использование фразеологизма «в значительной степени предсказуемо; оно не поражает ни новизной, ни неожиданностью» (перевод наш – Е. Н.)» [Naciscione 2010, 8].

герой известной кинокомедии, взяли **без шума и пыли** [Советский спорт, 9.5.2005]; Деньги достались ему **«без шума и пыли»**. – Он не был вооружен, а потому просто вышел из «Соболя» с сумками, когда его напарник остановил машину, чтобы сходить в магазин, – сообщили в правоохранительных органах [Комсомольская правда, 3.9.2013]. Нередко семантический признак ‘легко’ ассоциируется с неожиданно быстрым достижением цели: *И все же обвиняемого задержали, как говорил один известный киноперсонаж, «без шума и пыли». Операция продолжалась от силы секунд тридцать. Даже ее руководитель позднее признался, что сам не ожидал такой прыти от «физиков»* [Труд, 26.06.2001];

2) ‘конструктивно, планомерно, без лишней публичной шумихи, без привлечения внимания’ (о решении проблем, достижении целей):

*Не забавно ли: в послевоенной Европе основы социального равенства и партнерства последовательно, **без шума и пыли** реализуются, а у нас, выросших в «самой социалистической из всех», достойная жизнь так и не налажена* [Труд, 15.09.2000]; *В начале года на заседании Госсовета президент Путин для решения таких социальных проблем, как детская беспризорность, преступность, наркомания и проч., призвал развивать физкультуру и спорт. И многие области тут же начали рапортовать: мол, развиваем, аж пыль стоит. А в том же Орле предпочли второй вариант – тактично помалкивать. Просто потому, что мудрое указание президента здесь **без шума и пыли** воплощали задолго до того, как оно последовало* [Комсомольская правда, 13.07.2002]; *Они, в волейбольном смысле, уже знают, что такое увлечься-полюбить... Они целый год **без шума и пыли** подбирали ключи к этим экзотическим непревзойденным китаянкам-бразильянкам...* [Советский спорт, 17.11.2006].

3) ‘без огласки, тайно, скрытно’:

*В серьезном деле нужна конспирация. – Если наша власть что-то делает **«без шума и пыли»** (я имею в виду операцию «Энергия»), значит, это действительно делается тихо. И хорошо. Потому что изображать антикоррупционную кампанию и по-настоящему бороться с коррупцией – разные вещи* [Комсомольская правда, 22.11.2006]; *Увы, эта радостная весть оказалась устаревшей: пользуясь тем, что большинство из нас даже не догадывались о своем праве на такой отгул, власти **без шума и пыли** отменили «три дня свободы»* [Комсомольская правда, 21.01.2006];

4) ‘спокойно / мирно, без лишних разбирательств / пререканий / открытого противостояния / борьбы’:

*Как проходило голосование? **«Без шума и пыли»**. Многие ожидали, что в Думе развернется настоящая битва: ведь нашумевший антитабачный закон, вокруг которого сломано столько копий, принимался во 2-м, решающем чтении* [Комсомольская правда, 25.1.2013]; *Мише, у которого до сих пор проблемы с законом и с лицензиями на бои, на этот раз удалось **без шума и пыли** получить разрешение на поединок в Калифорнии* [Комсомольская правда, 25.4.2003].

При интерпретации значения выражения *без шума и пыли* и особенно при определении его оценочной маркированности во многих случаях необходим учет достаточно широкого контекста. Так, выход «за рамки» одного предлодения позволяет обнаружить тонкие переключки значений и в итоге, казалось бы, положительно коннотируемые семантические признаки ‘легко’, ‘быстро’

получают иронический обертон в связи с актуализацией и иного признака в семантике прецедентной единицы – ‘в угоду чьим-либо завуалированным корыстным целям’: *Некоторые предприимчивые сотрудники милиции решили подзаработать на обмене документов. Оказывается, новый паспорт можно получить без шума и пыли за один день. За эту услугу в одном из паспортных столов с нашего читателя запросили... 400 баксов* [Комсомольская правда, 6.3.2002]. Одобрительное отношение к стратегии политического лидера, выражаемое экспертом в интервью (*Генеральный директор Центра политической информации Алексей Мухин считает, что премьер Зубков сейчас не заинтересован в пиаре. «Цены растут, выборы приближаются. Ему необходимо работать без шума и пыли, а именно – удерживать стабильность ситуации в сверхчувствительный период передачи власти от президента к преемнику», – говорит эксперт* [РБК Daily, 28.11.2007]), явно не по душе представителю прессы. И название статьи «От буфета до туалета» (имеющее отношение к реплике одного из чиновников «Пресса имеет право ходить в пресс-службу и от буфета до туалета – что еще нужно?»), и ее содержание свидетельствуют о негативном отношении журналиста к информационному штилю вокруг фигуры премьера в период выборов, а главное – к попыткам правительства ограничить контакты прессы с чиновниками.

Пользователь киноцитаты *без шума и пыли* зачастую прибегает к явным подсказкам для реципиента, подталкивающим к верному пониманию значения и назначения прецедентной единицы. Семантическими ключами (экспликаторами значения и конкретизаторами отношения) выступают знаковые единицы, находящиеся, как правило, в однородном ряду с фразеологизмом, в пояснительной конструкции и т.п.:

А уж как в Москве с ЦСКА питерцы разобрались – 4 : 1, солидно, красиво, без шума и пыли [Советский спорт, 20.09.2008]; *Здесь недостаточно кричать «Караул, держи вора!» или «Мы завтра всех пересажаем в тюрьмы за коррупцию», или «Мы завтра придем и всем раздадим по тысячи долларов для начала, а потом еще по пять».* *Это, как правило, предвыборные все агитки. А вот работать системно, спокойно, без шума и пыли, но добиваться результата, это гораздо сложнее* [Комсомольская правда, 4.9.2013]; *Заключение брачного договора – в быту этот документ на западный манер называют брачным контрактом – помогает в случае развода разойтись культурно и цивилизованно, «без шума и пыли»* [Комсомольская правда, 26.4.2004] – ‘спокойно, без скандалов’; *Важно, чтобы у некоторых губернаторов не было соблазна играть в игры, связанные с минимизацией явки. Есть такие технологии, которые позволяют по-тихому, без шума и пыли проползти. Это пиррова победа...* [Известия, 13.11.2012] – ‘скрытно, в угоду личным интересам’; *Около полудня в самом центре города, во дворе дома номер один по улице Великой была ограблена инкассаторская машина. Все произошло «без шума и пыли» – ни стрельбы, ни драк* [Комсомольская правда, 20.7.2010]; *Дело в том, что экс-наставник «Ювентуса», в случае начала официальных переговоров с «Зенитом», лишился бы солидной компенсации от своего бывшего клуба. Поэтому Клаудио решил до времени не афишировать своих планов, а сделать все без шума и пыли* [Комсомольская правда, 2.7.2009].

Частотно употребление сочетания *без шума и пыли* в сильной позиции текста – в заголовке (сегментированном компоненте заголовка) статей

периодических изданий, в том числе отраслевых журналов, в заголовке новостных сообщений на медиа-порталах, сообщений блогеров и т. п.:

«Без шума и пыли: Путин формирует свою команду профессиональных реформаторов» (Политэксперт, 14.02.2018); *«Без шума и пыли: фракция КПРФ в Мосгордуме оппонировать в принятии бюджета не стала»* (Новые известия. 26.11.2019), *«Александр Лукашенко о борьбе с коронавирусом: занимаемся без шума и пыли»* (Гродзенская праўда, 27.03.2020); *«Без шума и пыли: Украина заявила о двойном заработке от транзита»* (Eur Asia Daily, 24.01.2020), *«Китай без шума и пыли закрыл 173 криптовалютных площадки»* (BeInCrypto, 26.11.2019); *«Без шума и пыли. В Дании отправили в рейс самый большой в мире электрический паром»* (Инше.ТВ. 22.08.2019); *«Без шума и пыли Google увеличивает количество реклам»* (PR-CY, 03.02.2017); *«Как “убить очередь” без шума и пыли?»* (ПРОДУКТ.ВУ, 29.02.2012); *«Приговор без шума и пыли: последнюю фигурантку дела «Оборонсервиса» освободили»* (MKRU, 22.04.2016); *«Скуинджили без шума и пыли»* (TANYA_MASS, 28.01.2009); *«“Без шума и пыли”. “Шахтер” без сожаления расстался с игроком сборной Беларуси»* (TRIBUNA.COM, 25.05.2020).

Включение в название масс-медийных сообщений сочетания *без шума и пыли* есть сигнал того, что отношение автора сообщения к обсуждаемым акциям небеспристрастное. Правда, определить, какое это отношение – одобрительное (одобрение ассертивного поведения, не подлежащих огласке разумных акций и т.п.) или ироническое (осуждение действий в угоду интересам, скрытых акций, вызывающих протест), далеко не всегда можно по самому названию. Чтобы понять, в каком значении и с какой целью используется сочетание *без шума и пыли*, к примеру, в названии медийного сообщения *«Без шума и пыли: чего хотят и боятся жители пятиэтажек и их соседи»* (РБК. 24.07.2017), нужно обратиться к содержанию всей статьи. Хотя в статье обнаруживаются некоторые намеки на буквальное прочтение фразеологизма (*Шум, грязь и другие последствия стройки чаще всего называли проблемой реновации все респонденты Левада-центра (31%) – жители и хрущевки, и соседних домов*), основной смысл использования прецедентной единицы в названии становится ясен (дешифруется скрытый скепсис) после постановки в статье вопроса о реальных «выгодополучателях» реноваций. Зачастую, чтобы не томить заинтригованного названием читателя, «карты раскрываются» в подзаголовках. Так, и тема, и отношение к описываемому в медийном сообщении *«Без шума и пыли – на результат»* конкретизируются в подзаголовке *«Какие задачи перед Союзным государством ставит нынешний год?»*. Если же заголовок состоит только из сочетания *«Без шума и пыли»*, то в этом случае раскрытие смысла использованного языкового кода происходит, как правило, в лиде (аннотации, первом выделенном абзаце). Например, в лиде статьи *«Без шума и пыли»* (Экономическая газета. 07.09.2007) содержится информация о том, что речь пойдет об ответных мерах на дискриминацию при проведении процедур государственных закупок. Представление о содержании статьи *«Без шума и пыли»* (Вечерний Минск. 28.09.2017) и положительной коннотации обыгранного в ее названии расхожего выражения формируется при прочтении первого (выделенного полужирным шрифтом) предложения лида: *«Белкоммунмаш» планирует к Евроиграм-2019 поставить Минску не менее 60 электробусов»*.

Подвергается выражение *без шума и пыли* и структурным трансформациям: *Вот, казалось бы, Татарстан – донор российского бюджета. Да. Но опять-таки по-шаймевски. Часть денежек татары по-восточному хитро и без лишнего шума и пыли из Москвы вернули* [Комсомольская правда, 2007.01.20]; *Моя страна без пыли и без шума // Всегда поможет гражданам в беде. // Держите, губернаторы, прошу вас, // Квартиру для Жерара Депардье...* (А. Розенбаум // ТАСС, 23.05.2019), однако это может стать предметом отдельного исследования.

Итак, наши наблюдения позволяют убедиться в правомерности тезиса о диархии устойчивого и неустойчивого в структуре и семантике единиц, традиционно квалифицируемых как устойчивые; в способности прецедентных единиц в контекстуальных условиях к профилированию отдельных семантических признаков и погашению других, к утрате одних коннотаций и приобретению других, порой прямо противоположных в оценочном отношении. Основная причина семантических трансформаций, выражающихся в перераспределении нагрузки между семантическими признаками в структуре значения прецедентной единицы, видится в изменении ее референциального поля, воплощающем установку продуцента речи на нетривиальное выражение мысли, языковую игру.

Более явственным становится и то, что работа сознания над созданием «ткани» сообщения, равно как над пониманием внутренней связи сотканного речевого «полотна», отнюдь не замыкается на осмыслении непосредственной линейной связи слов либо эквивалентных по семантике слову сочетаний. Эта работа всегда носит дисперсивный и челночный характер – основывается на актуализации краткосрочных и долгосрочных ассоциативных связей, на способности видеть целое в разрозненных частях и, наоборот, понимать части через видение целого.

Гулякова Ирина Геннадьевна, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
irgengul@gmail.com

Новое и старое в фразеологизмах современного русского языка с компонентом *новый / старый*

Во фразеологии постоянно появляется что-то новое. Возникают новые фразеологические единицы (ФЕ), старые переосмысливаются и приобретают новые значения и оттенки значений. Рассмотрим эти явления на примере фразеологизмов современного русского языка с компонентом **новый/старый**.

Фразеологические словари, в частности «Большой словарь русских пословиц» и «Большой словарь русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, фиксируют следующие ФЕ, включающие слова с корнями **-нов-** и **-стар-**: *Новьё познало старьё; новая новинка на старую брюшинку; новые русские; новое дело; Всё это пето и перепето, нет ли чего новенького? носить старинку; нахвататься стариков; сходить к старику; старик Блинов; старик Хоттабыч; старик Батурун; старуха Изергиль; добрая старушка; горбатая старушка; две старушки на просушке; обмыть старушку; старослав твою транскрипшин*. Некоторые из них принадлежат к старому пословичному фонду

(как, например, *новая новинка на старую брюшинку*), другие возникли совсем недавно (как, например, *старик Батурин, нахвататься стариков, старослав твою транскриптин*).

Как видно из примеров, в состав данных ФЕ входят не только прилагательные **новый** и **старый**, но и производные от них: *новьё, новинка, старинка, старик, старуха, старушка, старослав*, что значительно расширяет круг понятий и тем, охватываемых концептом **новый / старый**.

Проанализируем некоторые из этих ФЕ.

Выражение *новье погнало старье* (жарг. мол., шутл.) относится к современной фразеологии и носит разговорный характер. Его употребляют, как поясняет В. М. Мокиенко, когда «кому-либо захотелось в туалет» (экспрессивный глагол *погнало* указывает на невозможность терпеть позыва освободить мочевой пузырь). *Новое* здесь – недавно или только что выпитая жидкость (вода, вино, пиво и т.п.), которая переполняет пузырь и заставляет человека избавиться от старой, накопившейся жидкости. *Новье* и *старье* здесь не противопоставляются, а дополняют друг друга.

Если слово *новый* имеет только одно значение, то *старый* – два. Одно из них антонимично слову *новый*, другое – слову *молодой*. То и другое образуют производные.

В молодежном жаргоне давно популярны слова *старик* и *старуха* (*старушка*). Они употребляются в самых разных значениях и образуют целый ряд устойчивых выражений. Так, наряду с обозначением родителей и обращением к сверстникам, слова *старик* и *старуха* (*старушка*) используются школьниками в шутливых словосочетаниях, называющих учителей, например: *старик Хоттабыч* – учитель химии, *старуха Изергиль* – классная руководительница или учительница русского языка, *добрая старушка* – пожилая учительница. В молодежном сленге выражение *старик Хоттабыч* употребляется также как эвфемизм для обозначения мужского полового органа. Известная строка из популярной песни «Раскинулось море широко», приписываемой разным авторам, – «*Напрасно старушка ждет сына домой*», – само по себе крылатое выражение, стало фразеологизмом-жаргонизмом. Так школьники говорят «*об ученике, оставленном на дополнительные занятия*».

Слово *старик* популярно также и в студенческой среде. Оно стало опорным компонентом выражения *сходить к старику* – «сдать экзамен профессору». Здесь слово *старик* употребляется почти в прямом значении (любой преподаватель старше сорока представляется студенту стариком). А вот в выражении *нахвататься стариков* это слово выполняет эвфемистическую функцию и имеет более злое значение: «надышаться наркотического дыма среди наркоманов».

Эвфемизмом является и жаргонное молодежное бранно-шутливое выражение *старослав твою транскриптин!* – «выражение досады, раздражения». В нем нашли отражение и неприязнь к такому трудно дающемуся учебному предмету, как старославянский язык, и тенденция молодежи вставлять в свою речь словечки на английском языке, и стремление шегольнуть нецензурным выражением. Дополнительный комический эффект создается оксюморонным сочетанием слов *старослав* и *транскриптин*.

Выражение *старик Блинов* родилось в жаргоне картежников и обозначает туза (игральную карту). Помимо «Большого словаря пословиц и поговорок» оно приводится в «Словаре воровского жаргона» 2012 года. Надо отметить, что в карточной игре многие карты имели свои «панибратские» эвфемистические обозначения, например, *краля, мазиха, мамка* – дама: *мальчик, малец, парень* – валет, *дунька* – двойка и т.п.

Возможно, по аналогии с выражениями *старик Блинов* и *старик Хоттабыч* возникло относящееся к новейшему времени выражение *старик Батурич* – перифрастическое наименование бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова. Во-первых, очевидно признание Лужкова «тузом». Во-вторых, в этом словосочетании также слышится оттенок панибратства. И, в-третьих, в нем, вероятно, отразилось ироническое отношение к тому факту, что все компании и недвижимость, принадлежавшие мэру, были записаны на имя его жены Елены Батуриной.

В жаргоне автомобилистов присутствует шутовое выражение *обмыть старушку* – «подготовить старую автомашину к продаже». В глаголе *обмыть* слилось два значения: ‘помыть машину, привести её в порядок перед продажей’ и ‘совершить прощальный обряд’, расставаясь с тем, что было когда-то дорогим и близким. Это ироническое, но тёплое отношение ощущается и в диминутиве *старушка*.

К образованиям последних лет (запись, приведенная в словаре Мокиенко, датирована 2000 годом) относится и выражение *Две старушки на просушке*. Оно употребляется в двух ситуациях: во-первых (с пометой разговорное, шутовое), – О двух бросивших пить пожилых женщинах и, во-вторых (в молодежном жаргоне), – шутивно: О двух болтающих подружках. Первое явно связано с глаголом *не просыхать* – пьянствовать, пить несколько дней подряд. *Быть на просушке* – значит «перестать пьянствовать», «завязать» (жаргонное). Второе – явно производное от первого, но утратившее связь с темой пьянства и восходящее к популярным в молодежной среде обращениям *старик* и *старуха (старушка)* по отношению к сверстникам. *На просушке* здесь ассоциируется с «на солнышке», «на завалинке», «на скамеечке».

Помимо возникновения новых устойчивых оборотов, наблюдаются случаи, когда у старых, давно известных выражений появляются новые значения. Так, выражение *Новая новинка на старую брюшину* известно в двух значениях: 1. Об обновке, которая надевается на какую-л. старую одежду или на её часть (сиб., ирон.). 2. Об употреблении в пищу ягод и других плодов нового урожая (перм., шутол.). Можно заметить, что в обоих значениях выражение приобретает метафорический смысл: «внешне новое не меняет старого по сути». Однако у этого выражения появилось новое значение ‘поздравление за новогодним столом’ (волог., шутол.). Очевидна связь слов *новый* и *новогодний* и скрытое противопоставление нового старому. Люди констатируют уход старого и приветствуют приход нового.

Выражение *новые русские* возникло в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия для обозначения сравнительно небольшой группы стремительно разбогатевших людей, отличавшихся от остальных своим поведением, манерой одеваться, отношением к жизни. В молодежном жаргоне у него возникло второе, ироническое значение, приведенное в словаре В. М. Мокиенко: ‘деньги

после денежной реформы, деноминации'. Скептическое отношение к *новым русским* перенеслось на нестабильные русские деньги, недоверие к ним (сравни эпитет *деревянный* по отношению к русскому рублю в условиях растущей инфляции). Отметим, что новые выражения появляются и новые значения старых развиваются чаще всего в молодежной среде, они относятся к жаргону и носят шуточный характер.

И, наконец, старые фразеологизмы переосмысляются, чаще всего в поэтической речи. Так, в цикле Иосифа Бродского «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» есть такие строки:

Мари, шотландцы все-таки скоты.
В каком колене клетчатого клана
Предвиделось, что двинешься с экрана
И оживишь, как статуя, сады?
И Люксембургский, в частности. Сюды
Забрёл я как-то после ресторана
Взглянуть глазами старого барана
На новые ворота и пруды.

(1974)

Выражение *смотреть (глядеть, вылупиться, уставиться) как баран на новые ворота на кого-то* (прост., ирон.) употребляется, когда речь идет 'о чьём-либо непонятливом, тупо недоумевающем и крайне озадаченном взгляде'. Бродский иронически называет *старым* бараном себя, а *новыми* – главными воротами Люксембургского сада, то есть новыми для себя, впервые увиденными поэтом-эмигрантом, попавшим во Францию. Таким образом актуализируется имплицитно присутствующее в исходной ФЕ противопоставление **новый / старый**, а выражение приобретает несколько иной, более глубокий смысл.

Приведенные наблюдения еще раз свидетельствуют о постоянном «движении» во фразеологии и подтверждают, что фразеология не является чем-то законченным и застывшим, а постоянно изменяется и обновляется.

Сидоренко Константин Павлович, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург,
Россия
sidorenko274@yandex.ru

Бытовая реалья через иноязычное заимствование: интертекстовый аспект (И. Ильф и Е. Петров)

Иноязычные слова и выражения нередко входят в речь через повседневный быт, выступая как обозначение реалий и, в свою очередь, получая адаптацию уже в новом употреблении.

Изображение «лоскутности» действительности [Щеглов 2009, 20], отраженной в диалогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» [Ильф, Петров 1961], основано на «введении с умыслом» прозы жизни [Одесский, Фельдман 2005, 31] 20-х и начала 30-х годов. Интертекстовое отражение художественных «мелочей» встречается в современной публицистике, ресурсах Интернета, рекламе с прямой или опосредованной

отсылкой к источнику. Характеристики и оценки И. Ильфа и Е. Петрова часто появляются как реакция на конкретные явления, события, предметы. Случайные и малозначительные, на первый взгляд, обороты узнаются и идентифицируются, сохраняя связь с первоисточником. Ниже рассматриваются иноязычные выражения, употребление которых основано на связи с текстом диалогии.

Туальденор. В гл. VIII «Двенадцати стульев» Бендер приходит во 2-й дом Старсобеса. *«В первой же комнате, светлой и просторной, сидели в кружок десятка полтора седеньких старушек в платьях из наидешевейшего туальденора мышиного цвета».* Туальденор (от фр. *toile de Nord* – букв. северное полотно) – легкая хлопчатобумажная материя, из которой изготавливалась рабочая одежда. Фрагмент цитаты встречаем в отрицательной оценке качества чего-либо:

[В обсуждении переделки салона нового автомобиля] Подскажите, где можно перешить штатный руль хорошей кожей? – Образцы перешивок руля в указанном центре – *наидешевейший туальденор мышиного цвета!* Страх! (MazdaMPV.www.driv2.ru <2017>); [В рецензии на телепостановку] Типичный образец телевизионного *«наидешевейшего туальденора мышиного цвета»*, точнее, цвета прокурорских мундиров Ozziris. Прокурорская проверка. Отрицательные рецензии) (plus.kinopoisk.ru <2015>); [Как оценка строительных материалов] После велопогулки до самого конца Батуми я решил подъехать к фонтану, который стоит на месте многострадального ледового дворца, перенесенного уже во второй раз <...> Подошел. Осмотрел. Материалы – *«наидешевейший туальденор мышиного цвета»* (Обозрение слепого кота) (dr_rusi.livejournal.com <2012>).

«Адлер». При покупке инвентаря для организуемой Бендером конторы «Рога и копыта» упоминается *пишущая машинка «с турецким акцентом»* («Золотой теленок», гл. XV): *«На базаре была куплена старая пишущая машинка “Адлер”, в которой не хватало буквы “е”, и ее пришлось заменять буквой “э”.* Машинка упоминается в заметке о реакции одесситов на украинизацию в 20-е годы:

Все пишущие машинки, имевшие в абсолютном большинстве русский шрифт, заговорили с турецким акцентом. Буквы «ы», «е» и «э» оказались лишними, буквы «и» и «е» следовало читать как «ы» и «э», букв «ї» и «є» вообще не было в клавиатуре <...> Так что *«машинка с турецким акцентом»* появилась у веселых одесситов Ильфа и Петрова, скорее всего, как отражение тех комических событий (А. Трубицын. Реставрация юмора/ Литературная Россия. 20 сентября 2013).

Притягательность «машинки с турецким акцентом» оказалась столь сильной, что ссылка на И. Ильфа и Е. Петрова появляется в заметке о марках пишущих машинок и их истории:

Пишущая машинка широко использовалась литераторами <...> Не отставал от технического прогресса известный предприниматель и сын турецко-подданного Остап Бендер. *«На базаре была куплена старая пишущая машинка “Адлер”, в которой не хватало буквы “э” <...>* А почему не «Ремингтон» или «Ундервуд»? Эти модели имели более широкое

распространение <...> К началу XX века в разных странах было создано более 3000 моделей пишущих машинок, и «Адлер» – одна из них (В.Г. Васильев. Из истории пишущих принадлежностей) (cdokp.tstu.tver.ru <2017>).

Батистовые портянки и крем Марго. В гл. XII «Двенадцати стульев» Бендер рисует Воробьянинову картину шикарной жизни после того, как они найдут драгоценности: «*Ничего, ничего, либер фатер Конрад Карлович Михельсон, найдем! Святое дело! Батистовые портянки будем носить, крем Марго кушать*». В осмыслении деталей романа «Двенадцать стульев» используется фрагмент цитаты как символ беззаботной жизни:

Батистовые портянки и крем Марго в контексте произведения «Двенадцать стульев» – эдакий символ *dolce vitae* <...> *Батист* в то время был популярен, но *портянки* из него не шили, слишком дорого (olga-srb.livejournal.com <2017>); Мне часто отечественная либерда пытается доказать, что американские пенсионеры после заслуженного ухода с работы только и делают, что ничего не делают, катаются по миру, *кушают крем Марго, портянки батистовые носят* (uspehrussia.livejournal.com <2012>).

Редко это выражение встречается в вопросно-ответных чатах интернета:

Вопрос: *Крем Марго* – действительно реальное кулинарное блюдо или просто символ богатства? Хотелось бы узнать рецепт того самого *крема Марго*, о котором так мечтал товарищ Бендер. Ответ-реакция: *Батистовые портянки будем носить, крем Марго кушать* («Двенадцать стульев»; <https://otvet.mail.ru> <2013>).

Вегетарианское питание и примус. Бендер и Воробьянинов попадают в общежитие имени монаха Бертольда Шварца («Двенадцать стульев», гл. XIX), где сталкиваются с особенностями быта его обитателей, в дальнейшем получающего интертекстовое осмысление. Так, в современной заметке о вегетарианском питании встречаем:

[Загол.] «*А мы примуса не держим...*» [В тексте] По сути, вегетарианское движение стало попыткой создать элемент гражданского общества в пореформенной России, а это меньше всего было нужно большевикам <...> Осенью 1929 года члены Вегетарианского общества были арестованы и частично сосланы в Сибирь. Неудивительно, что деятели литературы и искусства тоже относились к вегетарианству в лучшем случае иронично <...> все помнят 19-ю главу романа «Двенадцать стульев» <...> [Лиза Калачова] грустно признается: «*А мы примуса не держим, зачем? мы ходим обедать в вегетарианскую столовую...*» (Е. Зайцева. За котлеты из лапши – в Сибирь. Родина. 2017. № 11).

Тема заметки об истории *примуса* закономерно дает текстовую реакцию из Ильфа и Петрова:

Много ироничных высказываний адресовано в мировой литературе такому предмету быта, как примус <...> У Ильфа и Петрова то и дело «*в пятом пенале... ржал примус и целовались*» <...> На самом деле «*примус*» – слово очень достойное и по-латыни означает «первый», «лучший» (Н. Коноплева.

Примус вульгарис. Наука и жизнь. 2011. № 6); Примус <...> был самый распространенный в прошлом столетии нагревательный прибор <...> У Ильфа и Петрова «Птибурдуков <...> мыкался по кухне среди длиннопламенных примусов» («Золотой теленок», гл. XIII) (Н. Коноплева. Примус вульгарис. Наука и жизнь. 2011. № 6).

Стетсоновская шляпа с дырочками. Иноязычные обозначения используются при описании деталей одежды героев дилогии. Например, в гл. VII «Золотого теленка» встречаем: «В магазине автомобилисты задержались недолго. Для Балаганова нашлась ковбойская рубашка в просторную канаречную клетку и стетсоновская шляпа с дырочками». «Стетсоновская шляпа» появляется и в главах VII и IX «Золотого теленка» при описании Балаганова. В заметке об особых («ковбойских») шляпах встречаем:

[Загол.] *Стэтсоновская шляпа с дырочками.* [В тексте] «За рулем, согнувшись, сидел усталый шофер в хромовой тужурке. Рядом с ним дремал широкоплечий малый, свесив набок голову в стетсоновской шляпе с дырочками» (И. Ильф, Е. Петров). *Стетсоновская шляпа* (ковбойская шляпа) – головной убор с круто загнутыми с боков полями и вентиляционными отверстиями на тулье, названная по имени американского шляпника Джона Б. Стетсона (Народный костюм. Энциклопедия. Folk-costume.com <2017>).

Егерское бельё. В качестве гардеробного экзотизма упомянем также *егерское бельё*, упоминаемое в гл. VI «Двенадцати стульев»:

Егерское (егеровское) бельё – из тонкого шерстяного трикотажа. Название происходит не от слова «егерь», а от имени немецкого гигиениста Густава Йегера. С 1880-х годов он рьяно доказывал, что шить одежду и бельё надо только из шерстяных тканей. Ипполит Матвеевич в «Двенадцати стульях» укладывался спать «в заштопанном егерском бельё» (М. Раевская. «Голландская рубашка» и «бумажные чулки» – к истории понятий; <https://newsland.com/community/5548/content/gollandskaia-rubashka-i-bumazhnye-chulki-k-istorii-poniatii> <2017>).

Кефир. В гл. XX «Золотого теленка» упоминается заимствованное русским языком слово *кефир* в разговоре Паниковского с Балагановым: «*Заплатите за кефир, Шура, потом сочтемся.*». Эта сцена актуализируется в заметке о пользе *кефира*:

Воспетый в художественной литературе (<...> «*заплатите за кефир, Шура, потом сочтемся*») и советских фильмах, этот напиток [кефир] до сих пор так же ценится за свои вкусовые и целебные свойства, как и много столетий тому назад (Кефир, кефир и еще раз кефир!; panorama-rest.com <2017>).

Вместе с тем, закономерным также будет и метафорическое употребление высказывания при обобщении стремления переложить материальные проблемы на чужие плечи. При обсуждении вопроса о правомерности налогообложения вспоминается лукавство Паниковского, *кефир* же служит лишь интертекстовым фоном:

Будет принят новый закон, обязывающий БТИ оцифровать и принудительно передать всю информацию о недвижимости <...> Минюст в очередной раз нам как бы говорит: *«Заплатите за кефир, Шура, потом сочтемся...»*. (mlp.com.ua <2013>).

Ряд примеров и тематических групп может быть продолжен.

К романам И. Ильфа и Е. Петрова восходят сотни интертекстовых единиц, вошедших в живое употребление: «Без интертекстуальных богатств “Двенадцать стульев” и “Золотого тельца” уровень массового дискурса советских десятилетий оказался бы существенно иным» [Щеглов 2009, 51], и восприятие иноязычных бытовых деталей имело бы иную интерпретационную направленность. Показательно, что при существенном изменении круга чтения современных носителей русского языка влияние на массовый дискурс текста диалогии остается весьма значительным.

Доброва Мария Сергеевна, университет им. Ф. Палацкого г. Оломоуц, Чехия
mariia.dobrova@upol.cz

О новой русской фразеологии «эзотерического» происхождения¹⁰⁷

Современный русский язык и современная русская речь испытывают на себе влияние множества факторов, среди которых и появление новых дискурсивных пространств (часто субкультурного происхождения), активно «вербализующихся» в СМИ и интернете и приносящих в язык и речь периферийные единицы. Одним из таких «пространств» становится с каждым днем все более набирающий популярность (псевдо)эзотерический дискурс, являющий собой совокупность представлений (иногда поверхностного характера) о духовной проблематике и интерпретаций духовных и религиозных учений. Современный эзотерический дискурс¹⁰⁸ как популярное явление становится объектом внима-

¹⁰⁷ Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR Univerzitě Palackého v Olomouci (IGA_FF_2020_013).

¹⁰⁸ Безусловно, многообразие входящих в данную сферу явлений позволяет поставить вопрос о сложности и неоднородности того, что называют эзотерическим дискурсом. И если понимать эзотеризм как «духовное образование, для которого характерны претензии на герметичность (закрытость) своего содержания от «непосвященных», способность приобщения своих адептов к трансцендентным тайнам мироздания, сложная символизация и ритуализация своего функционирования в обществе» (О. И. Рабинович) [Цит. по: Пахомов 2013, 42–43] или как «комплекс различных учений, которые претендуют на обладание неким тайным знанием и сопровождаются практиками психотелесной трансформации» (С. В. Пахомов) [Там же, 43], где в дефинициях отмечается роль тайного, сокровенного знания, недоступного всем, то современная популярность, массовость и своеобразная открытость эзотерики позволяет говорить о двух видах эзотерического дискурса – его классической, собственно эзотерической, узкой форме и псевдоэзотерическом (или квазиэзотерическом) дискурсе, представляющем собой отражение «тайных» знаний в общественном, массовом сознании. Осознавая сложность определения того, что называть

ния ученых в рамках гуманитарных исследований, см., напр., работы Дискурсы эзотерики 2001; Зорина 2000; Изучение эзотеризма в России 2017; Кузьминская 2014; Курносов 1997; Михайлов 2010; Пахомов 2011; 2013 и мн. др., а о повышенном общественном интересе к «тайнознанию» и его включенности в различные сферы культуры говорит Л. В. Фесенкова: «Сегодня в наше общественное сознание широким потоком вливаются представления эзотерики и оккультизма. Они бытуют здесь в разных формах: от доморощенных учений практикующих колдунов и экстрасенсов до высокоинтеллектуальных концепций, вобравших в себя культурные традиции Запада и Востока и ориентированных на последние достижения науки. Эти представления проникают в различные области культуры и науки: в экологию, психологию, медицину, искусство. Они становятся как бы само собой разумеющимся “естественным” убеждением интеллектуальной элиты. Термины “чакры”, “карма”, “реинкарнация”, “самадхи” и другие постепенно теряют свой экзотический привкус и становятся привычными в обиходе интеллигенции. <...> Эзотерические представления становятся все более весомыми, наполняя собой целый пласт духовной жизни, который оказывает значительное влияние на все области современной культуры» [Дискурсы эзотерики 2001, 5].

Тезис о возросшей популярности сверхъестественного легко проиллюстрировать и обнаружить массовым «эзотерическим» фразеологизмом¹⁰⁹, получающих активную текстовую реализацию в СМИ и интернете. О лексике (и частично фразеологии), отражающей суеверия и религиозные воззрения людей (напр., *порча, сглаз* и мн. др.), исследователи активно заговорили в связи с явлением реактивации целых групп лексики и фразеологии в языке перестроечной и постперестроечной России, см., напр., работы Валгина 2003; Stěpanova 2011 и др. Большая часть эзотерической лексики неологизмами не является, а представляет собой именно реактуализованные в новых условиях лексемы (*нирвана, карма, чакра, сансара, гороскоп* и др.). Н. А. Козулина отмечает, что лексика, связанная с астрологией, отражается неографическими серийными изданиями «Новые слова и значения» и «Новое в русской лексике. Словарные материалы» уже с конца 1970-х годов, причем исследование языка прессы последующих лет свидетельствует о дальнейшем развитии лексики этой тематики [Козулина 2012, 295–296].

При этом наши наблюдения говорят о том, что фразеологические единицы из эзотерического дискурса в тексты массмедиа и быденную речь стали проникать совсем недавно и сформировали собой целую группу неофразем «эзотерического» происхождения. Безусловную роль в подобном переходе устойчивых выражений узкой сферы в массовую речь, а также в росте популярности и функционального потенциала подобных фразем играют современные медиа и интернет, способствующие как поддержке коммуникации в рамках конкретных субкультур (напр., в социальных сетях, интернет-сообществах,

эзотерическим дискурсом, и не делая эту проблему предметом нашего анализа, в данном исследовании мы будем понимать эзотерический дискурс расширительно, поскольку нас интересует не сам дискурс, а скорее те элементы, которые, выйдя из породившей их сферы, активно используются в регулярной, обычной коммуникации.

¹⁰⁹ Ср. также, например, множество лексических неологизмов эзотерического характера, отмечаемых современными словарями неологизмов (астрал, астральный, астрокоч, астрокочинг, феншуй, феншуйский и мн.др.) [Stěpanova, Dobrova 2018].

посвященных различным духовным практикам и популярной психологии), так и мгновенному распространению множества языковых и речевых явлений. Также наблюдения за текстами современных СМИ и блогосферой позволяют говорить о том, что существуют и наиболее продуктивные области эзотерики, приносящие фраземы в неэзотерический дискурс. Такими сферами могут становиться не только вся общеэзотерическая область (ср., напр., уже отмеченные словарями [Stěpanova, Dobrova 2018] выражения **выйти (уйти, вылететь) в астрал** 'ирон. Начать вести себя неадекватно': *Помню, нам с подружкой хватало одной банки на двоих, чтобы уйти в полный астрал* julemaniya.livejournal.com, **быть в полном астрале** 'ирон. Вести себя неадекватно или рассеянно': *Сам-то понял, что написал? Или уже в полном астрале?* oladuh1.livejournal.com), но и более узкие ее «отрасли».

Так, очень популярные в настоящее время **астрология** и астрологические прогнозы (и весь связанный с предсказаниями профетический дискурс в целом), заполонившие современные медиатексты, не только реактуализировали в новых условиях некоторые фразеологические библеизмы за счет моделей, основанных на обыгрывании лексем *телец, овен* [Доброва 2019, 212–213], но и породили фразеологический неологизм **ретроградный меркурий** '1. Шутливо-иронично о каком-либо незначительном мешающем факторе, которому придется излишнее значение', 2. 'О неожиданных проблемах' (*Очередной ретроградный Меркурий. Уже не только светит, но и греет. Чем еще, как не его влиянием, можно объяснить нежелание некоторых людей проходить карантин, если они волею судеб попали в зону распространения коронавируса. Не хочется же принимать на веру самое очевидное объяснение – вот тупые!*¹¹⁰ [https://www.mk.ru]; *У нас случился очередной ретроградный Меркурий. Ребёнок заболел, оказалось, что няня, которую мы до сих пор вызывали в таких случаях, ну никак не может, у меня на работе заболела коллега и я сама никак не могла взять больничный, Максиму надо было подготовить зарплатные табеля, чтобы подчиненные получили зарплату до праздников, он тоже не мог* [http://muchachka.livejournal.com]; *Как откупиться от Ретроградного Меркурия* [https://www.the-village.ru] и продуктивные модели на основе типа **делать что-л. на ретроградном меркурии, вязаться в ретроградный меркурий** и под.

Относительно недавно пришедшая в Россию даосская система организации и гармонизации окружающего пространства – **фэншуй** также вносит свой вклад в пополнение корпуса эзотерических фразеологизмов. Несмотря даже на нестабильную до сих пор графическую форму данного неологизма (встречаются варианты *фэншуй, фэн-шуй, фенишуй, фен-шуй*), медийная популярность самого учения привела к быстрому переосмыслению первоначального выражения *делать / сделать что-л. по фэншую / фэн-шуй* 'организовывать пространство в соответствии с концепцией фэншуй' и появлению шутливо-иронических фразеологических неологизмов (ФН):

по фэншую (фэн-шуй) что 'ирон. Хорошо, правильно' (*Вам нужно отдохнуть. Но и отдыхать нужно правильно, по фэншую, а не абы как.* [http://umachka-snow.livejournal.com]);

¹¹⁰ Все примеры из СМИ и интернета приведены с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

не по фэншуйю (фэн-шуй) что 'ирон. Плохо, неправильно' (*Парад Победы – это не по фэншуйю: Поклонская высказалась об отмене на Украине празднования 9 Мая*) (tsargrad.tv), *Заказник располагался не по фэн-шуйю* [www.stav-reporter.ru].

Однако самым продуктивным источником пополнения корпуса «фразеологических эзотеризмов» становится **квазитерминосистема йоги (и других индийских духовных практик)**, принося в современный русский язык следующие выражения, как правило, включающие в свой состав лексемы, отражающие реалии данной духовной культуры, – *карма, дзен, чакры* и др.:

колесо сансары 'ирон. О чем-либо монотонном или незакончивающемся' – *А еще и на работу надо идти. Вот было бы так: у тебя срочное дело, семейный слет, поход в больницу, и ты говоришь: «Так, ребята, я пашу на вас ГОДАМИ, но сейчас мне некогда, справляйтесь как-нибудь сами». И выпасть из колеса сансары дня на два-три* [http://margosha-8.livejournal.com];

повторять как мантру что 'Повторять одно и то же много раз' (*Я уже была готова на все, лишь бы прекратить это безумный заезд, но более стойкие среди нас товарищи, как мантру повторяли «Предоставьте нам то, что мы заказывали – бунгало с видом на море и все!»*) [http://yulia-kmoon.livejournal.com];

быть, находиться, погружаться / погрузиться, впасть / впасть в нирвану 'Достигать состояния высшего блаженства, максимальной расслабленности' – *Я устала кричать на детей по пустыкам, на мужа. Я хочу жить в нирване и настрять на все, пусть весь мир перевернется* [http://mamatilddada.livejournal.com];

улетать / улететь в нирвану 'Находиться в состоянии наркотической эйфории' – *Несколько раз я наблюдала, как люди улетают в нирвану, затянувшись «травкой»* [http://maryposh.livejournal.com];

отрацивать / отрастить дзен 'ирон. Стать спокойным, равнодушным; не реагировать на проблемы, сложные ситуации' – *Я отрастила дзен и не нервничаю по каждому писку младенца* [http://pomidorinka.livejournal.com];

постигать / постичь, познавать / познать дзен 'ирон. Расслабиться; достичь состояния полного умиротворения, покоя' – *На седьмой день озбиодания пассажир постигает дзен: он умеет читать выключенное табло прилетов-вылетов, знает по имени всех сотрудников аэропорта, металлоискатель перестает пищать при его прохождении, даже если карман полон мелочи* [http://basovchukotka.livejournal.com];

получать / получить в карму плюсы 'ирон. Какими-либо действиями улучшать свою судьбу, свою жизнь' – *В итоге из-за невнятной позиции пиарщиков, которые сами не знают, чего хотят, Атлашево вряд ли получить плюсов в карму от местной блогосферы* [http://loginovnicolay.livejournal.com];

портить / испортить карму кому 'ирон. Ухудшать судьбу, жизнь кого-либо' – *Но Пелевин сам себе портит карму каждый год, выпуская ещё одну плохую книгу* [http://ru-sorokin.livejournal.com] и мн. др.

Ироничное отношение говорящих к самим явлениям, а также связь многих «йогических» фразеологизмов с телесностью (отражающей, казалось бы, парадоксальную для «непосвященного» человека ориентацию духовного учения на физическую сторону человека и телесные практики) приводит к активному использованию многих фразеологических единиц (ФЕ) эзотерического происхождения в роли эвфемизмов. Так, в качестве новых шуточных эвфемистических выражений в публицистических и интернет-текстах, нуждающихся в эвфемизации традиционных тем (в первую очередь, для обозначения телесного низа и

сексуальной жизни человека), из псевдоэзотерического дискурса во фразеологический фонд русского языка приходит выражение **нижние чакры** (**нижняя чакра**) – *Эх вы, женщины, путь к сердцу мужчины лежит через нижние чакры, а вовсе не желудок, – заявил «Антенне» Никита Джигурда [wday.ru], Высказывания о состоянии или качестве «нижней чакры» способны вывести из строя даже «могучего жеребца» [24smi.org]. Ср. и другой фразеологический эвфемизм, возникший на его основе, **открывать (прорабатывать) нижние чакры** ‘ирон. Совершать половой акт’ – *Зашел он как-то за ней на тренировку, сунулся в соседнюю дверь, а там... кровати, парочки, открывают нижние чакры дружно... дверь из матового стекла... день на дворе...* [<http://ru-marazm.livejournal.com>]. Регулярно участвует ФН **нижние чакры (нижняя чакра)** и в качестве переменного компонента в устойчивом обороте *делать что через <...>*, порождая новое выражение **делать что-либо через нижние чакры** ‘ирон. Делать что-либо плохо, некачественно’ – *«Проект века» стали реализовывать через нижнюю чакру... Однако это не помешало руководству Минераловодского городского округа приступить к реализации сомнительного проекта и освоению бюджетных средств* [<http://www.stav-reporter.ru>].*

В эвфемистической функции используются и ряд других переосмысленных выражений, пришедших из языка йоги: **тантрические практики** ‘ирон. 1. Половой акт. 2. Сексуальные отношения’ – *Баба Люба приобщила к практикам тантрическим, правда получается лишь эпизодически* [<http://nunegadli.livejournal.com>], **заниматься тантрой / тантрической йогой / тантрическими практиками, практиковать тантру, делать тантрические практики** в значении ‘ирон. Вступать с кем-л. в половую связь; совершать половой акт’ – *Плюс – желание как-то оправдать собственную распущенность: мол, мы не просто траву курим, но медитируем; не просто сношаем без разбора, но практикуем Тантру; не просто бухаем, но впадаем в нирвану и т. д...* [<http://dneprovskij.livejournal.com>], *«Можно ли будет когда-нибудь ПРОСТО ЖИТЬ – без практик, расстановок, фрирайтинга и т.д., читать художественную литературу, а не психологические книжки, и делать с мужчинами не тантрические практики, а просто любить?!»* [<http://inkin.livejournal.com>].

Несмотря на то, что «конец XX века проходит под знаком широкой популярности эзотерики, поэтому без преувеличения можно сказать, что «тайнознание» становится элементом массового сознания, массовой культуры» [Дискурсы эзотерики 2001, 238], из приведенных примеров явно видно, что большинство фразеологических «эзотеризмов», вышедших из породившего их специфического, «тайного» дискурса, попав в язык повседневного общения, в язык СМИ, интернета, в «язык непосвященных и непросветленных», приобретает шутовскую окраску¹¹¹, используется в качестве ироничных элементов текста, что говорит об особой социальной оценке, о скептическом отношении говорящих к большинству явлений, когда-то легших в основу этих устойчивых оборотов. Возможно, именно благодаря своей «квазитерминологичности» и исполь-

¹¹¹ Ср. и недавно возникшие иронические лексические неологизмы типа *гурия*, *йогиня*, *йоганутые* и др., также отражающие скептическое восприятие «тайного знания».

зованию в обычной, неспециализированной речи, данные выражения и обретают популярность, быстро переосмысляются и становятся полноценными фразеологическими единицами. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что современные эзотерический и псевдоэзотерический дискурсы действительно оказывают влияние на язык и становятся серьезным источником возникновения фразеологических неологизмов. При этом важно отметить, что фразеологизмы эзотерического происхождения под влиянием современных массмедиа и интернета частично утрачивают свой «экзотизм» и становятся полноценными компонентами системы современного русского языка.

Анна Дмитриевна Еськова, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
GratiaA@yandex.ru

Авторская фразеология и паремнология в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина»

Анализируя литературное произведение, важно исследовать характерные именно для него сочетания слов. В этой статье продолжается рассмотрение авторских устойчивых выражений в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина». К ним относятся, во-первых, обороты, употребленные в тексте несколько раз, во-вторых, выражения, пусть и встретившиеся однократно, но отмеченные как характерные для того или иного персонажа. Указания на подобную характерность как раз и являются маркерами фразеологичности сочетания. Примером могут быть слова Макарова в разговоре с Самгиным:

*– Мне иногда кажется, что толстовцы, пожалуй, правы: самое умное, что можно сделать, это, как сказал Варава, – **возвратиться в дураки**. Может быть, настоящая-то мудрость по-собачьи проста и напрасно мы заносимся куда-то? (21, 46)¹¹².*

Индивидуальность оборота устанавливается с опорой на Национальный корпус русского языка. Если в НКРЯ примеры на то или иное выражение представлены только цитатами из Горького или из Горького и более поздних авторов, можно отнести его к горьковским оборотам.

В работе не рассматривается индивидуально-авторское употребление общеязыковых фразеологизмов и паремий. Внимание сосредоточено именно на авторских выражениях.

Устойчивые обороты могут возникать, к примеру, в описаниях внешности. Так, маленького Клима потрясли волосы матери:

*Мать редко смеется и мало говорит, у нее строгое лицо, задумчивые голубоватые глаза, густые темные брови, длинный острый нос и маленькие розовые уши. Она заплетает свои **лунные волосы** в длинную косу и укладывает ее на голове в три круга, это делает ее очень высокой, гораздо выше отца (21, 48).*

Примеры с другим оборотом:

¹¹² ГОРЬКИЙ М. Жизнь Клима Самгина (сорок лет) // Полное собрание сочинений: художественные произведения в двадцати пяти томах. Москва: Наука, т. 21–24, 1974–1975. Ссылки на это издание даются в скобках, с указанием тома и страницы.

Приехал на трескучей пролетке Ксаверий Ржига с виолончелью, тощий, кривоногий, с глазами совы (21, 72); – Картошка – народ! – взвизнул голосок мужика средних лет с глазами совы (24, 76).

Трижды в романе Горького выражение *маленький человек* применяется к царю Николаю II. К нему же относится наименование *царь карликовых людей* (слова Муромского). Карликовыми названы люди, стоявшие на коленях во время молебна при объявлении войны Японии.

«Вожди! – мысленно крикнул Самгин, но так, что услышал крик свой вне себя и даже оглянулся. – А – царь? Едва ли этот маленький человек спокойно пьет чай...» (22, 572–573).

В этом произведении постоянно подчеркивается слабость, даже беспомощность царя, его неспособность быть вождем. После молебна Самгин глубоко разочарован.

«Да, ничтожный человек, – размышлял он не без горечи. – Иван Грозный, Петр – эти сказали бы, нашли бы слова...»

Он чувствовал себя еще раз обманутым, но и жалел сизого человечка, который ничего не мог сказать людям, упавшим на колени пред ним, вождем (22, 490)

Единства нет не только между царем и народом, но и между обычными людьми в повседневной жизни. В целом персонажи романа подчеркнуто разобщены, иногда демонстративно отказываются от коммуникации.

На дворе грохнуло, точно ящик упал и разбился, Самгин вздрогнул, и в то же время в дверь кабинета дробно застучала Варвара, глухо говоря:

– Отопри! Я – не могу одна, я боюсь! Ты слышишь?

– Слышу, но не отопру, – очень громко ответил он (23, 35).

Думается, что к индивидуально-авторским фразеологизмам относится и выражение *пирог с вареньем* – ‘о чем-л. особо привлекательном, притягательном, возможно, сулящем большие выгоды’, употребленное в однородном ряду с французским устойчивым оборотом. Варавка говорит Климу: *– Ты, брат, взгляни, какой домшко избобрел я прокурору, – он выходит в отставку и промышленным делом заняться намерен. Эдакий, знаешь, стиль фенде-сьекль¹¹³, декаданс и вообще – пирог с вареньем* (22, 220).

Здесь можно видеть своего рода наведенную фразеологизацию. Речь Тимофея Степановича вообще насыщена авторскими фразеологизмами. Отметим, кстати, что в романе весьма значимы образы еды, возможно, им придется посвятить отдельный выпуск идеологического словаря.

Особого внимания, как представляется, заслуживают авторские паремии – обобщающие суждения пословичного характера. Вспомним еще один диалог Макарова и Самгина:

– Один естественник, знакомый мой, очень даровитый парень, но – скотина и альфонс, – открыто живет с богатой, старой бабой, – хорошо сказал: «Мы все живем на содержании у прошлого». Я как-то упрекнул его, а он и – выразился.

¹¹³ Конец века (франц.)

Тут, брат, есть что-то... – Ничего не вижу, кроме цинизма, – сказал Самгин (21, 322-323).

Как видим, персонажи все-таки равнодушны к словам друг друга, реплики говорящих глубоко эмоциональны. Слово в данном случае непосредственно связано с нравственностью.

Индивидуально-авторские фразеологизмы и паремии в романе могут иметь варианты. Сравним две реплики историка Козлова:

– *Самомнения много у нас, – сказал Клим.*

– *Именно! И – торопливость во всем. А ведь вскачь землю не пахнут. Особенно в крестьянском-то государстве невозможно галопом жить. А у нас все подхлестывают друг друга либеральным хлыстиком, чтобы Европу догнать (22:32). В тихом-то трудолюбии больше геройства, чем в бойких наскоках. Поверьте слову: землю вскачь не пахнут, – повторил Козлов, очевидно, любимую свою поговорку (22, 37).*

В НКРЯ на это выражение только один горьковский контекст (из «Жизни Клим Самгина»), но в учебных пособиях оно представлено как пословица – см., например [Разумовская 2019, 96]. Обнаружить в тексте авторские паремии помогают употребленные в романе слова *пословица, поговорка, афоризм*.

Варвара и Клим обсуждают манеру их повара говорить:

– *Знаешь, есть что-то... пугающее в том, что вот прожил человек семьдесят лет, много видел, и всё у него сложилось в какие-то дикие мысли, в глупые пословицы...*

– *Пословицы – не глупы, – авторитетно заявил Самгин. – Мышление афоризмами характерно для народа, – продолжал он и – обиделся: жена не слушала его.*

– *Он очень не любит студентов, повар. Доказывал мне, что их надо ссылать в Сибирь, а не в солдаты. «Солдатам, говорит, они мозги ломать станут: в бога – не верьте, царскую фамилию – не уважайте. У них, говорит, в головах шум, а они думают – ум» (22, 351).*

Процитированное женой Клим суждение повара роднит с пословицей не только обобщающий смысл и открытая оценочность, но и рифма противопоставленных компонентов – *шум и ум*.

Варвара тут же выносит свою оценку речевому поведению повара:

– *Нет, я не люблю мышления пословицами. Не люблю. Ты послушай когда-нибудь, как повар беседует с Митрофановым (там же).*

Особый разряд фразеологизмов составляют неоднословные прозвища: *Белая Мышь, Желтый Ноль, Ваня с Праздником* – см. о прозвищах как фразеологизмах [Загрядская 2003; Лукавченко 2016]. За каждым из них стоит определенное событие в жизни персонажа. Прозвища в целом образуют важный разряд ономастикона романа. Их дают друг другу и дети, и взрослые. Клим-студент с удовольствием выдумывает клички преподавателям:

Позаимствовав у Робинзона незатейливое остроумие, он дал профессорам глумливые псевдонимы: Словолюбов, Скукотворцев (22, 89).

Играя с маленьким Климом, Варавка в шутку выдает услышанную паремию за свою фамилию:

– *Почему у тебя такая такая насекомая фамилия? Ты – не русский?*

– *Я – турок, – ответил Варавка. – Моя настоящая фамилия Бей Непалкой Акопейкой бей. Бей – это по-турецки, а по-русски значит – господин.*

– Это вовсе не фамилия, а нянькина пословица, – сказал Клим (21, 18)

Сопоставляя Москву и Петербург, Клим Иванович создает паремию. Афоризм стихийно возник у Самгина при мысленном сравнении звуков двух столиц. Над Москвой хвастливо сияло весеннее утро; по неровному булыжнику цокали подковы, грохотали телеги; в теплом светло-голубом воздухе празднично гудела медь колоколов; по истоптанным панелям нешироких кривых улиц бойко шагали легкие люди, походка их была размашиста, топот ног звучал отчетливо, они не шаркали подошвами, как петербуржцы. Вообще здесь шума было больше, чем в Петербурге, и шум был другого тона, не такой сыроватый и осторожный, как там.

«В московском шуме человек слышней», – подумал Клим, и ему было приятно, что слова сложились, как *поговорка* (21, 262).

Итак, индивидуально-авторские фразеологизмы и паремии организуют общее языковое пространство романа Горького. Практически все события в романе увидены глазами Клима, а устойчивые обороты передают также эмоции других персонажей

Эту работу можно считать первым шагом в собирании материалов к словарю индивидуально-авторских устойчивых выражений как части Идеологического словаря романа.

IV. Фразеологические неологизмы в в концептуальном пространстве

Михаил Сергеевич Хмелевский, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
Александр Викторович Савченко, Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй, Тайвань
Ольга Викторовна Раина, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
chmelevskij@mail.ru; savchenko75@mail.ru; o.raina@spbu.ru

Концептуальное переосмысление тюркизма «майдан» в современных славянских языках и фразеологии¹¹⁴

Славяне вследствие многовековых тесных историко-культурных контактов с тюркскими народами испытывали влияние их языков, перенимали и адаптировали их лексику, которая нередко переживала определенные семантические трансформации, а в некоторых случаях даже приобретала философско-концептуальный смысл. Одним из ярких таких примеров может служить развитие семантического значения ориентализма *майдан* на славянской почве, которое продолжается вплоть до настоящего времени.

Лексема *майдан* пришла в тюркские языки из арабского, где изначально имела значение ‘поле’, ‘открытая площадка’, а также ‘главная торговая площадь в городе’, ‘базар’; в свою очередь это слово было заимствовано арабами из персидского [Фасмер 1986, 559]. Вследствие тесных арабско-тюркских культурных и религиозных контактов оно, как и многие другие, проникает в тюркские языки в своем основном в значении: ‘площадь’, ‘«ровное свободное место». Сравним, например, татарское *майдан* 1. ‘площадь, плац’, 2. ‘арена, манеж’, 3. ‘поприще’, 4. ‘участок, площадь’ [Сабилов 2008, 168]. Приведем контекст употребления данной лексемы из татарского фольклора:

Надо оповестить народ, устроить на майдане скачки и состязания по борьбе. И собрали на майдане народ (Татарские народные сказки).

А вот турецкий вариант – слово *meydan*: ‘площадь, плац, поле, площадка’; в том числе в составе таких устойчивых словосочетаний, как 1) *muharebe meydanı* (поле боя), 2) *hava meydanı* (аэродром), а также употребляющееся в следующих значениях: 3) площадь в городе или селе (например, *Taksim meydanı* – площадь Таксим в Стамбуле, 4) кругозор, поле зрения, пространство, 5) возможность, удобный случай [Баскаков, Кямилаева 2006, 624-625].

В турецком языке лексема *meydan* выступает и в качестве компонента в таких фразеологических сочетаниях и лексических сращениях, как *meydanda (dir)* – ‘налицо’, т.е. ‘ясно, открыто, очевидно, известно’, *meydanda* – ‘обстановка ясна’, ‘ситуация как на ладони’, *meydanı boğ bulmak* – ‘почувствовать свободу’, *meydana çıkarmak* – ‘выводить на чистую воду’, *meydana çıkmak* – ‘выходить наружу’ (там же).

В некоторых тюркских языках, как, например, в казахском или киргизском, это слово, также пришедшее в них из персидского через посредство

¹¹⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

арабского, а далее турецкого, употребляется уже в переносном значении – ‘арена, фронт, поле битвы’ [Бектаев 1995, 314; Юдахин 1965, 214], т. к. именно на главной площади города традиционно проводились разного рода состязания и спортивные мероприятия [Кузнецова 2018, 118].

Что касается «новой жизни» этого заимствования, то, например, в украинский язык, а точнее (в тот исторический период) в южные наречия древневосточнославянского языкового ареала, оно попадает из тюркских языков через кыпчако-половецкий, т. е. западно-кыпчакский, или куманский язык, который был широко распространен на территории Киевской Руси, начиная с XII века, а также через татарский – в значении ‘большое незастроенное место в селе или городе, площадь’ [ЕСУМ, т. 3, 361; Фасмер, т. 2, 559; Аникин 2008, 85]. Приведем такой контекст: *Сіло сонце. На майдані Сяїні огнища горять І дівчата завітчані З парубками гомонять.* [СУМ, т. 4, 597].

Следует отметить, что в украинском языке тюркизм *майдан* и исконно славянская лексема *площа* не являются тождественными и полными синонимами. Если лексема *площа* обозначает любую городскую площадь, то *майданом* в Центральной Украине, а также в казацких селах Подонья, Поволжья и Приуралья традиционно называли место, площадь, расположенную у церкви, где жители собирались для решения общественных и частных вопросов или споров, т. е. это было место сходок односельчан или место выступления членов казачьего совета в сечи (ср. с понятием *новгородское вече*). То, что это были главное место в селе или площадь в городе, расположенные именно у церкви, свидетельствует фрагмент стихотворения украинского поэта П. Г. Тычины:

«На майдані коло церкви революція іде... На майдані коло церкви посмутилися матері... На майдані тил спадає, Замовкає річ... Вечір. Ніч.» [Тичина 1983, 41].

Вместе с тем лексема *майдан* также могла обозначать и базарную площадь. При этом отметим, что, согласно комментариям наших информантов¹¹⁵, в период советизации Украины, когда в городах и селах церкви были или снесены, или использовались как овощехранилища, сельские клубы, склады и т. п., старое концептуальное понятие *майдан* в значении ‘место встречи, сходок’ в народном сознании заменилось понятием *вигін* – ‘место, часто у бывшей церкви, где встречались односельчане, пригонявшие коров с пастбища, для обсуждения и решения общих насущных вопросов’.

С течением времени ориентализм *майдан* в восточнославянских языках переживает целый ряд лексико-семантических, стилистических и ассоциативных трансформаций. Так, в украинском (как и в русском) языке он получает дополнительное значение «лесная прогалина», а также «ровное поле, низина, окруженная лесом или постройками», при этом сохраняя исконную сему открытого пространства. Как в украинском, так и русском языках развиваются дополнительные значения: 1) (лесная) смолокурня – *майданник/майданицик* – т. е. «дегтярщик» (отсюда устойчивое выражение в укр. *майданний дьоготь*), что явилось результатом переноса значения, обусловленного тем, что смолокурни располагались на ровных открытых местах или лесных лугах, 2) большое, незастроенное место в городе или селе [ЕСУМ, т. 4, 361; Ефремова, т. 1, 415].

¹¹⁵ Материал был собран в ходе полевых исследований в Центральной и Юго-Восточной Украине в период с 2004 по 2019 гг.

С 1989 г., после известных массовых народных выступлений, сначала в речи жителей Киева, а затем и официально главная площадь украинской столицы – площадь Октябрьской революции – была переименована в *Майдан Незалежності*, т. е. «площадь независимости» (или в разговорном языке просто *Майдан*). Это слово в украинском языке быстро приобрело новое концептуально-семантическое наполнение [Кузнецова 2020, 169]. Приведем такие показательные и наиболее частотные в употреблении метафоризированные и псевдофразеологизированные выражения, встречающиеся в современных украинских СМИ, как *Львівський майдан не розходиться; антифеміністичний майдан; Майдан у Львові: біля стін готелю збираються соратники Саакашвілі; Майдан з Тячева переноситься до Ужгорода; Самооборона Майдана в Одесі* и т.п.

Итак, можно констатировать факт того, что сдвиг семантики и актуализация устаревшего к настоящему моменту значения лексемы *майдан* ‘площадь у церкви как место сходов и решения насущных вопросов в казацкой сечи’ произошел вследствие различных политических событий, имевших место на главной площади Киева за последние три десятилетия. Выбор между названиями *майдан* и *площа* в пользу первого был сделан, очевидно, благодаря особому национальному колориту номинации *майдан*, исторически сложившемуся в украинском сознании, исторической многозначностью данной лексемы (‘открытое место’, ‘центральная площадь’) и романтической окрашенностью, а также, возможно, аллюзиями, восходящими к военно-демократическим традициям независимого запорожского казачества как некое «законодательное собрание» казаков, т. е. «украинское вече».

В настоящее время у лексемы *майдан* фиксируется целый ряд актуализированных значений: 1) спонтанное массовое собрание людей, выступающих за свои права, митингующих или открыто обсуждающих насущные общественные вопросы, причём уже без привязки к столице Украины, напр.: *Львівський майдан, Майдан в Одесі* и т. п.; 2) центральная площадь Киева как топоним; 3) люди, участвующие в митинге, – собирательное наименование протестующих как метонимический перенос: *Майдан продовжує мітингувати*; 4) кардинальное изменение чего-л.: *Кожен має зробити свій майдан всередині себе*, 5) споры и дискуссии; массовый протест: *пенсійний майдан* – массовые протесты против пенсионной реформы, *мовний майдан* (о языковом вопросе) и др. Отметим, что лексема *майдан* стала употребляться и как исторический термин для тех или иных политических событий последних десятилетий, формально не связанных с конкретным местом – Майданом Незалежности в Киеве, в частности: *Перший Майдан* – события 2004 г., *Поддатковий майдан* («Налоговый») – митинги 2010 г. против нового Налогового кодекса, а также в виде языковой игры для обозначения определенных политических акций, например, *Євромайдан* (или *Второй Майдан*) – ‘массовые протесты на Украине в 2013 г.’, *Автомайдан* – ‘выход на улицы Киева автомобилистов, перекрывавших дороги во время акций 2013 г.’, *Антимайдан* – ‘серия митингов в 2013 г., проходивших в Центральной и Восточной Украине в поддержку Партии регионов и Коммунистической партии Украины’, а также *Третій Майдан* – часто используемое в современном дискурсе украинских СМИ выражение для обозначения возможных новых массовых выступлений и протестов. Таким образом, данная лексема приобретает

метафоризированное, а нередко и фразеологизированное значение [Хмелевский 2019, 187].

В настоящее время появились также и новые словообразования: *майданівець / майданник / майданка / майданниця / майданівка, антимайданівці* – ‘участники вышеупомянутых событий’, *майданувати* – ирон. ‘митинговать’ [Кузнецова 2006, 56], а также глагольные формы: *помайданити, промайданити, замайданитися, домайданитися* – ирон. ‘добиться на митингах худшего, чем было прежде’ и т. п., *майданування*, или даже *майданінг, майданізація* – ирон. ‘митинг, времяпрепровождение на митингах’, *майданний / майданівський*, например: *У Харькові спалили євромайданівський автобус*.

В рамках анализа значений этой лексемы и ее употребления следует также упомянуть и об однокоренной диминутивной форме – *майданчик*, которая в украинском языке используется в следующих значениях: 1) диминутив от *майдан*: *Петрик вийшов з вокзалу на майданчик; Там, на майданчику, бекають віці*; 2) небольшое место на земле, предназначенное для каких-либо мероприятий [СУМ, т. 4, 1970–1980, 598], т. е. ‘земельный участок, площадка’, причем без какого бы то ни было политического оттенка: *дитячий майданчик* – ‘детская площадка’, *оглядовий майданчик* – ‘смотровая площадка’, *танцювальний майданчик* – ‘танцевальная площадка’, *майданчик для куріння* – ‘место для курения (открытое)’, *злітно-посадковий майданчик* – ‘взлетно-посадочная площадка, полоса’, *спортивний майданчик*, или *спортмайданчик* – ‘спортивная площадка’, *штрафний майданчик*, или *штрафмайданчик* – ‘штрафная площадка’ и т.п.

В русском же слово *майдан* не получило такого широкого распространения, как в других славянских языках. Его употребление в русском языке ограничено как территориально (юг России, а также исторические места поселения казаков в Сибири), так и социально в значении ‘место собрания, станичный круг, сходка у казаков’, которое помечается в словарях как «устаревшее» [Ефремова 2000, 415]. Приведем пример из романа М. А. Шолохова «Тихий дон»: «С той поры редко видели его в хуторе, не бывал он и на майдане». Вместе с тем значение «площадь» (в русском языке, главным образом, торговая, тогда как в украинском – любая, где собирается общественность города или села) в словарях обычно сопровождается пометой «местное»: ‘базарная площадь’ [Ожегов, Шведова 1999, 338].

Наиболее подробно значение русской лексемы *майдан* описал В. Даль: ‘площадь, место, поприще’, а также ‘сборное место’ [Даль 1979, 290], а в Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой приводится также значение ‘площадь, где происходят сходки, собрания, митинги’, причем с уточнением – «в южных областях России, на Украине» [СРЯ Т. 2, 216]. Такие словарные пометы свидетельствуют о том, что тюркское заимствование *майдан* в этих значениях попало в русский язык посредством украинского. Приведем еще примеры из художественной литературы: [Улицы] были безлюдны, но с майдана, станичной площади, доносились оживленные крики и музыка (П. А. Павленко); Прямо с майдана, со станичного круга, стали собираться гости (В. П. Авдеев) [Там же].

Отметим, что оба автора дают пояснения к слову *майдан*, что говорит о территориальной ограниченности использования данного слова в русском языке.

Нельзя также оставить без внимания еще одно значение данной леммы (которое незнакомо украинскому языку), относящееся к сфере криминального жаргона – ‘игорный притон на базаре’ или в воровском арго – ‘место тайной игры в карты или тайной продажи водки в тюрьме’ [Мокиенко, Никитина 2000, 330]. Аналогичную сему выделяют и другие словари, например, В. Даль данное значение трактует как ‘место, где собираются мошенники для игры в кости’ [Даль 1979, 290] и вместе с тем приводит производные однокоренные словообразования – *майданить, майданничать* – ‘мошенничать, промышлять игрой, мотать, прогуливать свое’, *майданник / майданищик* – ‘мошенник, шатающийся по базарам, обыгрывающий людей в кости, наперсточную, в орлянку, в карты’ [там же]. В «Большом словаре русского жаргона» представлено более десятка таких употреблений: ‘нелегальный тюремный магазин’, ‘нелегальная тюремная торговля’, ‘воровской притон’, ‘воровская группировка’, ‘тюрьма’, ‘место игры в карты’, а также даже ‘вагон’, ‘поезд’, ‘вокзал’, ‘чемодан’ и т. д. [Мокиенко, Никитина 2000, 330], которые являются социально маркированными, а следовательно, малоизвестными среднестатистическому носителю русского языка. Такую пестроту семантической структуры арготизма *майдан* Д. С. Лихачев объяснял явлением «семантического распада» [Лихачев 1991, 73] и расценивал эти и многие другие воровские арготизмы как «недооцененные продукты постоянно бьющей сруб языковой импровизации» [там же, 76].

Во второй половине XX в. слово *майдан* актуализировалось в русской культуре благодаря стихотворению В. А. Коротича и популярной песни на его слова «Переведи меня через майдан» (укр. «Переведіть мене через майдан», 1981 г.). Украинский оригинал на русский перевела поэт и переводчик Ю. Мориз (родившаяся в Киеве), а композитор и исполнитель С. В. Никитин написал музыку к тексту. Песня быстро стала популярной и впоследствии исполнялась многими российскими и украинскими певцами. Как раньше, так и сегодня мало кто чувствует глубинную суть этого фразеологизированного в современной русской разговорной речи образа *переведи меня через майдан*, автором которого был украинец, написавший эти слова на украинском языке. Данный образ довольно сложен для восприятия носителем русского менталитета, но прекрасно узнаваем украинцем. Это фраза пожилого человека – уличного музыканта преклонного возраста, который всю свою жизнь играл на бандуре для толпы, зарабатывая на жизнь, и теперь просит увести его от этой шумной толпы в тихое уединенное место. Именно в этом значении – ‘удалиться из шумного, суетного места, уехать в село’ – этот фразеологизм: *перейти через майдан* употребляется в украинском языке и сегодня, а просьба *перевести через майдан* – это просьба о помощи из-за старости или усталости, чтобы доживать свои годы спокойно, т. е. «уведите меня в тишину, подальше от мирской суеты».

В последние десятилетия в силу экстралингвистических факторов лексема *майдан* через посредство украинского языка входит в русский язык с новым, стилистически и социально-политически ярко маркированным, в основном с негативным оттенком – в значении ‘бардак, хаос, беспорядки, протестные митинги, акции массового неповиновения’. В современном разговорном русском

языке, а также языке российских СМИ в последнее десятилетие часто употребляется фразеологизм *устраивать майданы* в значении ‘создавать/вносить хаос, бардак, вносить сумятицу во что-либо’ с явно отрицательной коннотацией, причем зачастую даже без соотнесения с политическими событиями на Украине (ср., например, заголовок журналистской статьи в Интернете:

Никто не позволит устраивать «майданы»!: власти Калининграда вступили в конфронтацию с администрацией Центрального рынка. Или пример из разговорной речи филолога: «Он будет нам тут устраивать разные майданы в славистике».

Подчеркнем, что фразеологизм *устраивать майданы* в русском языке зачастую несет в себе ерническую или даже грубо негативную окраску, тогда как в украинском *робити майдан* имеет исключительно шутивно-иронический оттенок.

В рамках анализа значений ориентализма *майдан* рассмотрим его судьбу в других славянских языках. Так, вследствие многовекового господства Османской империи на Балканах, а также перехода в ислам части южнославянского населения (прежде всего в Боснии и Герцеговине) в сербском и хорватском языках, главным образом в речи боснийских мусульман, лексема *mejdan* (вариант *megdan*), пришедшая из турецкого языка именно в этом значении ‘борьба, поединок, соревнование’ выступает в качестве компонента таких фразеологизмов, как *dobiti mejdan / dobiti na mejdanu* – ‘выиграть соревнование / победить в поединке’, *(po)dijeliti megdan s kim* – ‘бороться (с кем-л.), соревноваться’, а также *ostati na megdanu* – ‘победить, остаться победителем’. В этой связи нельзя не упомянуть и название парка на территории древней крепости в Белграде, а часто и самой крепости, ставшей символом и главной достопримечательностью сербской столицы, – *Kalemegdan*, где тур. *kale* – ‘крепость’, а *megdan* – ‘площадь, поле’, т.е. букв. «замковая площадь» [Хмелевский 2018, 124]. Интересен факт того, что турецкие по своему происхождению слова в сербской культуре давно стали символом национальной идентичности и культуры, которые уже и не воспринимаются ее носителями как турцизмы. Это касается области лексики, обозначающей блюда национальной кухни, предметов быта или традиционных обычаев, что, как уже было сказано, обусловлено почти пятивековым османским господством на Балканах. Так и *Kalemegdan* стал символом столицы Сербии и сербской государственности. В данной связи приведем еще один пример – излюбленное место отдыха белградцев в самом центре города – *Tašmajdan*, или в разговорном языке просто *taš*, а также производные от него *Tašmajdanski park, bazen*, где *taš* – тур. ‘камень’, ‘место старой османской каменоломни’ [Баскаков, Кямплиева 2006, 863]. В сознании жителей Белграда оно давно уже утратило ассоциативную связь со своим тюркским происхождением и стало городским топонимом – зеленым оазис мегаполиса и рекреационный центр.

Проводя параллели с другими славянскими языками, нельзя не упомянуть и польский, где эта архаизированная лексема употребляется в значении ‘площадь в деревне, а также плац в военном лагере’. При этом она всегда носила оттенок семантического значения ‘место торговли; место, где промышляли

товаром' и пояснялось как *Majdan*, т.е. *targowisko*. В современном польском разговорном языке данное слово occasionally встречается как синоним более известного в народе *dziedziniac*, т. е. площадь внутри замка, где торгуют или проводятся городские мероприятия (и здесь можно провести параллель с сербским топонимом *Kalemegdan* или его фразеологическим переосмыслением как 'место народных гуляний, место состязаний', о чем упоминалось выше). Для польского языка употребление лексемы *Majdan* регионально маркировано и ассоциируется с бывшими польскими территориями на современной Западной Украине, о чем свидетельствуют такие застывшие в польском языке фразеологизмы, как, например, *być na majdanie* – 'побывать на местном рынке, отовариться', т. е. на месте, где временно служащие в Галиции солдаты польской или австро-венгерской армии могли купить себе провиант или починить свое обмундирование (обувь, портянки, одежду), т. к. *Majdan* – это было также место сосредоточения местных ремесленников.

В чешском и словацком языках эта лексема попала в сферу разговорного языка и имеет несколько иное, нежели оригинальное, значение, однако не утратила общеславянскую сему 'место сборища людей'. По данным этимологических словарей, лексема *mejdan* пришла в чешский язык из сербохорватского [Rejzek 2001, 371] и первоначально имела значение 'ринг, арена' [SESJČ], а также 'орьба, бой, поединок, состязание' (как в тюркских языках, о чем было сказано выше), однако в этих значениях сейчас это слово почти не употребляется. В современном чешском разговорном языке оно активно используется в значении 'вечеринка, пьянка, кутеж' (из молодежного сленга). В этом же сленговом значении данная лексема перешла в словацкий язык [ASCS]. Она встречается в таких устойчивых сочетаниях, как, например, *udělat mejdan*, *jít na mejdan*, *mejdan s přespáním*, *vudařený mejdan*. Упомянем также и название ежегодного поп-музыкального шоу *Mejdan roku*, которое проводится в Чехии и Словакии. Слово получило дальнейшее словообразовательное развитие: с помощью продуктивного суффикса *-ova-*, который в чешском языке как правило участвует в образовании глаголов от существительных иностранного происхождения, получился новый глагол *mejdanovat* – 'тусить, тусоваться' [Маркова 2018, 899].

Таким образом, в последние десятилетия в силу экстралингвистических факторов, в первую очередь, связанных с политическими событиями на Украине, лексема *maidan* входит в современный русский и другие славянские языки уже с новым стилистическим оттенком и социально-политической семантикой – в значении 'бардак, хаос, беспорядки, несанкционированные протесты и митинги, акции массового неповиновения, приводящие к негативным последствиям'. Здесь отметим стилистическое отличие между украинским и русским языками в новой интерпретации лексемы *maidan*: если в первом он скорее иронический и шуточный, то в русском ассоциативном дискурсе он зачастую приобретает ярко выраженный негативный, саркастический, ернический, пренебрежительный, а порой даже агрессивный характер.

Новый, «украинский», вариант лексемы-ориентализма *mejdan – majdan*, а также слово-реалия *Euromajdan* с актуализированным «политическим» значением уже также довольно широко встречается в чешском языке (в первую оче-

редь, в языке Интернета и интернет-СМИ). Эта новая политическая семантика невольно актуализирует одно из первоначальных значений лексемы *майдан* / *майдан* в тюркских и славянских языках: ‘фронт, поле битвы, борьба, бой, поединок’.

Особенности и специфика славянского словообразования делают возможным образовывать новые дериваты, тем самым формируя целые новые словообразовательные цепочки, например, в чешском: *majdan* → *majdanovec* → *majdanovů* → *majdanovat* → *majdanující*. В русском языке также зафиксированы глагол *майданировать* (при образовании глагола от иностранных слов в русском языке часто используется суффикс *-ирова-*) и субстантивированное причастие *майданирующие* (по модели *протестующие*). Эти лексемы демонстрируют значительный словообразовательный и стилистико-прагматический потенциал и в словацком языке [Саболова 2018].

Итак, лексема *майдан* представляет собой достаточно сложное концептуальное понятие с многословным культурно-историческим содержанием и осложненное современными актуальными общественно-политическими коннотациями. В разных славянских языках рассматриваемое слово имеет свою историю вхождения в литературный язык, свои особенности семантики, варианты и оттенки значения, стилистические черты, контексты употребления. Под влиянием украинского языка во многие славянские языки вошла «украинская» фонетическая форма данного ориентализма – *майдан*, которая имеет «политическое» значение (‘стихийный) массовый протест’). Данная лексема является весьма продуктивной с точки зрения словообразования: от нее образуются новые дериваты, которые при этом могут относиться к различным частям речи. Продуктивным является это слово и во фразеологии, где оно может выступать или в ставшем традиционным значении ‘вечеринка, пьянка’ (как, например, в чешском и словацком языках), или в новом социально-политическом значении – ‘стихийный массовый протест; протестовать’.

Отметим также, что в ряде случаев старые значения данной лексемы подвержены процессу актуализации в новых условиях (как экстралингвистических – социально-политических, так и чисто языковых) и способны приобретать новые коннотации. Такие лексические единицы могут обогащать словарный состав национального языка и содействовать процессу его неологизации.

Алексей Сергеевич Алёшин, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича, Россия
alexis001@mail.ru

Елена Иннокентьевна Зиновьева, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
e.i.zinovieva@spbu.ru

Неофразеологизм *набрасывать на вентилятор*: семантика и функционирование в современной публицистике

Неофразеология – это актуальное направление фразеологических исследований, которому не грозит утратить свою актуальность, так как, как

справедливо отмечает В. М. Мокиенко, не успевают исследователи «собрать материал, обобщить его, подвергнуть лингвистическому анализу и лексикографическому описанию, как неумолимое Время снова расширяет нашу материальную “копилку”, вызывая к новому погружению в постоянно стареющую проблему неологизма» [Мокиенко 2019в, 138]. Вопросам исследования фразеологических неологизмов посвящены такие работы учёного, как «Проблемы этимологизации фразеологических неологизмов» [2019б], «Проблемы европейской фразеологической неологизации» [2001а], «Новая русская фразеология» [2003] и др.

На материале русского языка изучение неофразеологизмов ведется в разных направлениях: как средство создания образа в рекламе [Скнарв 2014], изучения особенностей функционирования этих единиц в медиатексте и их функции в СМИ [Джинджолия 2019; Мокиенко 2016в], в гендерном аспекте фразеологических неологизмов [Ермолаева 2008].

В терминологическом аппарате неофразеологии используются несколько терминов для номинации фразеологических инноваций: «фразеологический окказионализм», «фразеологическое новообразование», «фразеологический неологизм» и «неофразеологизм». Фразеологические окказионализмы не становятся достоянием общего национального языка, «фразеологическое новообразование» вызывает нежелательные ассоциации с медицинским термином, а из двух терминов – «фразеологический неологизм» и «неофразеологизм» отдадим предпочтение последнему в силу его однословности и будем использовать его в качестве рабочего в данной статье.

По нашему мнению, неофразеологизм – это исконная или калькированная новая номинативная языковая единица, отвечающая критериям фразеологизма (устойчивость, раздельнооформленность, образность, идиоматичность, экспрессивность), закрепившаяся в каком-либо дискурсе и служащая для более яркого и эмоционального наименования чего-либо в процессе коммуникации.

Цель данной статьи – анализ этимологии, семантики и особенностей функционирования фразеологизма *набрасывать на вентилятор*. Материалом для исследования послужили интернет-источники: публицистические тексты, тексты сайтов, посты, материалы «Национального корпуса русского языка».

Рассматриваемый нами фразеологизм был заимствован из английского языка в русский. По классификации В.М. Мокиенко, он относится к единицам, образованным на основе «чужих» языковых ресурсов [Мокиенко 2019в, 141]. В языке-источнике эта идиома выглядит следующим образом: *when the shit hits the fan*. Единица первоначально функционировала в молодежном сленге, затем активно употреблялась в интернет-пространстве блогерами.

Первоначальная форма фразеологизма включала грубо-просторечное существительное *дерьмо*: *набрасывать (накидывать) дерьмо на вентилятор*. Фразеологизм имеет значение ‘заниматься провокацией, черным пиаром, распускать слухи’. Приведем примеры употребления фразеологизма: «Ибо нормальный человек не может так беспонтово *набрасывать дерьмо на вентилятор*. Никаких пугалок в моем посте нет, есть правда жизни. Позиция страуса в этом вопросе – идиотизм»; «Но неотъемлемая часть моей работы – *набрасывать на вентилятор дерьмо*, чтобы такой же сноб, как и я, написал одобрительный комментарий, а

вслед за ним оскорбленная любительница Маркеса назвала меня недоношенной безмозглой блохой»¹¹⁶.

Впоследствии произошло редуцирование фразеологизма, компонент *дермо* выпал из его состава: «Не устают западные журналоги *набрасывать на вентилятор*»¹¹⁷.

В результате дальнейшей эволюции фразеологизма в активное употребление вошел глагол *набрасывать*, имеющий то же значение, что и фразеологизм: «Своим празднованием гола он немножечко опять *набросил*. Поцеловать ромбик, возможно, было бы гораздо уместнее, чем показывать футболку»¹¹⁸.

И фразеологизм, и глагол, а также производное существительное *наброс* постепенно расширили сферу своего употребления.

Эти языковые единицы встречаются в спортивной публицистике, в колонках новостей интернет-изданий. Например, в разделе спортивных новостей:

«Не хочу *набрасывать на вентилятор*. Переводить стрелки на Шляхтина удобно, но не конструктивно. Герой чемпионата мира Сергей Шубенков озвучил свою позицию в конфликте ведущих российских атлетов и национальной федерации»¹¹⁹.

В статье, которая называется «Крах продаж американских инвестиционных монет в 2019 году», находим: «Не хочу *набрасывать на вентилятор*, но надо. Серебро – это отстой, веса много, толку мало, роют его все, кому не лень, сотнями тонн в год, а куда пристроить? Всё, лохи затарились, если начнут скидывать, то ценам на серебро будет “шоколадный глаз”»¹²⁰. Заголовок другой статьи – «Радио “Свобода” любит *накидывать на вентилятор*», далее идет пояснение: «Причем многие им верят больше, чем самим себе. Как всегда в названии статьи одно, а по факту другое»¹²¹.

Ср. также примеры с существительным *наброс*:

«Всем разумным людям понятно, что не шибко хорошо работающие антироссийские санкции занимают своё почётное место где-то между перетягиванием каната и плетением макраме. А публикации типа той, что была в The Washington Post, – всего лишь ещё один *наброс на вентилятор* в собственно внутриамериканской борьбе. Очередная и явно не последняя атака глобальных демократов на Трампа. Не более того»¹²²; «Похоже, что мы имеем дело с *набросом на вентилятор*. По принципу – не приклеится всё целиком, так хоть что-то останется. Понятна реакция СМИ на событие, только вот факт оно чем дальше, тем больше отходит в сферу виртуальной реальности и параллельной

¹¹⁶ <https://www.molomo.ru/sleng/na/nabrasyvat-dermo-na-ventilyator.html>

¹¹⁷ <https://aftershock.news/?q=node/455773>

¹¹⁸ <https://www.sports.ru/football/1072779741.html>

¹¹⁹ https://yandex.ru/news/story/Ne_khochu_nabrasyvat_na_ventilyator.

[Perevodit_strelki_na_SHlyakhtina_udobno_no_ne_konstruktivno_Poziciya_SHubenkova--1f5c4b5ab4c1640d6dc53b8766352b1d](https://yandex.ru/news/story/Ne_khochu_nabrasyvat_na_ventilyator)

¹²⁰ <https://goldenfront.ru/articles/view/krah-prodazh-amerikanskih-investicionnyh-monet-v-2019-godu/>

¹²¹ https://pikabu.ru/story/radio_svoboda_lyubit_nakidyvat_na_ventilyator_6871260

¹²² <https://life.ru/p/971835>

Вселенной»¹²³; «Ну а это классический “*наброс на вентилятор*”. В минувшие выходные кто-то запустил в сеть вот эту фотографию (специально в низком разрешении, дабы детали особо не просматривались), сопроводив ее текстом, что фюрер Ким Чен Ын арестован. Удивительно, но некоторые на это повелись¹²⁴; «Россия начала необъявленную войну против Украины – *наброс на вентилятор* от Мыколы Борисева»¹²⁵.

Анализируемый фразеологизм зафиксирован в устном подкорпусе «Национального корпуса русского языка»:

«[Мит Андрей, pick] Бомбить Орел? Это приказ надо получить. Бомбить без приказа... Знаете как это называется? Чего, *будем набрасывать на вентилятор*? Зачем? У нас приказов куча. Будем приказы смотреть. И отчеты о выполнении (не выполнении) приказов» [коллективный Форум: О стирании исторической памяти. Обсуждение (2012)].

На сайте mail.ru был задан вопрос «Что означает “любитель набрасывать на вентилятор”?». Лучшим оказался следующий ответ:

«Значит, человек умеет и любит сделать так, чтобы всем вокруг плохо стало. Подразумевается сравнение с эффектом от “набросить говна на работающий вентилятор”»¹²⁶.

Ср. также существительное *набросчик* в том же значении:

«Или это такой модный тренд *набрасывать дерьмо на вентилятор* – лишь бы хоть какой повод найти? Полагаю, что таких *набросчиков* нужно судить и штрафовать, если информация окажется недостоверной»¹²⁷.

Фразеологизм может трансформироваться за счет, во-первых, редукции компонента «*дерьмо/говно*», во-вторых, за счет расширения – добавления компонента-обстоятельства места – *набрасывать на вентилятор куда*, например, в статье «Радиоактивные методы и их влияние»:

«Но на самом деле печальная печаль, когда несовершеннолетнюю девчонку, да ещё и с хроническими заболеваниями, используют в качестве марионетки на мировой сцене – ну не просто так наверное Ал Гор и сотоварищи пропихивают её куда только можно пропихнуть. А мировые СМИ всю *эту мутную толерастию* радостно *набрасывают на вентилятор в массы*»¹²⁸.

Фразеологическая единица может трансформироваться семантически, изменить свое значение, если меняется грамматическая структура: *кого набрасывать на вентилятор* – ‘вынуждать кого-либо заниматься провокацией’, например, заголовок статьи «Как *Пристайко набрасывали на вентилятор*». Текст статьи раскрывает значение заголовка:

¹²³ <https://apn-nn.com/analytic/nabros-na-ventilyator/>

¹²⁴ https://www.liveinternet.ru/users/_robot_marvin_/post339960713/

¹²⁵ <https://maxpark.com/community/5325/content/2147344>

¹²⁶ <https://otvet.mail.ru/question/172812828>

¹²⁷ <https://www.molomo.ru/sleng/na/nabrasyvat-dermo-na-ventilyator.html>

¹²⁸ <https://www.petroleumengineers.ru/node/12834>

«Забавно, что на Украине как-то не торопятся отойти от того образа министра иностранных дел страны, который сотворил за годы майданной эпохи Павел Климкин. Его преемник пока не стал столь же “токсичным”, что явно на руку руководству страны, которое делегировало Пристайко мутить воду на донбасском направлении, едва речь зашла о грядущем “нормандском” саммите»¹²⁹.

Распространению и популярности фразеологизма способствовало его вхождение в ряд синонимичных фразеологических единиц русского языка с общим значением ‘обманывать’, ‘распускать слухи, сплетни’ (*мутить воду, лить колокола, пули лить, чесать зубы, вешать лапшу на уши, натягивать сову на глобус* и др.), а также распространенная грамматическая модель, по которой строится данный фразеологизм: глагол + существительное + предлог + существительное.

Таким образом, пришедший из английского языка фразеологизм адаптировался в русском языке, а именно: стал частотным в публицистическом и обиходно-бытовом дискурсах, приобрел способность к вариативности глагольного компонента – *набрасывать / накидывать на вентилятор*, возможность грамматической и семантической трансформации.

¹²⁹ <https://news-front.info/2019/11/18/kak-pristajko-nabrasyvali-na-ventilyator/>

ЛИТЕРАТУРА

1. АКУЛЕНКО 1972: АКУЛЕНКО А. А. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1972. – 215 с.
2. АЛАТОРЦЕВА 1990: АЛАТОРЦЕВА С. И. Проблема неологии в истории русской лексикографии// Новые слова и словари новых слов. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1990. – С. 96–101.
3. АЛАТОРЦЕВА 1999: АЛАТОРЦЕВА С. И. Проблемы неологии и русская неография. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Санкт-Петербург: РАН, Ин-т лингвистических исследований, 1999. – 40 с.
4. АЛЕФИРЕНКО 2008: АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва: Элпис, 2008. – 271 с.
5. АНИКИН 2009: АНИКИН А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3. Москва: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2009. – 344 с.
6. АФАНАСЬЕВ 1983: АФАНАСЬЕВ А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. Москва: Современник, 1983. – 464 с.
7. БАСКАКОВ, ГОЛУБЕВА, КЯМИЛЕВА 2006: БАСКАКОВ Ю. Н. – ГОЛУБЕВА Н. П. – КЯМИЛЕВА А. А. и др. Большой турецко-русский словарь. 200 тысяч слов и словосочетаний. Москва: Живой язык, 2006. – 960 с.
8. БАСКО 2018: БАСКО Н. В. Фразеологические неологизмы в русском языке: семантика, этимология, функционирование // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. – С. 64–66.
9. БАТУРОВА 2013: БАТУРОВА Н. И. Оказиональный фразеологизм как языковое явление // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Тула: Тульский гос. ун-т, 2013. – С. 306–313.
10. БВН 1993: БИРИХ А. К. – ВОЛКОВ С. С. – НИКИТИНА Т. Г. Словарь русской фразеологической терминологии (под редакцией проф. В. М. Мокиенко). München: Verlag Otto Sagner, 1993. – 135 с.
11. БЕКТАЕВ 1995: БЕКТАЕВ К. Б. Большой казахско-русский словарь. Алматы, 1995. – 703 с.
12. БЕЛОВОДСКАЯ 2017: БЕЛОВОДСКАЯ А. «Новые медиа» глазами лингвиста(о новых подходах к исследованию современного медиапространства) // Стылістыка: мова, маўленне і тэкст : зборнік навуковых прац IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі: да 95-годдзя заслужанага работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь, доктара філалагічных навук, прафесара Міхася Яўгенавіча Цікоцкага. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2017. – С. 141–149.
13. БЕЛЯНИН, БУТЕНКО 1994: БЕЛЯНИН В. П. – БУТЕНКО И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. Москва: ПАИМС, 1994. – 192 с.
14. БЕН-ЯКОБ 1982: Бен-Яков Б. Словарь аргю ГУЛага. Франкфурт на Майне: Посев, 982. – 152 с.
15. БЕРНАЦКАЯ 2000: БЕРНАЦКАЯ А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Ред. А. П. Сквородников. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, Вып. 3 (11), 2000. — С. 104–110.
16. БЛАГОЕВА 2019: БЛАГОЕВА Д. Неофразеологизацията в българския език (в съпоставка с руски) // Български език, 2019. № 2. – С. 15–35.

17. БМС 2005: БИРИХ А. К. – МОКИЕНКО В. М. – СТЕПАНОВА Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Москва: Астрель, АСТ, Люкс, 2005. – 927 с.
18. БОГДАНОВ 1916: БОГДАНОВ В. В. Древние и современные обряды погребения животных в России // Этнографическое обозрение. № 3–4, 1916. – С. 86–122.
19. БОРИСОВА 2012: БОРИСОВА О. Г. Диалектные неологизмы через призму времени // Севернорусские говоры. Вып. 12: межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. – С. 158–170.
20. БСК 2000: БЕРКОВ В. П. – МОКИЕНКО В. М. – ШУЛЕЖКОВА С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., Грайфсвальд: «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 624 с.
21. БТС 1998: Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
22. БТСРЯ 2008: Большой толковый словарь русского языка / Ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2008. – 1536 с.
23. БФСРЯ 2006: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Отв. ред. В. Н. Телия. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
24. БЫКОВА 2003: БЫКОВА Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: БГПУ, 2003. – 276 с.
25. ВАЛГИНА 2003: ВАЛГИНА Н.С.: Активные процессы в современном русском языке. Москва: Логос, 2003. – 304 с.
26. ВАЛЬТЕР 2011: ВАЛЬТЕР Х. Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное // Мир русского слова. 2011. № 2. – С. 14–19.
27. ВАЛЬТЕР 2019: Вальтер Х. Из истории русских англицизмов: Бесплатный сыр или бесплатный завтрак? // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP). „WEST-EAST“. Vol. 1, N1, March 2019. Tbilisi: Publishing House «UNIVERSAL», 2019. – С. 27–34.
28. ВАЛЬТЕР, МОКИЕНКО 2002: Вальтер Х., Мокиенко В. Новая языковая жизнь древнейшей профессии // Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию М. А. Алексеенко. Москва: «Азбуковник, 2002. – С. 79–107.
29. ВАЛЬТЕР, МОКИЕНКО 2005: ВАЛЬТЕР Х. – МОКИЕНКО В. М. Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Нева» 2005. – 576 с.
30. ВАЛЬТЕР, МОКИЕНКО 2008: ВАЛЬТЕР Х. – МОКИЕНКО В. М. Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное // *Comparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich* / Red. W. Mokijenko, H. Walter. Opole: Uniwersytet Opolski. Instytut Filologii Polskiej i Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2008. – С. 101–108.
31. ВАЛЬТЕР, МОКИЕНКО, НИКИТИНА 2005: ВАЛЬТЕР Х. – МОКИЕНКО В. М. – НИКИТИНА Т. Г. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: около 5000 слов и выражений. Москва: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2005. – 360 с.
32. ВАЛЬТЕР, НИКИТИНА, ГУДКОВА 2019: ВАЛЬТЕР Х. – НИКИТИНА О. А. – ГУДКОВА О. А. Homo loquens: языковая личность в зеркале немецкой идиоматики XXI века. Монография. Szczecin: VOLUMINA, 2019. – 125 с.

33. ВИНОГРАДОВ 2004: ВИНОГРАДОВ В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. Москва: Кн. дом Ун-т, 2004. – 235 с.
34. ВЛАСЕНКО 2009: ВЛАСЕНКО С. В. Русский как язык перевода современного глобального языкового кода // Русский язык за рубежом, 2009. № 3. – С. 63–68.
35. ГОЛОВАНОВА, ЧАСОВСКИЙ 2015: ГОЛОВАНОВА Е. И. – ЧАСОВСКИЙ Н. В. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. № 5 (360). – С. 135–141.
36. ГОРОДЦОВ 1897: ГОРОДЦОВ В. А. Обычай при погребении во время эпидемий // Этнографическое обозрение, 1897. № 4. – С. 185 – 186.
37. ГОРЬКИЙ М. Жизнь Клим Самгина (сорок лет) // Полное собрание сочинений: художественные произведения в двадцати пяти томах. Москва: Наука, т. 21–24, 1974–1975. Ссылки на это издание даются в скобках, с указанием тома и страницы.
38. ДАВЛЕТБАЕВА 2012а: ДАВЛЕТБАЕВА Д. Н. Фразеологический неологизм vs окказиональный вариант языковой ФЕ vs окказиональный фразеологизм // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2012. № 6 (70). – С. 16–19.
39. ДАВЛЕТБАЕВА 2012б: ДАВЛЕТБАЕВА Д. Н. Типологическая моделируемость фразеологических трансформаций (на материале русского, английского, французского и турецкого языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2012. – 42 с.
40. ДАЛЬ 1978: ДАЛЬ В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.2. Москва: Русский язык, 1978. – 779 с.
41. ДЕМИДОВИЧ 1896: ДЕМИДОВИЧ П. П. Из области верований и сказаний белорусов. Нечистая сила // Этнографическое обозрение, 1896. № 1. – С. 91 – 120.
42. ДЖИНДЖОЛИЯ 2019: ДЖИНДЖОЛИЯ Г. П. Неофраземы в современном медиатексте // Медиаисследования 2019. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 28–40.
43. ДИСКУРСЫ ЭЗОТЕРИКИ 2001: Дискурсы эзотерики. Философский анализ. Отв. ред. Л. В. Фесенкова. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 240 с.
44. ДОБРОВА 2016: ДОБРОВА М. Устойчивые выражения и Интернет: к актуальным вопросам современной фразеологии // Bohemica Olomucensia. Časopis pro bohemistická a mezioborová studia. 8 (2), 2016. – S. 122–135.
45. ДОБРОВА 2017: ДОБРОВА М. С. Русская фразеология в дискурсивном пространстве Интернета // Svět v obrazech a ve frazeologii. Praha: Univerzita Karlova, 2017. – S. 241–246.
46. ДОБРОВА 2019: ДОБРОВА М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект. Ruské frazeologismy v internetovém diskurzu: funkční aspektu. Olomouc, 2019. – 282 с.
47. ДОКИНЗ 1993: ДОКИНЗ Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. – 316 с.
48. ДЯДЕЧКО 2001: ДЯДЕЧКО Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря). Киев: Комп'ютерпресс, 200. Ч. 1. – 145 с.
49. ЕЛИСТРАТОВ 2010: ЕЛИСТРАТОВ В. С. Словарь крылатых фраз российского кино. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2010. – 336 с.

50. ЕРМОЛАЕВА 2008: ЕРМОЛАЕВА М. В. Фразеологические новообразования, реализующие прагматические установки гендера // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2008. № 3 (15). – С. 32–37.
51. ЕСУМ: ЕТИМОЛОГІЧНИЙ СЛОВНИК УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ: в 7 т. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1989. – 548 с.
52. ЕФРЕМОВА 2000: ЕФРЕМОВА Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1. Москва: Русский язык, 2000. – 1084 с.
53. ЖИВОЙ ЖУРНАЛ [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.livejournal.com
54. ЗАВОЙКО 1914: ЗАВОЙКО Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение, 1914. № 3–4. – С. 81–170.
55. ЗАГРЯДСКАЯ 2003: ЗАГРЯДСКАЯ Н. А. Личностные фразеологизмы и их место в английской фразеологии: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.04. – Москва, 2003. – 22 с.
56. ЗАХАРОВА 2010: ЗАХАРОВА М. А. Свойства терминологических фразеологизмов и особенности их функционирования в речи (на материале английской экономической терминосистемы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск 26 (605), 2010. – С. 41–51.
57. ЗЕЛЕНКО 2020: ЗЕЛЕНКО С. Хронотоп протестного плаката: карнавал без диалога // Ab Imperio. Вып. 3, 2020. – С. 309–322.
58. ИВИНА 2001: ИВИНА Л. В. Нужно ли бояться «охотников за головами»? На примере английских метафорических терминов венчурного финансирования // Русская речь, 2001. № 1. – С. 51–54.
59. ИСТОРИЧЕСКИЕ 1861: Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. Русская народная поэзия. Сочинение Ф. Буслаева. Санкт-Петербург: В типографии товарищества «общественная польза», 1861. – 643 с.
60. К ВОПРОСУ 1910: К вопросу об опаживании // Этнографическое обозрение, 1910. № 3–4. – С. 175–178.
61. КАНАШИНА 2016: КАНАШИНА С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2016. – 24 с.
62. КОЖЕВНИКОВ 2005: КОЖЕВНИКОВ А. Ю.: Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино. СПб: Нева, 2005. – 831 с.
63. КОЗЛОВА 1999: КОЗЛОВА Т. В. «Новые русские»: понятие и дискурс // Фразеология в контексте культуры. Москва: Языки русской культуры, 1999. – С. 97–107.
64. КОЗУЛИНА 1997: КОЗУЛИНА Н. А. Лексико-фразеологические и семантические неологизмы. Указатель литературы, изданной в СССР и России на русском языке с 1986 по 1995 г. // Новые слова и словари новых слов. Санкт-Петербург, 1997. – С. 140–165.
65. КОЗУЛИНА 2012: КОЗУЛИНА Н. А. Новое в употреблении слов *астрология*, *астролог*, *астрологический* и их дериватов (по материалам прессы конца XX – начала XXI в.). // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды

института лингвистических исследований. Том 8. № 3. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2012. – С. 295-308.

66. КОЛКОВСКА 2006: КОЛКОВСКА С. Тенденциите към интернационализация и национализация в новата българска икономическа терминология // Националният език в условията на чужди влияния и глобализация. София: СУБ, 2006. – С. 190–212.

67. «КОММЕРСАНТЪ ВЛАСТЬ» 2010: «Коммерсантъ Власть» № 9 от 08.03.2010, с. 19. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1326601>

68. КОТЕЛОВА 1978: КОТЕЛОВА Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1978. – С. 5–26.

69. КОТЕЛОВА 1988: КОТЕЛОВА Н. З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. Москва: Русский язык, 1988. – С. 46–63.

70. КРУГЛЫЙ ГОД 1989: Круглый год: Русский земледельческий календарь // Сост., вступ. ст. и прим. А. Ф. Некрыловой. Москва: Правда, 1989. – 496 с.

71. КРЫСИН 2008: КРЫСИН Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. Москва: Знак, 2008. – 321 с.

72. КУЗМИЧ 2000: КУЗМИЧ В. Жгучий глагол. Словарь народной фразеологии. – Зеленый век. 2000. – 448 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://folklor.academic.ru/60>.

73. КУЗНЕЦОВ 2013: КУЗНЕЦОВ А. М. Современная русская фразеология: (семантика – структура – текст) // Кострома: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. 2011. – С. 162–170.

74. КУЗНЕЦОВА 2018: КУЗНЕЦОВА И. В. Устойчивые сравнения с компонентом-туризмом религиозной тематики в языках народов бывшей Югославии // Никоновские чтения. Электронный сборник научных статей. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 116–120.

75. КУЗНЕЦОВА 2020: КУЗНЕЦОВА И. В. Устойчивые сравнения с компонентом-ориентализмом – этносимволом Украины // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Ужгород: ПП Данило С. І., 2020. Вип. 1 (43). – С. 169–173.

76. КУЗНЕЦОВА, МОКЕЕВА 2021: КУЗНЕЦОВА И. В. – МОКЕЕВА Е. А. Фразеологическая калька-англицизм *хромая утка* в русском языке // Функциональная грамматика: теория и практика. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 601–607.

77. КУЗНЕЦОВА, ЮЛДАШОВА 2019: КУЗНЕЦОВА И. В. – ЮЛДАШОВА Н. Р. Анималистическая фразеология в русском, украинском и туркменском языках // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 3(103). Чебоксары, 2019. – С. 104–111.

78. КУЗНЕЦОВА 2006: КУЗНЕЦОВА А. Параметризація публіцистичних неологем у корпусній лінгвістиці // Лексикографічний бюллетень: Зб. наук. пр. Вип. 13. Київ: Інститут української мови НАН України, 2006. – С. 54–56.

79. КУЗЬМИНСКАЯ 2014: КУЗЬМИНСКАЯ С. И. Некоторые характеристики эзотерического дискурса // Universum: Филология и искусствоведение: электрон.

- научн. журн., 2014. № 7 (9). [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1455>.
80. КУРБАТОВА 2003: КУРБАТОВА С. Г. Диахронный и синхронный лексико-грамматический анализ французской терминологии по телекоммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Санкт-Петербург, 2003. – 21 с.
81. КУРЕННАЯ, ШУСТРОВА 2015: КУРЕННАЯ А. В. – ШУСТРОВА Е. В. Креолизованный текст и методики его описания // Лингвокультурные типы американских президентов. Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2016. – С. 15–84.
82. КУРНОСОВ 1997: КУРНОСОВ Ю. В. Тайные доктрины: вчера и сегодня. Эзотеризм как культурно-исторический феномен. Москва: Интеллект, 1997. – 256 с.
83. КУРОХТИНА 2010: КУРОХТИНА Т. Н. Межъязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.03. Москва, 2010. – 23 с.
84. ЛЕВАШОВ 1997: ЛЕВАШОВ Е. А. Словари неологизмов XX века. Библиографический указатель // Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е. А. Левашова. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. – С. 133–140.
85. ЛИХАЧЕВ 1991: ЛИХАЧЕВ Д. С. Я вспоминаю о России. Москва: Прогресс, 1991. – 254 с.
86. ЛОМАКИНА, НЕЛЮБОВА 2018: ЛОМАКИНА О. В. – Нелюбова Н. Ю. Текст художественной литературы как основа для интернет-мема: из опыта анализа современных репеший // Вестник Томского государственного университета, 2018. № 437. – С. 36-44.
87. ЛУКАВЧЕНКО 2016: ЛУКАВЧЕНКО И. М. Фразеологический статус многословных прозвищных наименований американских штатов // Вестник МГЛУ, 2016. Вып.13 (752). – С. 29–35.
88. ЛУНЦОВА, ШВЫДКАЯ 2014: ЛУНЦОВА О. М. – ШВЫДКАЯ Л. И. К вопросу лексикографического описания интернет-мемов // Проблемы истории, филологии, культуры, 2014. № 3 (45). – С. 284-285.
89. ЛУТОВИНОВА 2008: ЛУТОВИНОВА О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008. № 71. – С. 58–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-novaya-ustno-pismennaya-sistema-kommunikatsii/viewer> (Дата доступа: 19.03.2020).
90. ЛЫКОВ 2003: ЛЫКОВ А. Г. Асимметрия русского слова // Вопросы русистики. Избранное: в 3 т. Т. 2: Лексикология. Краснодар, 2003. – 360 с.
91. ЛЬЮИС 2020: ЛЬЮИС К. С. Чудо [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-klayv-lyuis/41511-chudo-klayv-lyuis/read/page-4.html>.
92. МАКСАКОВСКИЙ 2008: МАКСАКОВСКИЙ В. П. Географическая картина мира. Кн. I. Общая характеристика мира. 4-е изд. Москва: Дрофа, 2008. – 495 с.
93. МАЛИНСКИ 1992: МАЛИНСКИ Т. Возникновение новых фразеологических единиц // Русистика. 1992. № 2. – С. 67–76.
94. МАРИНОВА 2012: МАРИНОВА Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка. Москва: Флинта, Наука, 2012. – 288 с.

95. МАРКОВА 2018: МАРКОВА Е. М. Assimilation of borrowings in slavic languages (in the aspect of russian, czech, slovak comparison) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 9. № 4, 2018.– С . 896–903.
96. МАРЧЕНКО 2013: МАРЧЕНКО Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука, 2013. № 1. –С. 113–115.
97. МАСЕНКО 2004: МАСЕНКО Л. Т. Мова і суспільство. Постколоніальний вимір. Київ: Вид. дім КМ Академія, 2004. – 163 с.
98. МЕЛЕРОВИЧ, МОКИЕНКО 1997: МЕЛЕРОВИЧ А. М. – МОКИЕНКО В. М.: Фразеологизмы в русской речи. Словарь. Москва: 1997. – 864 с.
99. МЕЛЕРОВИЧ, МОКИЕНКО 2011: МЕЛЕРОВИЧ А. М. – МОКИЕНКО В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.
100. МЕЛЕРОВИЧ, МОКИЕНКО 2014: МЕЛЕРОВИЧ А. М. – МОКИЕНКО В. М. Окказиональные преобразования фразеологических единиц // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Филологические науки, 2014. № 8. – С. 234–252.
101. МИРОНОВА 2016: МИРОНОВА М. Ю. Метафоризация терминов английского языка (на примере политического термина lame duck) // Политическая лингвистика, 2016. № 4 (58). – С. 141–146.
102. МИХАЙЛОВ 2009: МИХАЙЛОВ В. В. К вопросу о методологии изучения эзотерики // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблемы интерпретации эзотеризма и мистицизма. Сб. материалов Третьей межд. науч. конференции (3–5 декабря 2009 г., Владимир). Под ред. С. В. Пахомова. Санкт-Петербург: РХГА, 2010. – С. 58–59.
103. МОКИЕНКО 1982: МОКИЕНКО В. М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. Москва: Русский язык. – С. 108–121.
104. МОКИЕНКО 1989: МОКИЕНКО В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа, 1989. – 287 с.
105. МОКИЕНКО 1995: МОКИЕНКО В. М. Фразеологическая система в периоды социально-политических и идеологических кризисов // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры. Международный комитет славистов, комиссия по славянской фразеологии. Оломоуц. – С. 4–6.
106. МОКИЕНКО 1996: МОКИЕНКО В. М. Лапша на ушах как зеркало «новой русской» революции // Русистика 1–2. Берлин, 1996. – С. 29–41.
107. МОКИЕНКО 1999: МОКИЕНКО В. М. Новые русские: штрихи к языковому портрету // VII. Internationale Konferenz. Russisch an der Schwelle des 21. Jahrhunderts: Entwicklung einer ethnokulturellen Kompetenz im Unterrichtsprozess. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, ZE Sprachenzentrum, 1998.– S. 60–69.
108. МОКИЕНКО 2000: МОКИЕНКО В. М. Фразеологические кальки как источник обогащения национальных языков // Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии. Коллективная монография. Отв. ред. Харри Вальтер (Германия), Валерий Михайлович Мокиенко (Россия). Грайфсвальд – Санкт-Петербург: 2020. – 180 с.

109. МОКИЕНКО 2000: МОКИЕНКО В. М. Фразеологические неологизмы в славянских языках // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Redakcja naukowa Stanisław Gajda. Opole: Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej, 2000. – S. 133–156.
110. МОКИЕНКО 2001: МОКИЕНКО В. М. Проблемы европейской фразеологической неологии // Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Text. Czas VI. Greifswald, 2001. – С. 22–26.
111. МОКИЕНКО 2001б: МОКИЕНКО В. М. Украинские источники русского жаргона // Українське і слов'янське мовознавство. На честь 80-річчя проф. Й. Дзєндзелівського. Ужгород: Ужгород. нац. ун-т, 2001. – С. 365–375.
112. МОКИЕНКО 2002: МОКИЕНКО В. М. Проблемы европейской фразеологической неологии // Słowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej / Red. M. Aleksiejenko, W. Mokijenko, H. Walter. Szczecin, Greifswald: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2002. – S. 63–79.
113. МОКИЕНКО 2003: Мокиенко В. М. Новая русская фразеология. Opole: Uniwersytet Opolski. Instytut Filologii Polskiej. – 168 S.
114. МОКИЕНКО 2009: МОКИЕНКО В. М. Фразеологические кальки в славянских языках // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 7. Opis, konfrontacja, przykład. Slavica Wratislaviensia, 2009, T. 150. – С. 167–181.
115. МОКИЕНКО 2012а: МОКИЕНКО В. М. Жизнь русской фразеологии в современной речи // Вестник Кемеровского государственного университета, 2012, № 4 (52). – С. 59–62.
116. МОКИЕНКО 2012б: МОКИЕНКО В. М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. 2012. Т. 25 (64), № 2 (1). – С. 100–109.
117. МОКИЕНКО 2013: МОКИЕНКО В. М.: Неологизация архаизма: *визга много, а шерсти мало* // Мир русского слова, 2013. № 3. – С. 11–18.
118. МОКИЕНКО 2016а: МОКИЕНКО В. М. Русские лихие девяностые в лексикографическом зеркале // Лексикография в начале XXI в.: доклады от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология, София, 15–16 октомври 2015 г. Съставители Диана Благоева, Сия Колковска. София: Проф. Марин Дринов, 2016. – С. 498–515.
119. МОКИЕНКО 2016б: МОКИЕНКО В. М. Фразеологическая неология 1990-х гг. Новое и старое // Неология и неография: современное состояние и перспективы. (К 50-летию научного направления). Сборник научных статей. Отв. ред. Т. Н. Бурцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – С. 134–139.
120. МОКИЕНКО 2016в: МОКИЕНКО В. М. Функции фразем в современных СМИ // Медиалингвистика, 2016. №3 (13). – С. 7–18.
121. МОКИЕНКО 2019а: Мокиенко В. М. Из истории одного украинско-русского лексическо-фразеологического неологизма // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP). “WEST-EAST”. Vol. 1, N1, March 2019. Tbilisi: Publishing House “UNIVERSAL”, 2019. – С. 10–19.
122. МОКИЕНКО 2019б: МОКИЕНКО В. М. Проблемы этимологизации фразеологических неологизмов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы IV Международной научной конференции, Екатеринбург, 9–13 сентября 2019. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 216 – 219.

123. МОКИЕНКО 2019в: МОКИЕНКО В.М. Современная славянская неофразеология: сходства и различия // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме. Сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 137–146.
124. МОКИЕНКО 2019г: МОКИЕНКО В. М. Фразеологическая магия чисел // Jetzt schlägt's dreizehn! Deutsche Sprichwörter und Redewendungen mit Zahlen mit ihren slawischen und englischen Äquivalenten. Historisch-etymologische und kulturelle Skizzen. H. Walter (Leitung) u.a. Greifswald: Universität Greifswald, 2019. – S. 5–10.
125. МОКИЕНКО, НИКИТИНА 1998: МОКИЕНКО В. М. – НИКИТИНА Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ; «Фолио-Пресс». – 704 с.
126. МОКИЕНКО, НИКИТИНА 2000: МОКИЕНКО В. М. – НИКИТИНА Т. Г. Большой словарь русского жаргона. С.-Петербург: НОРИНТ, 2000. – 717 с.
127. МОКИЕНКО, НИКИТИНА 2007: МОКИЕНКО В. М. – НИКИТИНА Т. Г. Большой словарь русских поговорок; под общ. ред. В. М. Мокиенко. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
128. МОКИЕНКО, НИКИТИНА, НИКОЛАЕВА 2010: МОКИЕНКО В. М. – НИКИТИНА Т. Г. – НИКОЛАЕВА Е. К. Большой словарь русских пословиц. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
129. МОСКОВСКИЙ КЛУБ АФОРИСТИКИ 2020: [электронный ресурс] Режим доступа: <http://mka.msk.ru/%d0%ba%d0%be%d0%bd%d0%ba%d1%83%d1%80%d1%81%d0%b0%d1%84%d0%be%d1%80%d0%b8%d0%b7%d0%bc%d0%be%d0%b2-%d0%bb%d0%b8%d1%82%d1%81%d0%be%d0%b2%d0%b5%d1%82/>.
130. НИКОЛЬСКИ 1933: НИКОЛЬСКИ Н. М. Жывёлы ў звычайх, абрадах і вераньнях беларускага сялянства. Вып. 3. Минск: Бел АН, 1933. – 136 с.
131. НАУМОВА 2012: НАУМОВА И. О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики). Харьков: ХНАГХ, 2012. – 214 с.
132. НЕЧАЕВ 1999: НЕЧАЕВ В. Суперальманах народных АиФоризмов. Москва: АИФ, 1999. – 129 с.
133. НИКИТИНА 1998: НИКИТИНА Т. Г. Так говорит молодежь: Словарь молодежного сленга. 2-е изд., испр. доп. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. – 587 с.
134. НИКИФОРОВСКИЙ 1897: НИКИФОРОВСКИЙ Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск: Губернская Типо-Литография, 1897. – 308 с.
135. НИКУЛИНА 2005: НИКУЛИНА Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка: автореф. дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Москва, 2005. – 44 с.
136. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
137. НОВИКОВ 2004: НОВИКОВ А. Б. Словарь перифраз русского языка. 2-е изд. Москва: Русский язык, 2004. – 224 с.

138. НРЛ-78 – Новое в русской лексике: Словарные материалы-78 / Н. Г. Герасимова, Н. З. Котелова, Т. Н. Поповцева, В. П. Петушков / Под ред. Н. З. Котеловой. Москва: Русский язык, 1981.– 262 с.
139. НРСН 2016: Немецко-русский словарь неологизмов. Новая лексика 1991–2010. Doris Steffen, Olga Nikitina. Mannheim, 2016. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pub.ids-mannheim.de/laufend/eigenverlag/eigen33.html>.
140. НСЗ-80: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Т. Н. Буцева, Ю. Ф. Денисенко, Е. П. Холодова и др. / Под ред. Е. А. Левашова; РАН. Ин-т лингвистических исследований. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. – 904 с.
141. НСЗ-90, 1-3: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов / Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонобоблева / Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009–2015.
142. ОДЕССКИЙ, ФЕЛЬДМАН 2015: ОДЕССКИЙ М. П. – ФЕЛЬДМАН Д. М. Миры И. А. Ильфа и Е. П. Петрова. Очерки вербализованной повседневности. Москва: РГГУ, 2015. – 293 с.
143. ОЖЕГОВ, ШВЕДОВА 1999: Ожегов С. И. – Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. – 944 с.
144. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://government.ru/>
145. Официальный сайт Правительства Чешской республики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vlada.cz/>
146. Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/>
147. Официальный сайт Президента Чешской республики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.zemanmilos.cz/cz/>
148. Официальный сайт Премьер-министра Российской Федерации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://premier.gov.ru>
149. ПАХОМОВ 2010: ПАХОМОВ С. В. Контуры эзотериологии: эскиз научной дисциплины об эзотеризме // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. «Тайное и явное»: Многообразие репрезентаций эзотеризма и мистицизма. Сб. материалов четвертой межд. науч. конф. (2–4 декабря 2010 г., Днепропетровск). Под ред. С. В. Пахомова. Санкт-Петербург: РХГА, 2011. – С. 76–91.
150. ПАХОМОВ 2013: ПАХОМОВ С. В. Специфика современной российской эзотериологии // Государство. Религия. Церковь. № 4(31). 2013. – С. 36–65.
151. Поисковая система Яндекс [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://yandex.ru/>
152. ПОКРОВСКАЯ 2015: ПОКРОВСКАЯ О. С. Эзотерический дискурс и эзотерическая картина мира на современном этапе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 2. – С. 77–84.
153. ПОЛЯКОВ 2013: ПОЛЯКОВ Ю. М. Бахрома жизни. Афоризмы, мысли, извлеченные для раздумий и для развлечения. Москва: АСТ, 2013. – 412 с.
154. ПОЛЯКОВ 2015: ПОЛЯКОВ Ю. М. От А до Я. Самая полная энциклопедия афоризмов, мыслей и цитат. Москва: У Никитских ворот, 2015. – 476 с.

155. ПОНОМАРИВ 2001: ПОНОМАРИВ О. Д. Культура слова: мовностилістичні поради. Київ: Либідь, 2001. – 240 с.
156. ПОПОВ 1903: ПОПОВ Г. Русская народно-бытовая медицина. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1903. – 404 с.
157. ПОПОВА 2005: ПОПОВА Т. В. Русская неология и неография. Учебное электронное текстовое издание подготовлено кафедрой «Русский язык». ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург 2005 [электронный ресурс]. Режим доступа: window.edu.ru/resource/514/28514/files/ustu121.pdf.
158. ПОПОВА 2012: ПОПОВА М. Теория на терминологията. Велико Търново: Знак 94, 2012. – 687 с.
159. ПОПОВА 2020: ПОПОВА М. Българският език и неговата терминология в ерата на глобализацията // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин» (София, 2020), том 1. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2020. – С 158–166.
160. ПРИВАЛОВА 2005: ПРИВАЛОВА И. В. Интеркультура и вербалный знак. Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации. Москва: Гнозис, 2005. – 469 с.
161. Прыжок (отскок) дохлой кошки на форекс. Режим доступа: <https://www.fxtaa.com/pryzhok-otskok-dokhloy-koshki-na-foreks/>.
162. РАЗУМОВСКАЯ 2019: РАЗУМОВСКАЯ М. М. и др. Русский язык. 8 класс. Учебник. Москва: Дрофа, 2019. – 290 с.
163. РЕМЧУКОВА 2016: РЕМЧУКОВА Е. Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвократива» // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. 7, 2016. – С. 157–168.
164. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 2004: РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В. Библиейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: историко-литературное исследование: дис. в виде научного доклада ... доктора фил. наук. СПб., 2004. – 391 с.
165. РОССИ 1987: РОССИ Ж. Справочник по ГУЛАГу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. Предисловие Алена Безансона. Overseas Publications Interchange Ltd. London. – 546 с. Изд. 2-е (в двух частях), дополненное. Текст проверен Н. Горбаневской. Москва: Просвет, 1991. – 546 с.
166. РЯК 1996: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Отв. ред. Е. А. Земская. Москва: Языки русской культуры, 1996. – 480 с.
167. САБИРОВ 2008: САБИРОВ Р. А. Татарско-русский полный учебный словарь. М.: Толмач СТ; Казань: Татарнамэ, 2008. – 336 с.
168. САБОЛОВА 2018: САБОЛОВА Д. Новообразования на базе лексической единицы майдан в интернет-пространстве // Русин. № 2 (52). Томск, 2018. – С. 207–220.
169. СД 1995: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. – Москва: Международные отношения, 1995. – 584 с.
170. СЕРГЕЕВ 1997: Сергеев В. Н. Внелитературная речь как источник новой фразеологии русского литературного языка // Новые слова и словари новых слов. Санкт-Петербург: Наука, 1997. – С. 77–85.

171. СЕРОВ 2003: СЕРОВ В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Москва: Локид-Пресс 2003. – 852 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru>.
172. СКНАРЕВ 2014. СКНАРЕВ Д. С. Неофразеологизм как средство создания образа в рекламном дискурсе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14127> (дата обращения: 05.05.2020).
173. СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТА.RU 2016 / Под ред. М. А. Кронгауза. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2018. – 288 с.
174. СМ – Славянская мифология: Энциклопедический словарь. Москва: Эллис Лак, 1995. – 416 с.
175. СМИРНОВ 1997: СМИРНОВ Л. Н. Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках // Л. Н. Смирнов, М. И. Ермакова, М. А. Осипова и др. Отв. ред. Л. Н. Смирнов. Москва: ИСБ, 1997. – 256 с.
176. СМИРНОВ 2003: СМИРНОВ В. П.: Большой полутолковый словарь одесского языка. Одесса: Друк, 2003. – 485 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://odessa_slang_dictionary.academic.ru.
177. СНС 50-80: Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Е. А. Левашев, Г. Н. Поповцева, С. И. Алаторцева, Т. Н. Буцева и др. – Под ред. Н. З. Котеловой; РАН: Институт лингвистических исследований. – СПб: Дмитрий Буланин, 1995. – 877 с.
178. СРВС: КОЗЛОВСКИЙ В. Собрание русских воровских словарей в четырёх томах. New York: Chalidze Publications, 1983.
179. СРЯ: Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1986.
180. СТАВИЦЬКА 2009: СТАВИЦЬКА Л. О. Короткий словник жаргонної лексики української мови. Київ: Критика, 2009. – 334 с.
181. СТЕПАНОВА 2008: СТЕПАНОВА Л. И. Динамические процессы в интернацио-нальной фразеологии // *Rossica Olomucensia* XIX. Olomouc, 2008. – С. 17–21.
182. СТЕПАНОВА 2011: СТЕПАНОВА Л. И. Фразеологические неологизмы в прошлом и настоящем // *Rossica Olomucensia*. Vol. L, č. 2. Olomouc, 2011. – С. 175–179.
183. СТЕПАНОВА, ДОБРОВА 2018: СТЕПАНОВА Л. – ДОБРОВА М. Словарь русских неологизмов. Olomouc: Univerzita Palackého, 2018. – 469 s.
184. СТОЯНОВА 2020: СТОЯНОВА Р. Терминологични фразеологични калки в най-новата българска и руска икономическа терминология // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин». София, 2020, том I. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2020. – С. 173–181.
185. СУМ 1970–1980: Словник української мови: в 11 тт. / За ред. І. К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
186. СФЭТ 2018: Словарь финансово-экономических терминов. Шаркова А. В. – А. А. Киячков – Е. В. Маркина и др. / М. А. Эскиндаров (ред.). 3-е изд. Москва: Дашков и К°, 2018. – 1168 с.

187. СЫЧЕВ 2020: СЫЧЕВ А. А. Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект. URL: https://silver-harbor.clan.su/_fr/0/sychev.pdf (Дата обращения: 20.03.2020).
188. ТАЙЛОР 1989: ТАЙЛОР Э. Б. Первобытная культура: Пер. с англ. Москва: Политиздат, 1989. – 573 с.
189. ТЕЛИЯ 1996: ТЕЛИЯ В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 285 с.
190. ТЕРИН 2020: Терминологичен енциклопедичен речник по икономически науки. М. Попова, А. Христова, Б. Попов, Д. Лесневска, Е. Петкова, К. Симеонова, М. Михайлова-Паланска, С. Мицева. София: Скала Принт, 2020. – 476 с.
191. ТИЧИНА 1983: ТИЧИНА П. Г. Зібрання творів у дванадцяти томах. Т. 1. Поезії 1906–1934 років. Київ: Наукова думка, 1983. – 736 с.
192. ТОЛСТАЯ 2008: ТОЛСТАЯ С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. – 528 с.
193. ТРЕТЬЯКОВА 2011: ТРЕТЬЯКОВА И. Ю. Оказиональная фразеология. Кострома: КГУ им. Некрасова, 2011. – 290 с.
194. ТРУС 2008: Татарско-русский учебный словарь. Казань: Татарское книжное издательство, 2008. – 168 с.
195. ТСРЯ 2007: УШАКОВ Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. Москва: ТЕРРА. Книжный клуб, 2007. – 752 с.
196. ФАСМЕР 1986: ФАСМЕР М. Этимологический словарь. Москва: Прогресс, Т. 2., 1986. – 559с.
197. ФЕДОРЕНКО, СОКОЛЬСКАЯ 1990: ФЕДОРЕНКО Н. Т. – СОКОЛЬСКАЯ Л. И. Афористика. Москва: Наука, 1990. – 415 с.
198. ФЕДОРОВ 2008: ФЕДОРОВ А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва: Астрель, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://phraseology.academic.ru>.
199. ФЕДОРОВА 2020: ФЕДОРОВА Л. Л. «Образы русской речи» в современных медиа. URL: <https://medialing.ru/obrazy-russkoj-rechi-v-sovremennyh-massmedia/>.
200. ФЕДОСОВ 2000: ФЕДОСОВ О. И. Десять лет «бархатных революций» в зеркале идиом и метафор // Слово во времени и пространстве. К 60-летию профессора В. М. Мокиенко / Под ред. Г. А. Лилич, А. К. Бириха и Е. К. Николаевой. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2000. – С. 400–414.
201. ФЕЛИЦЫНА, МОКИЕНКО 1999: ФЕЛИЦЫНА В. П. – МОКИЕНКО В. М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. Москва: Русский язык, 1990. – 222 с.
202. ФЕОКЛИСТОВА 1999: ФЕОКЛИСТОВА В. М. Иноязычные заимствования в русском языке 70–90-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тверь, 1999. – 19 с.
203. ФИЛИН 1949: ФИЛИН Ф. П. Говоры современной деревни и диалектологический атлас русского языка // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 6. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 3–15.

204. ФИТС 2002: Финансово-инвестиционный толковый словарь. 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rus-financial-investment-dict.slovaronline.com
205. ФРБЕ 1974: Фразеологичен речник на българския език. Т. I. А–Н. Съст. К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова. София: Издателство на Българската академия на науките, 1974. – 760 с.
206. ХИМИК 2000: ХИМИК В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.
207. ХИМИК 2017: ХИМИК В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. Т. I. А–Н. Санкт-Петербург: Златоуст, 2017. – 528 с.
208. ХМЕЛЕВСКИЙ 2017: ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. «Языковой портрет» современной Украины // *Komunikacja specjalistyczna*. Vol. 13. Warszawa, 2017. – С. 79–104.
209. ХМЕЛЕВСКИЙ 2018: ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. Концептуальное переосмысление тюркизмов, ставших национальными символами славянских народов // *Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном про-странстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации*. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 118–124.
210. ХМЕЛЕВСКИЙ 2019: ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. Лингвистический анализ обиходно-разговорной речи русскоязычного населения современной Украины в свете русско-украинского билингвизма (по материалам полевых исследований) // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. № 3(103), 2019. – С. 189–196.
211. ХМЕЛЕВСКИЙ, РАИНА, ТОИЧКИНА 2019: ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. – РАИНА О. В. – ТОИЧКИНА А. В. Современная языковая политика на Украине: законодательство и реальная действительность (результаты полевых исследований) // *Вопросы этнополитики*, 2019. № 4. – С. 98–119.
212. ШАДРИН Н. Л. 1991: Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991. – 221 с.
213. ШЕВЧУК-ЧЕРНОГОРОДОВА 2016: ШЕВЧУК-ЧЕРНОГОРОДОВА М. А. Неологизмы с компонентами цветообозначения во фразеологических системах русского, английского и французского языков // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций*, 2016. № 3 (15). – С. 121–126.
214. ШОВГУН 2000: ШОВГУН Н. О. Формування українського сленгу в мовленнєвій діяльності малих соціальних груп. автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Київ, 2000. – 17 с.
215. ШОМОВА 2018: ШОМОВА С. А. Мемы как они есть. Москва: Аспект Пресс, 2018. – 136 с.
216. ШСП 2002: Школьный словарь живых русских пословиц / Сост. Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко. Гл. ред. В. М. Мокиенко, редакторы Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 352 с.
217. ЩЕГЛОВ 2009: ЩЕГЛОВ Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. – 656 с.

218. ЩУРИНА 2012: ЩУРИНА Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог, 2012. № 3. – С. 161–173.
219. ЩУРИНА 2014: ЩУРИНА Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета, 2014. Вып. № 6 (59). – С. 85–89.
220. Энциклопедия мемов. – 2020 // Memepedia.ru.
221. ЮДАХИН 1995: ЮДАХИН К. К. Киргизско-русский словарь. Фрунзе: Советская энциклопедия, 1965. – 976 с.
222. ЯНДЕКС.БЛОГИ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://yandex.ru/blogs>
223. ЯНДЕКС.НОВОСТИ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://yandex.ru/news/>
224. ЯНУРИК 2012: ЯНУРИК С. О некоторых типах калькированных английских терминов в современном русском языке // Вестник. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Вып. 26. Будапешт, 2012. – С. 111–116.
225. ЯНУРИК 2018: ЯНУРИК С. / JANURIK SZ. О некоторых типах калькированных английских терминов в современном русском языке // Голоса русской филологии из Будапешта. Будапешт, 2018. – С. 247–257.
- ANUSIEWICZ, SKAWIŃSKI 1996: ANUSIEWICZ, J. – SKAWIŃSKI, J. Słownik polszczyzny potocznej. Warszawa: Wydawnictwo Szkolne PWN, 1996. – 410 s.
226. ASCS 1995: Akademický slovník cizích slov. Praha: Academia, 1995. – 445 s.
227. BAҒA 2009a: BAҒA, S. Derywacja frazeologiczna jako jeden ze sposobów pomnażania frazeologii współczesnej polszczyzny // S. BaҒa, Frazeologia polska. Studia i szkice, Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2009. – S. 181–192.
228. BAҒA 2009b: BAҒA, S. Główne typy innowacji frazeologicznych // S. BaҒa, Frazeologia polska. Studia i szkice. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne 2009b. – S. 25–30.
229. BAҒA, FLICIŃSKI, LIBEREK 2013: BAҒA, S. – FLICIŃSKI, P. – LIBEREK, J. Nowe jednostki frazeologiczne w zasobie współczesnej polszczyzny // S. BaҒa, P. Fliciński, J. Liberek, K. Skibski, Szkice frazeologiczne. Poznań: Rys 2013. – S. 51–57.
230. BD – Business Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.businessdictionary.com>.
231. BIESIEKIRSKA 1997: BIESIEKIRSKA, L. Internationalization in Russian Medical Terminology // Neoterm, 1997, № 31/32. – S. 87–90.
232. BOKAL 2004: BOKAL, L. Znamenja angleščine kot globalnega jezika v slovenščini, še posebej s stališča terminologije = Signs of English language globalization in Slovenian, with special reference to terminology // HUMAR, Marjeta (ur.). Terminologija v času globalizacije: zbornik prispevkov s simpozija Terminologija v času globalizacije, Ljubljana, 5.–6. junij 2003: collected papers from the Scientific Conference Terminology at the Time of Globalization, Ljubljana, 5th–6th June 2003. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Založba ZRC, 2004. – S. 45–55.
233. BRALCZYK 1979a: BRALCZYK, J. Frazeologia polityczna artykułów prasowych // Sprawozdania z Posiedzeń Komisji Naukowych PAN. Oddział w Krakowie XXI, nr 1, 1979a. – S.104–105.

234. BRALCZYK 1979b: BRALCZYK, J. O frazeologii politycznej // *Zeszyty Prasoznawcze*, nr 2, 1979. – S. 31–40.
235. BRALCZYK 1992: BRALCZYK, J. Frazeologia partii politycznych i jej społeczny odbiór // *Nowa Europa*, nr 69, 1992.
236. BRALCZYK 2015: BRALCZYK, J. 500 polskich zdań. Warszawa: Agora, 2015. – 517 s.
237. CBED – Cambridge Business English Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>.
238. CD – Cambridge Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>.
239. CHACIŃSKI 2019: CHACIŃSKI, B. Rapowe nowe słowa w starym roku. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://polifonia.blog.polityka.pl/2019/12/16/rapowe-nowe-slowa-w-starym-roku/>.
240. CHLEBDA 1991: CHLEBDA, W. Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy. Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Opolu, 1991. – 198 s.
241. CZESZEWSKI 2006: CZESZEWSKI, M. Słownik polszczyzny potocznej. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006. – 388 s.
242. DUNAJ 2015: DUNAJ, B. Związła historia języka polskiego – założenia opisu // *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza* 22, nr 1, 2015. – S. 69–79.
243. FRANKOWSKA 1989: FRANKOWSKA, M. Frazeologia i metaforyka w tekstach politycznych lat 1989–1993 // J. Anusiewicz, B. Sicińska (red.). *Język a kultura*. T. 11: Język polityki a współczesna kultura polityczna. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej 1994. – S. 21–47.
244. GÓRNIAK 2009: GÓRNIAK, Z. Siostra i byk. Warszawa: W.A.B., 2009. – 264 s.
245. GRABIAS 2001: GRABIAS, S. Środowiskowe i zawodowe odmiany języka – socjolekty // *Współczesny język polski*. Red. J. Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS 2001. – S. 235–254.
246. GRABIAS 2019: GRABIAS, S. Język w zachowaniach społecznych. Podstawy socjolingwistyki i logopedii. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2019. – 356 s.
247. GRINYOV 1987: GRINYOV S. V. *Studies in Russian Terminological Borrowing. The State of the Art* // *Neoterm*, 1987, №7/8.
248. GUCWA 1938: GUCWA, F. Gwara uczniowska w Lublinie // *Pamiętnik Lubelski*. T. III (odbitka). Lublin: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Lublinie, 1938. – S. 3–5.
249. HAUDRESSY 1992: HAUDRESSY D. Les mutations de la langue russe. Ces mots qui disent l'actualité (= Новые слова. Отражают события 1991 года. Словарь-справочник). Paris: Institut d'études slaves, 1992. – 269 p.
250. HENDRYKOWSKI 2013: HENDRYKOWSKI, M. Najlepsze kasztany. Księga cytatów polskiego filmu. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2013. – 380 s.
251. HILFERDING 1989: HILFERDING, A. Resztki Słowian na południowym wybrzeżu Morza Bałtyckiego. Gdańsk, 1989. – 270 s.
252. HORECKÝ, RÁCOVÁ 1979: HORECKÝ, J. – RÁCOVÁ, A. *Slovník jazykovedných terminov*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1979. – 203 p.
253. HORNBY 2000: HORNBY, A.S.: *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. London: Oxford University Press, 2000. – 1602 p.

254. JANURIK 2017: JANURIK SZ. Angol mintára keletkezett tükörszavak a magyarban és az oroszban [Кальки с английского в венгерском и русском языках] // Lukács I. (szerk.) Nexus Linguarum. Köszöntő kötet a 80 éves Nyomárkay István akadémikus tiszteletére. (Opera Slavica Budapestinensia. Symposiae Slavicae.) Budapest: ELTE BTK Szláv és Balti Filológiai Intézet Szláv Filológiai Tanszék. – S. 147–160.
255. KANIA 1995: KANIA, S. Słownik argotyzmów. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1995. – 275 s.
256. KASZYŃSKI 2008: KASZYŃSKI, M. Rytuś. Warszawa: RUNA, 2008. – 472 s.
257. KOŁODZIEJEK 2005: KOŁODZIEJEK, E. Człowiek i świat w języku subkultur. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2005. – 274 s.
258. KOMPARACJA 2008: Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 3. Frazeologia. Redakcja naukowa Walerij Mokijenko i Harry Walter. – Universität Greifswald – Institut für Slawistik, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. Opole, 2008. – 527 s.
259. KONATOWSKI 2007: KONATOWSKI, T. Przystanek śmierć. Warszawa: W.A.B., 2007. – 400 s.
260. KPP 1889: ADALBERG, S. Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa: Druk Emila Skińskiego, 1889–1894. – 811 s.
261. KRAMERS 2002: KRAMERS. Het Juiste Woord, 6de druk. – Antwerpen: Standaard Uitgeverij, 2002. – 1415 p.
262. KRAWCZYK-TYRPA 1987: KRAWCZYK-TYRPA, A. Frazeologia somatyczna w gwarach polskich. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. – 273 s.
263. KRES 2016: Słowniczek współczesnej gwary uczniowskiej / Pod redakcją Moniki Kresy. Warszawa, 2016. – 73 s. [spcelestynow.pl>słownik_gwary.pdf]
264. LAAN 2006: LAAN K. Ter. Nederlandse spreekwoorden, spreuken en zegswijzen, 31de druk. – Utrecht: Spectrum, 2006. – 512 p.
265. LAUDAŃSKA 1986: LAUDAŃSKA, M. Modyfikacja znaczenie rzeczownika w tekstach propagandy politycznej. Wybrane zagadnienie // Rocznik Humanistyczny Towarzystwa Naukowego KUL, nr 6, 1986. – S. 5–35 [rozdział II: Wyrażenia frazeologiczne języka propagandy, S. 18–33].
266. LPPH 1998: WILAMOWSKI, M. – WŃĘK, K. – ZYBLIKIEWICZ, L. A. Leksykon polskich powiedzeń historycznych. Kraków: Znak, 1998. – 189 s.
267. LUDWIKOWSKI 1922: LUDWIKOWSKI, Wiktor – WALCZAK, Henryk: Żargon mowy przestępców. „Blatna muzyka”. Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej. Warszawa 1922. – 127 s.
268. MIEDER 1990: MIEDER W. ‘Wir sitzen alle in einem Boot’. Herkunft, Geschichte und Verwendung einer neueren deutschen Redensart // Muttersprache. Nr. 100. – S. 18–37.
269. MIEDER 1995: MIEDER W. Deutsche Redensarten, Sprichwörter und Zitate. Studien zu ihre Herkunft, Überlieferung und Verwendung. Wien: Edition Praesens, 1995. – 250 S.

270. MIEDER 2010: MIEDER, Wolfgang. Preface // *Naciscione, Anita: Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company 2010. – P. 1–7.
271. Miejski.pl. Słownik slangu. <https://www.miejski.pl/>.
272. MIEJSKI.PL: Miejski słownik slangu i mowy potocznej. <https://www.miejski.pl>.
273. MOKIENKO 1997: MOKIENKO V. Die russische Geschichte des Amerikanismus «Wir sitzen alle in einem Boot» // *Proverbium* 1997 (14). – S. 231–245.
274. MOKIENKO 2018: MOKIENKO, V. M. Wo der Hund begraben liegt. Studien zur slawischen Parömiologie und Phraseologie. Burlington, Greifswald: Volumina, 2018. – 308 S.
275. NACISCIONE 2010: NACISCIONE, Anita. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. – 292 c.
276. NSGU: Nowy Słownik gwary uczniowskiej. Red. H. Zgólkowa. Poznań: Wydawnictwo EUROPA 2004. – 425 s.
277. NWB-1998: Neue Wörter und Bedeutungen. Russische Lexik der 90er Jahre. Zusammengestellt von E. Kanowa, W. Egert, V. Mokienko. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin. ZE Sprachenzentrum. – 70 S.
278. OJUW: Obserwatorium Językowe Uniwersytetu Warszawskiego. Najnowsze słownictwo polskie. Red. nauk. K. Kłosińska, M. Czeszewski. [електронный ресурс]. Режим доступа: <https://nowewyrazy.uw.edu.pl/>
279. ORŁOŚ, HORNIK 1996: ORŁOŚ, T. Z. – HORNIK, J. Czesko-polski słownik skrzydlatych słów. – Kraków: Universitas. Kraków, 1996. – 377 s.
280. PACHOWICZ 2013: PACHOWICZ, M. Leksyka socjolektalna w wybranych słownikach gwary uczniowskiej i studenckiej (XX – XXI w.) // *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, t. LIX, 2013. – S. 189–197.
281. PSTYGA 1998: PSTYGA, Alicja. Innowacje leksykalne we współczesnych językach słowiańskich w perwpektywie paraleli // *Studia Rossica VI*. Warszawa, 1998. – S. 241–250.
282. PTAŚNIK 1934: PTAŚNIK, J. *Życie żaków krakowskich*. Lwów: Biblioteka filomaty 11, 1934. – 162 s.
283. PWN: Słownik języka polskiego PWN [електронный ресурс]. Режим доступа: <https://sjp.pwn.pl>.
284. RAK 2020: RAK, M. Serwis YouTube jako źródło najnowszej polskiej frazematyki // *Новое в русской и славянской фразеологии* / Ред. А. Архангельская. Olomouc, 2020. – S. 166–169.
285. REJZEK 2001: REJZEK, J. *Český etymologický slovník*. Praha: LEDA, 2001. – 752 s.
286. RUTA 2013: RUTA, K. – WRZEŚNIEWSKA-PIETRZAK, M. (Po)nowocześnie – o socjolekcie studenckim // *Polonica XXXIV*, 2013. – S. 260–278.
287. SABALA 2015: SABALA, M. – ŻUREK, A. Kolos, stypa, legitka, czyli o Słowniku języka studentów Uniwersytetu Warszawskiego // *Українська полоністика* (12), 2015. – S. 72–78.
288. SCHREIBE 1939: SCHREIBE, I. *O gwarze uczniowskiej*. Kraków: Nauka i Sztuka, 1939. – 28 s.
289. SFJP 1968: SKORUPKA, S. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. T. I–II. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1967–1968. T. I – 788 s., t. II – 905 s.

290. SGS: KACZMAREK, Leon – SKUBALANKA, Teresa – GRABIAS, Stanisław: Słownik gwary studenckiej. Lublin: Wydawnictwo UMCS 1994. – 328 s.
291. SGU: CZARNECKA, Katarzyna – ZGÓŁKOWA, Halina: Słownik gwary uczniowskiej. Poznań: Wydawnictwo SAWW 1991. – 336 s.
292. SGWar: WIECZORKIEWICZ, Bronisław: Słownik gwary warszawskiej XIX wieku. Warszawa: PWN 1966. – 487 s.
293. SJP.pl: Słownik SJP.pl. <https://sjp.pl/>.
294. SJSUW: Słownik języka studentów Uniwersytetu Warszawskiego. Red. M. Kresa, M. Sabala, A. Żurek. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://klubabsolwentow.uw.edu.pl/uw-dzis/slang-uw/>
295. SLANG UG 2010: Slang UG. Słownik slangu studentów Uniwersytetu Gdańskiego. Red. M. Widawski. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2010. – 348 s.
296. SIGU: Słowniczek gwary uczniowskiej. Red. M. Kresa, 2016. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.spcelestynow.pl/slownik_gwary.pdf
297. SŁOWO. TEKST. CZAS VI, 2002: Nowa frazeologia w nowej Europie. Новая фразеология в новой Европе. Neue Phraseologie im neuen Europa. Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin 6-7 czerwca 2001 r., Greifswald, 8-9 czerwca 2001 r.). Pod redakcją Michaiła Aleksiejenkina, Walerego Mokijeni, Harrego Waltera. Szczecin-Greifswald 2002. – 623 S.
298. SOCHOVÁ, POŠTOLKOVÁ 1994: SOCHOVÁ, Z. – POŠTOLKOVÁ, B. Novinky v současné slovní zásobě. Praha: Portál, 1994. – 204 s.
299. STĚPANOVA 2011: STĚPANOVA, L. Současný ruský jazyk: triumf verbální svobody. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého, 2011. – 189 s.
300. STĚPANOVA, DOBROVA 2018: STĚPANOVA, L. – DOBROVA, M. Slovník ruských neologismů. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého, 2018. – 469 s.
301. STGP: STĘPNIAK, Klemens: Słownik tajemnych gwar przestępczych. Londyn: Wydawnictwo Puls 1993. – 736 s.
302. SZCZERBOWSKI 2018: SZCZERBOWSKI, T. Polskie i rosyjskie słownictwo slangowe. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2018. – 392 s.
303. SZERSZUNOWICZ 2004: SZERSZUNOWICZ, J. Paralelizmy frazeologiczne w analizie komparatywnej. // Białostockie Archiwum Językowe, nr 4, 2004. – S. 207–220.
304. TARAS 2017: TARAS, B. Socjolekt rzeszowskich studentów – tradycja międzypokoleniowa czy efemeryczna ekspresywność? // SŁOWO. Studia językoznawcze. 8/2017. – S. 247–255.
305. The History of ‘Bull’ and ‘Bear’ Markets. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/the-origins-of-the-bear-and-bull-in-the-stock-market>.
306. UŁASZYN 1938: UŁASZYN, Henryk: Przyczynki leksykalne 2: Trzy gwary uczniowskie: wielkopolska, królewiacka i galicyjska. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk 1938. – S. 387 – 432.
307. VAN DALE 1999: VAN DALE. Idioomwoordenboek: verklaring en herkomst van uitdrukkingen en gezegden. – Utrecht/Antwerpen: Uitgeversmaatschappij The Reader's Digest, 1999. – 1049 p.

308. VAN DALE 2004: VAN DALE. Groot woordenboek der Nederlandse taal, 13de druk. – Utrecht – Antwerpen: Van Dale Lexicografie, 2004. – 4295 p.
309. WALTER 2002: Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. Greifswald 2002. – 153 S. (в соавт. с В.М. Мокиенко)
310. WALTER 2019: WALTER, H. Der amerikanische Käse in der russischen und der deutschen Mausefalle // 13. Deutscher Slavistentag Tagungsprogramm – Abstrakta – Praktische Hinweise. Trier, 24.–26. September 2019. A. Bierich, T. Bruns, E. Lüdke (Hg.). Berlin: Frank & Timme. – S. 138–139.
311. WALTER 2021: WALTER, H. Deutsche Sprichwörter und Redensarten. Historisch-etymologische Skizzen mit europäischen Äquivalenten. Hamburg: Verlag Dr. Kovač. – 605 S.
312. WALTER, MOKIENKO 2011: WALTER, H. – MOKIENKO, V.M. (K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie. Greifswald: Universität Greifswald, 2011.– 460 S.
313. WIECZORKIEWICZ 1974: WIECZORKIEWICZ, B. Gwara warszawska dawniej i dziś. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. – 517 s.
314. WITALISZ 2016: WITALISZ, A. Przewodnik po anglicyzmach w języku polskim. Kraków: Wydawnictwo JAK, 2016. – 220 s.
315. WOJTCZUK 2000: WOJTCZUK, K. Charakterystyka socjolingwistyczna polskiego slangu uczniowskiego // Roczniki Humanistyczne. Tom XI, VIII. z. 6, 2000. – S. 51 – 71.
316. WOLANOWSKI 1902: WOLANOWSKI, I. Gwara uczniów lubelskich z lat 1875 – 1885. // Wisła, T. 16, 1902, z. 1. – S. 123 – 124.
317. WSJP: ŻMIGRODZKI, P. Wielki słownik języka polskiego PAN. <https://wsjp.pl/>.
318. ZGÓŁKOWA 2005: ZGÓŁKOWA, Halina: Gwara uczniowska (szkolna) w poszukiwaniu inspiracji, 2005. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rjp.pan.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=1357&Itemid=50,
319. ŻMIGRODZKI 2006: ŻMIGRODZKI, P. Od „słynnego cytatu” do nieciągłej jednostki języka. O kilku nowszych frazeologizmach „filmowych” w Wielkim słowniku języka polskiego PAN // G. Dziamska-Lenart, J. Liberek (red.). Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Geneza dawnych i nowych frazeologizmów polskich. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2006. – S. 117–133.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мокиенко Валерий Михайлович Слово о Festschrift'ном Юбилея	5
Здравитцы друзей проф. Харри Вальтера по случаю его Юбилея (Избранное).....	11
I. Общие проблемы фразеологической неологии	21
Вальтер Харри, Мокиенко Валерий Михайлович Русские и немецкие фразеологические неологизмы в лексикографической презентации	21
Людмила Степанова Новое в этимологических словарях русской и чешской фразеологии	34
Рычева Екатерина Алексеевна
Политический дискурс как область возникновения фразеологических неологизмов в русском и чешском языках	37
Скакун Софья Новые и старые смыслы крылатики белорусской осени 2020-го	45
Павлова Людмила Панасовна Вероятные источники появления фразеологических неологизмов (на примере нидерландского языка)	52
II. Фразеологические неологизмы в интернете и устной речи	57
Рак Мацей Новейшая польская фразематика, мотивированная политикой, кинематографом и сервисом YouTube (избранные примеры).....	57
Андрианова Дарья Витальевна Интернет-мемы как источник фразеологических неологизмов устно-письменной коммуникации и их выход в разговорную речь	64
Вильк Габриела Фразеологические кальки английского происхождения в русском и польском бизнес-жаргоне.....	69
Кузнецова Ирина Владимировна Представители фауны в неофразеологических кальках-англицизмах терминологического характера.....	77
Стоянова Радостина Стоянова Терминологические фразеологизмы как отражение тенденции к интернационализации экономической терминологии в болгарском и русском языках	82
Коваль Владимир Иванович Является ли калькой фразаема Вот где собака зарыта?.....	91
Невзорова-Кмеч Елена	

Новые слова и фразеологизмы в современном ученическом и студенческом жаргоне	96
Игнатъева Наталья Дмитриевна	
Диалектизмы в новой русской фразеологии и фразеологические неологизмы в диалектной речи	104
III. Фразеологические неологизмы в тексте и прецедентном тексте	110
Королькова Анжелика Викторовна	
Фразеологические неологизмы и фразеологические окказионализмы в современной русской афористике	110
Ничипорчик Елена Владимировна	
Новая жизнь киноцитаты «без шума и пыли»	114
Гулякова Ирина Геннадьевна	
Новое и старое в фразеологизмах современного русского языка с компонентом новый/старый	123
Сидоренко Константин Павлович	
Бытовая реалья через иноязычное заимствование: интертекстовый аспект (И. Ильф и Е. Петров)	126
Доброва Мария Сергеевна	
О новой русской фразеологии «эзотерического» происхождения	130
Еськова Анна Дмитриевна	
Авторская фразеология и паремиология в повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина»	135
IV. Фразеологические неологизмы в в концептуальном пространстве	139
Хмельевский Михаил Сергеевич; Савченко Александр Викторович; Раина Ольга Викторовна	
Концептуальное переосмысление тюркизма «майдан» в современных славянских языках и фразеологии	139
Алёшин Алексей Сергеевич, Зиновьева Елена Иннокентьевна	
Неофразеологизм «набрасывать на вентилятор»: семантика и функционирование в современной публицистике	146
ЛИТЕРАТУРА	151

Подписано в печать 11.03.2022 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10. Тираж 300 экз.
Заказ № 5641.

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в ООО «Издательство «ЛЕМА»»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>